

П Л А Х А

1917 – 2017

**СБОРНИК СТАТЕЙ
О РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

**Д. О. БАБИЧ, Е. А. БЕЛЖЕЛАРСКИЙ, А. М. МАЛЕР,
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ, С. Ф. ЧЕРНЯХОВСКИЙ,
А. В. ЦИПКОВ**

МОСКВА – 2015

УДК 821.161.1-1

ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

П 27

Составитель А.В. Щипков

П 27 Плаха. 1917 – 2017: Сборник статей о русской идентичности/
сост. А.В. Щипков – М, ПРОБЕЛ-2000, 2015. – 216 с.

ISBN 978-5-98604-506-1

Сборник «Плаха», как и сборник «Перелом», выпущенный теми же составителями в 2013 году, продолжает традицию дореволюционных «Вех». Этот жанр предполагает «политику вне политики» – откровенные размышления о судьбах страны, затрагивающие все болевые точки общественного сознания. Созвучные друг другу, но не во всём идейно схожие тексты сборника принадлежат авторам, которые остро переживают тяжёлое положение своего народа. Сборник создавался на фоне кровавых политических событий и запечатлел ответ интеллектуальной части русского общества на брошенный ей вызов. Шесть авторов посвятили свои статьи проблемам русской и советской идентичности, русско-украинским отношениям, банкротству неolibеральной идеологии, истории русской Катастрофы. Вопрос, который проходит лейтмотивом через весь сборник, – как не дать украсть у русского общества часть его истории?

ISBN 978-5-98604-506-1

© Щипков А.В., 2015

© ПРОБЕЛ-2000, 2015

От составителя

Собрание статей под названием «Плаха» продолжает проект, начатый нами два года назад.

Тогда, в 2013 году, вышел в свет сборник «Перелом». Мы посвятили его дореволюционным «Вехам» и «веховской» традиции откровенных размышлений о судьбах страны. «Вехи» — это, так сказать, политика вне политики. Сила «веховцев» в неподдельной искренности общественных и политических суждений. Судя по развернувшейся вокруг «Перелома» полемике, мы смогли попасть в этот уникальный формат, затронуть нервные узлы общественной жизни, — словом, задействовать «память жанра».

Надеемся, что эта память сработала и в «Плахе», и нам вновь удалось реализовать право участников проекта на прямое высказывание. Заключительный сборник нашей «трилогии» намечен на конец 2016 года.

Созвучные друг другу, но не во всём схожие идеологически статьи настоящего сборника — гарант того, что наша интеллектуальная площадка не стала образцом искусственного единомыслия. Здесь собраны авторы, которые, несмотря на разницу взглядов, имеют одно общее свойство: они остро

переживают тяжелое положение, в котором оказалась наша страна, и готовы откровенно говорить об этом. Это, как сказали бы публицисты старой школы, люди с общественным темпераментом. Они понимают, что ситуация требует срочных и кардинальных перемен в политике, пока Россия ещё сохраняет историческую субъектность.

Название и тематические рамки сборника были неизвестны никому из авторов вплоть до отправки сборника в типографию. Этот принцип даёт на выходе спонтанное, не подготовленное полемикой и непредсказуемое столкновение идей. Такое столкновение способно стать непосредственным отражением реальных идеологических процессов, происходящих в российском обществе. Здесь уместен принцип «и чем случайней, тем вернее».

Но отсутствие идеологической заданности и идейное «непредрешенчество» не отменяют наличия в сборнике собственного композиционного решения, «архитектурной» концепции с контрапунктами, инверсиями, рифмовками и рефренами, которые несомненно будут заметны читателю уже при беглом просмотре оглавления. Но это о форме. Теперь о содержании.

Читатель помнит, что лейтмотивом «Перелома», который писался за год до крым-

ских событий, был раскол русского общества, разделение справедливости и традиции в русской истории и пути их возвращения друг к другу. Сборник «Плаха» создавался на фоне кровавых событий, в новых и никем не предсказанных обстоятельствах, которые предопределили тематическую направленность сборника. Перед нами встала задача — запечатлеть исторический миг, когда формируется ответ русского общества на брошенный ему вызов. Формируется в обход телевизионных ток-шоу, блоггерских провокаций и информационных войн. Необходимо было отделить реальную жизнь российских интеллектуалов от законов проплаченного медийного пространства, в котором каждый политический лагерь создаёт устраивающую его картину общественных настроений.

Раскол между традицией и справедливостью, советским и несоветским, красными и белыми всегда держал общество в состоянии болезненной стагнации. Но в ситуации скачкообразно возросшего геополитического противостояния он ставит под вопрос выживание нации. Либо раскол преодолевается, либо он переходит в распад нации и государства.

Именно этим обстоятельством объясняется историческая датировка сборника: 1917—2017. Она говорит о том, что наше обще-

ство созрело для важного вывода: историю ещё никому и никогда не удавалось начать с чистого листа. Ни в 1917-м, ни в 1991-м, ни в 2014-м. Бессмысленная борьба между советским и антисоветским в общественном сознании исчерпала себя. На смену этой изнуряющей борьбе приходит понимание общих закономерностей национальной истории и общих параметров государственности, различимых как в дореволюционном, так и в советском прошлом и устоявшихся со времён византийского выбора России.

Советский период уже сегодня начинает восприниматься как неотъемлемая часть русской истории, а советская идентичность — как важный элемент русской идентичности.

Сегодня мы должны перестать отсчитывать наши задачи от того, что произошло 100 лет назад. Сегодня важно то общее, что не смогла расколоть даже гражданская война, что существовало и в дореволюционной России, и в советский период. Для обеих сторон исторического конфликта есть лишь один-единственный выход: они обязаны преодолеть гордыню. Не дать украсть у русского общества часть его истории.

И несколько слов о заглавии сборника «Плаха», которое является для составителя знаковым.

Русские — это один из народов, подверг-

шихся геноциду в прошлом веке, и, в отличие от многих других, подвергающийся ему сейчас. Геноцидом русских и дружественных нам народов являлась этническая война 1941-1945 годов. И если евреи уже пережили и осмыслили свою Катастрофу, то русские продолжают её переживать и осмыслять.¹

Уникальный случай: даже после 2014 года русские в массе своей не до конца осознали, что их уничтожают как нацию, хотя процесс давно миновал начальную стадию. Тема прредентизма в рамках украинского кризиса, русская весна и крымский сюжет — всё это попытки остановить процесс уничтожения. Тем не менее он пока не остановлен. На повестке дня транснациональных элит стоит окончательное решение русского вопроса. Это грозит исчезновением русских как нации, как политического субъекта.

Но исполнения приговора можно избежать. Для этого большинству народа достаточно осознать смертельную опасность и перестать играть по правилам, навязанным частью компрадорских элит правящего класса. В качестве аналогии в статье «Русофобия» приводится финал набоковского «Приглаше-

¹ Я бы так и назвал русскую катастрофу собственным, исконно русским историческим именем — Плаха. (Плаха — эшафот, место казни, *перен. разг.* — смертная казнь).

ния на казнь», где герой в последний момент осознал, что *без его согласия* его казнь не может состояться.

И мы верим, что казнь действительно не состоится. Если мы сами этого не захотим.

А. Щ.

ПЛАХА

Похищение русской идентичности

Несколько лет назад немецкий канцлер Ангела Меркель сделала заявление, которое породило много эмоциональных и противоречивых откликов. Причём отклики российских экспертов оказались даже более эмоциональными, чем оценки их западных коллег. Речь шла о конце эпохи мультикультурности. Одни комментаторы увидели в признании госпожи Меркель «уступку антимигрантским настроениям», другие — восстановление прав коренных европейцев. Но сегодня очевидно, что публичный жест Меркель был началом отсчёта новой эпохи. Правила игры в глобальном мире уже тогда начинали меняться.

Кризис мультикультурности

Мультикультурность отправили в утиль не потому, что мигранты оказались трудновоспитуемыми, а потому, что в мировой политике пришло время кардинального поворота и переоценки ценностей. Глобальный проект достиг своих пределов и был поставлен под сомнение. Начался откат — разумеется, на условиях и к выгоде глобализаторов, которые намерены поколебать основы миропорядка «сверху», пока они не поколеблены «снизу». Для этого они вынуждены «поджигать» мировую периферию.

В таких условиях мир архаизируется и возникает новый запрос на идентичность и традицию. Вот что

на самом деле имела в виду фрау Меркель. Переоценка ценностей уже происходит. Одним из её итогов стал «коричневый» переворот в Киеве и фактическая реабилитация фашизма западными элитами. Избитая фраза «после Освенцима нельзя писать стихи» теперь выглядит как мрачный каламбур. Но ответом на архаизацию неолиберального мира является встречный рост пассионарности, который также имеет в своей основе идентичность и традицию.

Идентичность принято определять через «квадрат идентичности» — набор известных параметров: язык, конфессия, культурная принадлежность, общая историческая судьба. Но если перевести смысл понятия «идентичность» на язык психологии, получится нечто вроде коллективной Я-концепции — то есть ответа общества на вопросы «кто мы, откуда и куда идём?». Осознание своей исторической миссии.

Сегодня в политическом споре выигрывает тот, чья идентичность более прочна и устойчива. И наоборот: кризис идентичности ведёт к утрате геополитических позиций в мире. Период, связанный с дроблением государств, регионализацией, искусственным конструированием идентичностей (например, бывшая Югославия), заканчивается. Растёт значение региональных союзов, рынков и валют. Симулякры глобального космополиса уступают место процессам реального этногенеза и нациогенеза. С этой точки зрения следует смотреть и на возвращение Россией Крыма, и на успех фундаменталистских движений на Востоке, и на рост национально-консервативных, радикально

националистических и нацистских идей в Восточной Европе. Не исключена новая волна суверенитетов: вслед за возвращением Крыма последовали попытки референдумов в Шотландии и Каталонии. И эта тенденция сохранится.

Мир вновь возвращается к нерешённым проблемам XVIII века, связанным с доминированием формата *nation state*, конфликтом секулярного и религиозного. Национальные общности вновь становятся главными акторами истории. Поэтому идентичность и традиция «растут в цене» и составляют капитал, который гарантирует устойчивость в современном мире. Идентичность и традиция получают право на прямое политическое высказывание. Происходит это там, где финансово-экономическое регулирование не срабатывает. Некоторые, прежде всего США, ухитряются использовать в своих целях пассионарный заряд чужой идентичности (война на Украине). Для наций наступило время, когда уже поздно задавать себе гамлетовские вопросы.

*Парадоксы идентичности
постсоветского периода*

Обратимся к русской традиции и русской идентичности. Мы можем дать их развёрнутую формулу, состоящую из ряда компонентов — таких, как православная этика, социальная справедливость, социальное равенство, примат морали над правом, демократический централизм. Дореволюционный мир и мир

советский, исторически сошедшиеся в непримиримой схватке, имеют, тем не менее, общие корни и одинаково отражают русскую идентичность.

В её основе лежит императив поисков или построения «царства правды», где всякий человек нужен, никто не лишний, никто не строит своё счастье на несчастье другого, все объединены духовными узами и общими задачами. Образ «Святой Руси» как «сосуда истинной веры» и образ социальной справедливости, «общества равенства и братства» — разные проекции этой идеи, части одного целого. Восходит эта идея к концепции Третьего Рима и византийскому наследию и представляет собой то общее, что не может расщепить до конца даже революция.

Цели общественного строительства (советский социализм) и коллективного спасения (соборность) — это расходящиеся вариации на одну и ту же тему. Режимы и правительства приходят и уходят, секулярность и религиозность сменяют друг друга в самых причудливых формах, идеология меняет знаки, а эта *эсхатологическо-эгалитарная византийская матрица* остаётся в исторической памяти. Она — неделимое целое. И гражданская война, как ни странно, лишь подчёркивает это единство. Трагичны не исторические катаклизмы сами по себе, трагичны исторические разрывы, которые их вызывают. История России знает разрывы между справедливостью и традицией, религиозностью и атеизмом... Разрывы эти должны срастись прежде, чем русская идентичность ослабеет и мы утратим свою историческую субъектность.

Сегодня тема русской идентичности вызывает много вопросов. Постсоветская модель компрадорского капитализма по всем параметрам, структурным и ценностным, является постпротестантской. Поэтому она находится в глубоком противоречии с реальным историческим опытом народа (в отличие от «опыта господства» правящего класса). В 1990-е и нулевые русская идентичность расшатывалась и слабела. Советская модель развития, скрепляемая идеей полнэтнической нации и социального государства, безусловно, является неотъемлемой частью русской традиции. Но она была отвергнута правящим классом и уступила социал-дарвинистской модели и социальной евгенике («умри ты сегодня, а я завтра»).

Похищение советского компонента русской идентичности осуществили постсоветские «элиты», значительную часть которых, между прочим, составляли переродившиеся представители второго-третьего эшелонов советской партийной номенклатуры. Важная часть исторического опыта народа была перечёркнута. Лозунг «десоветизации» объективно направлен не против отдельно взятого «советского», а против всей русской традиции и национальной исторической преемственности. Нечто похожее происходило и в первые годы советской власти, когда рушился не только старый политический режим, но и культурные основания дореволюционной России. Нередко трагедия повторяется в истории именно как трагедия, а не как фарс.

Россия после 1991 года остаётся чем-то вроде детского конструктора, наспех собранного с помощью

либеральных технологий. Следует отметить, что комплекс либеральных идей в России был превращён в культ и его до сих пор путают с национальной идентичностью, хотя на либеральном Западе этой подмены понятий не существует. Там идентичность и традиция всегда рассматриваются как неприкосновенный исторический ресурс, а либерализм, консерватизм, социализм — только как политические инструменты.

У российских элит вместо рационального присутствует квазирелигиозный взгляд на эти вещи. При этом Россия имеет огромное население со стёртой, нечёткой идентичностью. Это касается 86% — того самого «закрымского» большинства. Оставшиеся 16% принадлежат к «креативному классу» — привилегированной прослойке, занимающейся производством моделей потребления — моделей, не сводимых только к сфере материально-торгового обмена. Одной из таких моделей является образ негативной российской идентичности, основанный на комплексе исторической неполноценности. Эта компрадорская версия идентичности предполагает вытеснение из коллективной памяти традиционных сакральных смыслов русской истории. Отсюда издевательства либеральной прессы над людьми, причастными к акции «Бессмертный полк», которая впервые состоялась 9 мая 2015 года.

Вакуум идентичности

Результатом навязывания негативного образа идентичности стала дезориентация русского общества.

В этой ситуации реальная идентичность слабеет, стирается, дробится. Так, в современной России поощряется разрыв советского и антисоветского, «красных» и «белых», секулярного и религиозного, «староверов» и «никониан». На месте каждого такого разрыва возникает вакуум идентичности. Фрустрированность, ощущение экзистенциальной пустоты общество стремится заполнить любой ценой. В этом состоянии народу легко навязать мифы о нём самом. К числу таковых можно отнести мифы о коллективной исторической вине, о неспособности русских к самоорганизации, об их «генетическом рабстве» или даже о склонности к «фашизму». Впрочем, на фоне геноцида русских на Украине последний миф успел заметно «сдуться» в глазах общества.

Так формируется ложное сознание, и формирует его компрадорская часть креативного класса, называющая себя «гражданским обществом», но объективно разрушающая основы реального гражданского общества. Аналогичная ситуация уже складывалась в России в начале 1990-х, сейчас она повторяется и может иметь не менее серьёзные последствия.

Кризис русской идентичности ощутим и в Новороссии. Вообще, если говорить о русском национально-освободительном восстании на Юго-Востоке Украины, надо отметить, что его слабая организация объясняется не только военно-политическими и экономическими причинами, но и стёртой идентичностью большинства жителей Харькова, Одессы, Донецка, Луганска. В основном эти люди не обладают специфической укра-

инской ментальностью. Этот вакуум мог бы быть заполнен иными ценностными содержаниями, но культурная и духовная принадлежность этих регионов к русскому миру чётко не сформулирована и в самой России.

Сказанное свидетельствует о том, что всё российское общество, включая прреденту Новороссии, переживает глубокий кризис идентичности, в составе которой остаётся ряд невосполнимых лакун. Это лишает страну серьёзных позиций на международной арене и провоцирует в России рост русофобии (прежде всего в среде «креативного класса», чуткого к политической конъюнктуре). А также ведёт к дальнейшей эрозии общих ценностей, релятивизму, карнавализации важных идей и символов (например, празднования Дня Победы), к вытаптыванию символического пространства общества — той питательной среды, в которой как раз и живёт идентичность.

Украинский вызов

Но главную и по-настоящему смертельную угрозу русским как национальной общности несёт соседний киевский режим. Абсурдная ситуация одновременного существования фактически двух враждебных друг другу «Россий» устраивала как российский, так и украинский олигархат. Разумеется, случались обострения тлеющего конфликта. Например, свержение украинскими спецслужбами законно избранной власти крымской русской автономии в лице её прези-

дента Юрия Мешкова или «майдан» 2004 года, который сделал русофобскую политическую концепцию официальной идеологией Киева. Новым обострением холодной русско-украинской войны стала борьба за статус русского языка. В 2012 году в Верховной Раде стараниями Партии регионов прошёл так называемый «закон о русском языке Колесниченко-Кивалова», расширявший права русских Украины, по крайней мере в языковой сфере. И буквально первое, с чего в 2014 году начала свои шаги новая, майданная власть, — это попытка отменить закон о русском языке, что и стало детонатором восстания на Юго-Востоке. Произошла разморозка конфликта и его переход в горячую фазу межнациональной гражданской войны. В Новороссии родилось национально-революционное движение, а Киев превратил Украину после «майдана» в единый военный лагерь. Ситуация хорошо отражена в киевском еженедельнике «Деловая столица» — в статье с красноречивым названием «Как вычистить русский мир». Этот материал достоин обширной цитаты.

По мнению автора еженедельника, необходимо «во-первых, не дать вернуть в повестку дня расколническую тему русского языка как второго государственного. Сделать это попытаются многие (выборы на пороге), но поскольку тема напрямую связана с подогреванием сепаратистских настроений, правоохранительные органы могут (если получают команду) пресекать москвофильство на корню. Недопустимо, чтобы агентура Кремля, годами работавшая против Украины, опять зарабатывала баллы на теме офици-

ального двуязычия. Во-вторых, следует обеспечить постепенную дерусификацию учебного процесса. <...> Уже дети тех, кто не изучал русский язык, не чувствуют ни малейшей сопричастности с “русским миром”. Также требуется выдавливание русского языка из СМИ и ограничение русской попсы на FM-станциях и музыкальных каналах. <...> Придётся заняться ограничением российской книгопечатной продукции. <...> Из топонимики городов и сёл должны исчезнуть названия советской эпохи»¹.

Это ситуация пассионарного взрыва, если называть вещи своими именами. Правда, эта пассионарность завязана на откровенно фашистскую идеологию превосходства и выражается в системном геноциде. Другой пример. Как оценить ситуацию, при которой «Сергей Квит, ныне заделавшийся министром образования и науки Украины <...> — сотник входящей в состав “Правого сектора” организации “Тризуб Степана Бандеры”»². Мы, разумеется, можем произнести все полагающиеся правильные слова о неофашистской сущности «Тризуба» и майданных сотен. Но это не поможет русским Украины защититься от культурной и этнической агрессии.

Если «отжать» ситуацию до голой прагматики, придётся констатировать: нынешняя Украина — успешно

---

¹ День настоящей независимости // Деловая столица. — URL: <http://www.dsnews.ua/world/den-nastoyashchey-nezavisimosti-19082014062100>.

² Бабич Д. «Новая» Могилянка: из «борьбы с москалями» — безбожние / Д. Бабич. — URL: http://www.religare.ru/2_104653.html .

перешедшее на военные рельсы сверхцентрализованное государство, а украинская власть доверяет своим пассионариям, то есть наиболее сознательным носителям украинской идентичности.

Российское общественное мнение воспринимает происходящее просто как войну в соседней стране. Украинская сторона воспринимает события не как гражданский межнациональный конфликт, а как войну с Россией и русскими, с русской национальной общностью. Согласно украинским социологическим исследованиям (2014-2015 гг.), около 63% респондентов одобряют проведение АТО и при этом около 40% уверены, что Украина воюет именно с государством Россия (данные КМИС — Киевского международного института социологии).

Таким образом, со стороны Украины это классическая этническая война, подобная той, что была начата Германией в 1941 году. Но 75 лет назад обе воюющие стороны одинаково хорошо понимали, что происходит. А сейчас с русской стороны такого понимания не наблюдается. Непонимание реальной ситуации грозит русским поражением, несмотря на всё военно-техническое превосходство. Ведь войны выигрываются не только оружием, что и было продемонстрировано год назад в Киеве на улице Грушевского.

Проектный этнос

Вроде бы на это можно возразить: да мало ли в мире стран, которые придерживаются русофобского

курса во внешней политике? А разница между тем огромная. Русофобия этих государств, пусть даже очень глубокая и застарелая, является всё же ситуативной. Она диктуется только их политическими интересами и не составляет саму основу государственности этих стран, а тем более идентичности их народов. У Латвии, Литвы, Польши, Румынии, США, Англии есть множество других забот и исторических задач помимо «русского вопроса». У каждой из этих стран есть своя уникальная историческая традиция; некоторые из них даже входили в число республик СССР и воспринимают этот период как «годы оккупации». Тем не менее интеллектуалам этих стран вовсе не приходится громко доказывать тот очевидный факт, что, например, «Латвия — не Россия». Человека, стоящего в пикете с таким лозунгом, сочли бы, пожалуй, не вполне здоровым. А вот бывший президент Леонид Кучма мог позволить себе назвать главный литературный труд своей жизни «Украина — не Россия». Разумеется, это возможно лишь в случае, когда выдвигаемый тезис неочевиден.

Этот признак указывает на то, что Украина, безусловно, не является обычным национальным государством с собственной исторической идентичностью, а является чем-то принципиально иным. Украинская идентичность также представляет собой довольно странное явление. Нередко её носителей причисляют к разряду так называемых «проектных этносов». Речь идёт о бывших русских («малороссах»), переставших быть русскими в силу внешних политических

факторов, да ещё принуждающих перестать считать себя русскими тех, кто такого «волевого решения» не принял (новороссов, крымчан). Украинский сюжет в этом смысле напоминает историю с хорватами, которые перестали быть сербами, перейдя в католичество. Хорватская идентичность включает в себя сильнейший комплекс отторжения и ксенофобии по отношению к сербам — бывшим «своим», ставшим «другими» и враждебными. Так подчёркивается инаковость, так работает национальное чувство. Неудивительно, что в ходе Второй мировой войны зверства хорватских усташей по отношению к сербам поражали даже эсэсовцы.

Аналогичную ситуацию мы имеем сегодня на Украине. И если население бывшей Галиции действительно представляет собой самостоятельное национальное целое с австро-венгерским и польским прошлым и её конфликт с «русским миром» в большей степени напоминает бракоразводную процедуру, то с бывшими малороссами ситуация иная. Им есть что делить с русскими.

Понять причудливую «зеркальную» логику русско-украинского конфликта на самом деле не сложно, если не упускать из виду элементарный исторический факт, что украинцы, в отличие от галичан, — бывшие русские. Литературные памятники Киевской Руси, единоличными наследниками которой хотят считать себя нынешние украинцы, написаны на древнерусском языке. Чтобы в этом убедиться, достаточно открыть «Слово о полку Игореве» в оригинале. На

украинских купорах любят изображать Ярослава Мудрого, но свод законов, составленный Ярославом, назывался «Русская правда» и был сводом законов Древней Руси. Разумеется, переписывание идентичности, которое сделало русских украинцами, произошло не само по себе и не просто так. Но не будем углубляться здесь в историю украинства, напомним лишь, что само слово «Украина» («окраина»), по мнению большинства специалистов, не украинского и не российского, а польского происхождения.

Если попробовать охарактеризовать украинскую нацию в соответствии с критериями классического «квадрата идентичности», мы обнаружим, что критерии не выполняются. Язык изначально русский (впоследствии южнорусский вариант). Религия — православие, вплоть до начала распространения грекокатолицизма. Памятники культуры и литературы за редким исключением тоже русские. Например, Н. В. Гоголь писал отнюдь не на украинском. Общность исторических задач тоже очевидна, несмотря на заявления Арсения Яценюка о том, что СССР оккупировал Украину вместе с Германией.

Интересно, что украинская негативная идентичность напоминает российскую постсоветскую, также построенную на негативных основаниях. В запасе у Украины сегодня нет ничего кроме русофобии. Конечно, если не считать локальную галицийскую культуру, не имеющую с малороссийским украинством ничего общего, и этот неприятный парадокс украинцам ещё предстоит обнаружить и пережить. Россия и

русский народ, напротив, имеют за спиной столетия национального развития в имперском формате. Это огромный плюс. Но этот плюс содержит внутри себя и минус: имперская бюрократия по определению антинациональна. Российский правящий слой то и дело понуждал народ отказаться от своего исторического опыта. И этот фактор наносил урон русской идентичности, разрушал национальную традицию. Российский постсоветский самообраз противопоставлен собственной традиции, собственному историческому «я». А вот деструктивный вектор украинизма, в отличие от российского, направлен не вовнутрь, а вовне, то есть на «москалей», «монголоидов», этнических русских Юго-Востока, что и привело в 2014 году к геноциду русских и этническим чисткам.

Концептуализация украинской общности является политическим конструктом, который, как мы видим сегодня, включает в себя осязаемый элемент неонацизма. Без этой архаичной составляющей Украина просто не могла бы сохранять целостность. Украинцам приходится постоянно доказывать себе и миру свою особую идентичность в виде активной и открытой формы русофобии. И, как мы уже отмечали, склоняясь к аналогичному подходу новороссов, то есть насильно переписывать их идентичность. Когда же это переписывание буксует — резать по живому в буквальном смысле этого слова.

Каковы же альтернативы этому процессу в исторических условиях? По мнению Армена Асрияна, «рано или поздно (скорее, очень рано) это породит не толь-

ко махновщину по всему Центру и Северо-Западу, но и слёзные просьбы малороссов назад в Россию... “Украинизаторы” всё это прекрасно понимают. Именно этим, а отнюдь не “безумной нерассуждающей русофобией”, объясняется террор против Новороссии. Федерализация с чётко прописанными гарантиями для Новороссии останавливает антирусский террор — и тем самым, несмотря на сохранившуюся “территориальную целостность”, останавливает этногенез и запускает механизм превращения территории исторической Украины в бескрайнее Гуляй-поле».³

Casus belli

Если мы захотим назвать дату начала *открытого* русско-украинского конфликта, мы с ходу ответа не найдём. Так или иначе мы придём к тому, что этот конфликт начался сразу после обретения Украиной независимости. То есть сразу после развала Союза и подписания Беловежской капитуляции.

Казалось бы, парадокс: Россия отпускает Украину, ничего за это не требует, даже оставляет Крым и другие нажитые ею за время пребывания в СССР территории. Вроде бы отношения начались с чистого листа, без претензий. Откуда тогда оголтелая русофобия? Почему украинские политики идут на выборы, обещая электорату «укреплять отношения с Россией»,

---

³ Асриян А. Зачем Украине Новороссия? / А. Асриян // Правда-TV.ru. — 09.01.2015. — URL: <http://www.pravda-tv.ru/2015/01/09/114585>.

а едва заняв свой пост, начинают говорить об ограничении русского языка, западных стандартах, интеграции в ЕС и вступлении в НАТО?

Здесь кроется ответ на главный вопрос украинско-русских отношений. Русские в глазах части украинства будут виновны всегда. Независимо от того, как они себя ведут и что они делают. Просто потому что они есть. Собственно украинцы затем и отделялись, чтобы начать *открыто* противостоять русским, создав таким образом удобную кормушку для элит, которые едят с руки как западных покровителей, так и российских «партнеров». Антимоскальство — хлеб самой украинской идентичности, её единственная смысловая опора. Ведь, отказываясь от русского мира, украинцы оказываются в историческом вакууме, как бы в пузыре времени, и этот вакуум надо заполнить. Чем? Только «русизмом наоборот». Убить в себе русского — это и значит стать украинцем. Вот почему призывы «Москаляку на гиляку!» звучали в Киеве задолго до истории с Крымом. В горячих точках в 1990-е годы почти всегда принимали участие бойцы УНА-УНСО — и в Приднестровье, и в Карабахе, и в Югославии, и в Чечне. В Грузии во время пятидневной войны присутствовали расчёты украинских С-200.

Возникает вопрос: а зачем украинцы это делали? Возможный ответ напрашивается сам собой: чтобы быть украинцем, необходимо *воевать* с русскими. Такова форма бурного и ускоренного украинского этногенеза.

Признание единой унитарной Украины в границах совсем не унитарной УССР неизбежно ведёт к зачистке населения и дерусификации в русских регионах, а также, что не менее важно, означает идейно-политическую украинизацию публичного пространства в самой России. Ещё весной 2014 года процесс неофашистского перерождения общества перешагнул границы Украины. Дело не только в иезуитских профашистских «Маршах мира», участники которых призывали российскую власть не мешать Киеву убивать бывших соотечественников, и в массовой проукраинской пропаганде «Дождя» или «Эха Москвы». Дальнейшая «бандеризация» России неизбежно перейдёт в московский аналог киевского «майдана». И тогда грёзы секретаря украинского Совбеза Александра Турчинова о присоединении Кубани могут стать трагической реальностью.

Сам Турчинов прекрасно это понимает, потому и озвучивает эти на первый взгляд фантастические проекты. Собственно их «фантастичность» — скорее успокоительный медийный миф, ведь нынешняя Россия пронизана лоббистами украинских интересов. Да, собственно, так было всегда. Ещё в СССР у тогдашних украинцев — «наших, советских, социалистических» — были мощные лоббисты в ЦК КПСС. Не так давно была опубликована стенограмма Заседания Политбюро ЦК КПСС 9 июля 1986 года из архива Горбачёв-Фонда. На заседании обсуждался вопрос о целесообразности возвращения Крыма обратно в состав РСФСР. Вопрос фактически положили под

сукно. Но во время беседы в числе прочего Михаил Горбачёв сказал Михаилу Соломенцеву, председателю Комитета партийного контроля, следующее: «То есть ты считаешь, что Крым должен опять стать частью РСФСР, как по декрету Ленина? А ведь помнишь, Подгорный требовал, чтобы Краснодар и Кубань отдали Украине? Потому что казаки — это, по его мнению, украинцы. Наверное, с исторической и политической точки зрения было бы правильно вернуть Крым в Россию. Но Украина встанет горой» (Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 2, опись № 3. Запись А. С. Черняева). Текст стенограммы оставляет ощущение вязкой борьбы национально-клановых интересов (русского, украинского и крымско-татарского). Но аппетиты, которые демонстрирует украинское лобби, — «отдать Краснодар и Кубань» — особенно красноречивы.

Победа Украины над русским миром кончилась бы не только потерей территорий. Добивать будут методично, ставя точку контрольным выстрелом, как сейчас пытаются это сделать в ЛНР и ДНР. Если вялотекущий проукраинский ГКЧП в России победит окончательно, выявлять «ватников» и «колорадов» под видом мифических «сталинистов» начнут уже в Москве. Собственно программа «десталинизации» ведётся и сейчас, причём, кто именно сталинист, решают сами организаторы кампании. И если в 2015 году шествие в память «Бессмертного полка» возглавил президент, то никто не может гарантировать, что через несколько лет его не будет разгонять ОМОН.

Ловушка зеркальной идентичности

Так выглядит ситуация с чисто политической точки зрения. Но поднимемся на ступеньку выше и перейдём от политических раскладов к историческим закономерностям. В этом контексте вопрос об отношениях двух народов — старого русского и нового украинского — выглядит ещё более сложным и драматичным. И вот здесь проблемы идентичности выходят на первый план. Ведь, собственно говоря, настоящей угрозой русской идентичности является не политика кабинета Порошенко, не операции в рамках АТО, а сам факт существования единой Украины. Поскольку именно этот факт является первопричиной антирусского террора, официальная и неофициальная мотивация которого удовлетворяет всем критериям фашистской идеологии.

С этой точки зрения, как ни парадоксально, не имеют особого значения конкретные действия людей, сидящих на Банковой, делящих активы, грезящих о падении «путинского режима» и зачистке «генетического мусора». Да, с точки зрения споминутной политической конъюнктуры российским бизнес-кланам, конечно, важно, каковы идеология и курс Киева, насколько они «антироссийские» и почему, например, лучше оставить украинцам Мариуполь, хотя это и ослабляет позиции ДНР. Но это всё лишь соображения момента. В исторической перспективе нет особой разницы между «бандеровским аттентатом» и «налаживанием отношений с дорогими партнера-

ми». В этом смысле условные Кучма, Янукович, Порошенко, Яценюк, Ярош есть разные грани одной и той же сущности — квазигосударства, занимающегося насильственной дерусификацией. Каковая является единственным смыслом исторического проекта «Украина — Нероссия».

Это проектное мышление мы можем наблюдать на примере украинской элиты, которая готова разбомбить города Донбасса, но при этом надеется в дальнейшем жить с «донецкими» в одном мононациональном государстве. Любая *историческая* нация, не отрёкшаяся от собственной традиции, интуитивно понимает, что такая линия поведения невозможна. Это мина замедленного действия, закладываемая под собственное общество. Власти Украины с их проектным мышлением этого не понимают, их сознание — это сознание временщиков. Поэтому они легко управляемы внешними силами и готовы убивать тех, кого считают своими единокорядцами и одновременно врагами, поскольку последние отказались предать русские корни и православие (вариант православия в виде Киевского патриархата современное религиоведение всё чаще рассматривает как промежуточную форму перехода к униатству).

Это очень странный сюжет и далеко не единственная странность украинской самоидентификации. Квазиэтническая общность отличается от обычных, у неё другие стереотипы поведения, и само поведение легко программируется, если завязать его на «большой» вопрос идентичности. Именно поэтому украинцев из

центральных областей страны так легко бросить в жерло войны на Востоке и даже заставить воевать с Россией. С любым другим народом этот фокус не прошёл бы. Попробуйте заставить прибалтов добровольно и массово воевать с русскими, которых они считают оккупантами. Не дождётесь. Серьёзные трудности будут и с галичанами, а с малороссами — никаких.

Речь идёт именно о бывших малороссах, а не о так называемых «западенцах» с польско-австро-венгерским прошлым, которые охотнее едут на заработки в Москву, чем на поля сражений в Донбасс. В итоге перед нами народ с переписанной исторической памятью. Как если бы человеку стёрли воспоминания, а затем загрузили новую «базу данных» и создали ему новую личность.

Ловушка «зеркальной идентичности», в которую попали русские в связи с украинским вопросом, удивительно архетипична. Она обнаруживает в себе мотив двойника, популярный в мировой культуре и литературе. Не случайно литературные сюжеты с двойниками («Крошка Цахес» Э. Гофмана, «Вильям Вильсон» Э. По, «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда, «Двойник» Ф. М. Достоевского и др.) имеют в основе душевное нездоровье героя, символизируют нечистую совесть или даже близость смерти и разрешаются как правило трагически (впрочем, иногда дилемму с двойниками разрешает удар шпагой в зеркало, как у Э. По). В какой-то мере литературной аналогией русско-украинской ситуации может считаться линия Крошки Цахеса (Циннобера) из гофмановской но-

веллы: Цахес колдовским образом приписывал себе чужие заслуги, а другим — свои пороки. И лишь единицы видели и понимали правду. И русские, и украинцы по привычке как бы наделяют чертами Цахеса друг друга, независимо от реальной исторической хронологии.

Но история отличается от литературы тем, что в исторических обстоятельствах одна из частей может взять на себя функции целого. В прагматическом смысле это означает: сумеют ли русские «разбить зеркало» прежде, чем превратятся в зеркало сами? Только так они могут освободиться из зеркальной ловушки, в которую попали в силу исторических обстоятельств.

Война за наследие

Отделиться от русского мира географически и территориально для украинцев не представляло особой проблемы: ведь в России (тогда СССР) не было нацизма и была невозможна операция в духе киевской «АТО». Политически отделиться тоже ничто не мешало, да и как иначе обосновать сепаратистский выбор? Экономически — медленно, с вымиранием части украинского населения, но, в конце концов, отделиться тоже можно, если вымирающее население это стерпит. А вот идентичность пополам не делится — она одна. И строить идентичность на негативном базисе (украинцы как антироссияне) бесконечно тоже не получится: с таким багажом нельзя войти в историю.

Даже отдельному человеку, который вдруг решит «поменять личность», приходится доказывать своё происхождение. Он может придумать новую фамилию, обстоятельства рождения и семейные связи, но трудности с идентификацией неизбежны. Ему трудно будет выправить подлинные документы и доказать своё право на наследство. Как порвать родственные связи, но не оказаться человеком без роду-племени, чтобы наследство не проплыло мимо?

В национальных отношениях речь идёт не о наследстве, а об историческом наследии. Придуманная личность здесь не поможет. Единственный путь: выдать себя за тех, от кого ты отрёкся, то есть за подлинных носителей традиции. Такое самозванство требует лишить кого-то законной субъектности и забрать её себе. В реальной жизни для этого требуется портретное сходство. В рамках исторических конфликтов это происходит по-другому. Проектный этнос отделяется от корневого, *а затем* возвращается, чтобы оспорить исторические права. Это легко осуществить, поскольку украинцы в прошлом — те же русские и в принципе могут претендовать на ту же самую историю, те же памятники культуры. Для этого надо просто вновь объявить себя русскими — но не вместе, а *вместо*.

Что это означает? Во избежание вечного томления духа украинцы, конечно, рано или поздно будут вынуждены вернуться к русской идентичности, но понятой ими на свой лад. Однако чтобы «вернуться» в качестве полноправного исторического субъекта, им придётся вытолкнуть из этой исторической матрицы

самых русских, то есть дерусифицировать нас. Иначе наследство получить нельзя. Вот чем объясняется маниакальный соблазн украинизации, проводить которую Турчинов, Яценюк и Порошенко готовы с помощью «Градов», «Ураганов» и «Точек У». И, конечно, границы «Нероссии» для этого тесны. Уже сейчас помимо дерусификации восточных регионов усилиями внутрироссийского украинского лобби продумывается методика дерусификации населения в самой России. Да, без украинизации как таковой: это пока из области фантастики, но уже вполне можно говорить о возникновении российского политического украинства.⁴

Существование двух русских наций противостоит. Они занимают одну культурно-историческую нишу и обречены конкурировать. Украинство, противопоставляя себя русскому миру, самым фактом своего существования ставит вопрос: а собственно кто является русским народом — народ Киевской или Московской Руси? Кто подлинный наследник тысячелетней традиции, кто настоящий русский, а кто самозванец?

Понаблюдаем с этой точки зрения за функционированием украинского политического дискурса. И сразу обратим внимание на самое интересное. Интеллигентные украинцы, которые вслух (и даже про себя) стесняются называть нас «москалями», по возможности избегают называть нас и русскими. Зато

---

⁴ Примечание автора: Весьма интересны и поучительны волнообразные процессы украинизации внутри РПЦ МП на протяжении XX века, но это тема для отдельного исследования.

охотно говорят «россияне». Нередко «россиянин» в их понимании — синоним «запутинца». Конечно, это упрощение, личность самого Путина здесь вообще ни при чём, и сами украинцы это прекрасно понимают, но... им так проще. Ведь на самом деле под «Путиным» они понимают «рашку», которую они вынуждены ненавидеть. Характерно, что мы для них — «эрефийцы», «кацапы», «колорады». Право называться русскими у нас уже понемногу отнимают. Да, пока в рамках своей внутренней лингвистической компетенции, но только пока.

А вот небезызвестный русско-украинский националист Александр Нойнец, например, пишет у себя на сайте: «Российская Федерация — последовательное антирусское государство, всю свою историю проводящее русофобскую политику». И если нам такая позиция ещё кажется экстравагантной, то для украинцев она давно превратилась в общее место. Для Украины, в отличие от России, это рутинная точка зрения. Для Украины, а *значит*, и для российского проукраинского «креативного класса».

Так начинается похищение русской идентичности. Строго говоря, это закономерная ситуация: ведь украинцы по сути зеркальные русские, и другого пути кроме похищения у них нет. Рано или поздно свою русскость украинцам признать придётся, чтобы получить нормальную историческую прописку. Но чтобы эта прописка была «без москалей», самих москалей надо ликвидировать. Это не означает всех вырезать — собственно вырезать 85% населения численностью

140 млн и невозможно. Это означает другую, историческую смерть.

Следует сказать, что похищение русской идентичности в рамках украинского «незалежного» дискурса — это элементарная, хотя и сильно растянутая во времени трёхходовка. Первый шаг: Украина — не Россия. Второй: Украина — Антироссия. Третий: Украина *и есть* Россия, настоящая *Русь*. В итоге: Украинцы — это русские, а россияне — исторические самозванцы. Круг замыкается. Вот почему существование единой Украины означает в недалекой перспективе исчезновение единой России, как несколько веков назад это случилось с Византией. Мы всегда избегали фразы «Россия для русских», теперь можем получить Россию *без русских*. Без *исторических русских*.

Крым занимает в русско-украинском противостоянии особое место и о нём стоит сказать отдельно. Нетрудно заметить, что для сведомых русский Крым — как кость в горле. И не только в силу своего культурно-стратегического значения. Он подрывает всю коллективную мифологию украинства. Возвращение Крыма — наглядный пример того, что русские хотят и могут сопротивляться колонизации. Крымская виктория служит универсальным ответом на все те вопросы по поводу текущих событий, которые возникают у жителей Мариуполя, Николаева, Харькова, Одессы, Днепропетровска и Киева. Крымский прецедент — серьёзная угроза для украинского этногенеза. Он напоминает о том, что русские не желают быть колонизированными рабами, и переводит ситуацию в

хрестоматийные рамки библейского сюжета: “Let my people go!” («Отпусти мой народ!»).

И ещё одно, не менее важное обстоятельство: Крым, говоря языком шахматистов, — это выигрыш качества в русско-украинской войне, которая ведётся не только за людей и территории, но и за русское историческое наследие и, следовательно, за саму русскую идентичность. И здесь сакральная сторона вопроса приобретает первостепенное значение, заслоняя собой остальные. В этом смысле возвращение Крыма точнее будет назвать освобождением Херсонеса (Корсуни). Мы владеем Москвой, Владимиром, Псковом — хотя почему-то не очень любим говорить об их сакральном, символическом значении для русского самосознания. Теперь нам посчастливилось вернуть Херсонес. Это огромное по важности событие — праздник со слезами на глазах, который уступает Дню Победы только из-за громадного числа жертв последней войны. Отвоеванная, возвращая себе свою географию, мы возвращаем и свою историю. Что такое владение Херсонесом для в недалеком будущем греко-католической Украины? Символ победы над русскими. А для русских это святая земля, место, откуда «есть пошло» русское православие. Украинская историография, считающая истинным преемником «первого украинского государства» — Киевской Руси — Галицко-Волынское княжество, но не Москву, Владимир и Суздаль, теперь должна будет либо выстраивать свою версию истории без Херсонеса, если хочет убрать из неё «российский след».

Идентичность и традиция — величины неделимые. Между тем подлинного значения Крыма и Херсонеса у нас в России не только не понимают, но мешают всерьёз об этом говорить. В лучшем случае допускается разговор о Херсонесе-Корсуни как о некоей сакральной «достопримечательности». О том, что подлинный европеизм русских (как и любого другого народа) связан исключительно с тем, что они — христианская нация, за пределами некоторых православных СМИ говорить не принято.

Перестройка украинского мифа и русский ответ

Сегодня в массовом сознании украинцев идёт бурная перестройка национального мифа. Прежде хранителем украинской идеи считался запад страны. Теперь на первый план выходит идея «европейского русского мира», оспаривающего у Москвы историю Киевской Руси (и не только её) и связанного с центральным, «малороссийским» антирусским национализмом. И потеря украинцами Херсонеса, конечно, не разрушает, но заметно ослабляет эту концепцию. С возвращением Херсонеса история России заметно «удлинняется», а фигура князя Владимира, крестителя и основателя Руси как европейского государства перестает быть только киевской, «жовто-блакитной». Крым для русских — ворота в историческую Византию. Возвращение Крыма в родную гавань позволяет и всем русским начать возвращение домой, к истокам. Маршрут этого пути прослеживался и раньше,

до событий весны 2014-го, но движение замерло в мёртвой точке.

Что означает русское византийское наследие для западных элит? Страх утраты идентичности. Западная идентичность построена на идее исключительности и особой цивилизационной миссии. Для её адептов невыносима мысль о существовании «другой Европы», опирающейся на наследие Платона и апостола Павла, Дионисия Ареопагита и Иоанна Златоуста, Григория Паламы и Григория Нисского, Константина Великого и князя Владимира, Нила Сорского и Иосифа Волоцкого, Ивана Третьего и Александра Третьего, Александра Невского и Георгия Жукова, Константина Леонтьева и Фёдора Достоевского, Льва Толстого и Андрея Платонова, Михаила Булгакова и Николая Заболоцкого, Льва Лосева и Александра Зиновьева. Существование альтернативы невыносимо для «кафоллического», мондиалистского сознания западных европейцев. Это страх «расколотого Я», невозможность утраты своего исторического мессианства, питающего энергию колониальной экспансии. Вот почему культурная агрессия внутривосточного проукраинского сообщества так легко прослеживается на уровне понятий с определением «византийский» («византийская политика», «византийский стиль», «византийские интриги»). И это ещё один удар по русской идентичности, по другой её важнейшей части. Рано или поздно нам придётся доказывать, что именно мы являемся неовизантийцами, наследниками одной из великих европейских традиций, и по праву обладаем исто-

рическим гражданством Третьего Рима. Говорить об этом следовало бы уже сейчас. Хотя бы потому, что этот аспект нашей идентичности украинцам труднее оспорить по причине сильной традиции украинского униатства. Значит, именно в эту точку следует бить.

Новая украинская мифология оспаривает у Москвы не только историю Киевской Руси, но и отдельные, наиболее привлекательные аспекты советской истории. Например, тему антифашизма, выстроенную через отсылку к Сталинграду, на роль которого — правда, не слишком удачно — был предложен Донецкий аэропорт. В рамках политического постмодернизма, который царит сегодня на Украине, это прекрасно сочетается с запретом термина «Великая Отечественная война» (вместо него используется выражение «Вторая мировая»), с переносом праздника с 9 на 8 мая и с уголовной ответственностью за использование советской символики и исполнение гимнов СССР и УССР.

Об отношении к советскому прошлому следует сказать особо. Украинские политтехнологи прекрасно понимают: поскольку в качестве символического ресурса «майдана» была выбрана традиция, связанная с УНА-УНСО и Степаном Бандерой, противостоять ей с русской стороны может противоположный по направленности идеологический комплекс. Его и следует разрушить. Прежде всего, это бывший советский статус нынешней украинской империи, которая при всём своем антисоветизме хотела бы сохраниться в советских границах. Отсюда все «гримасы» политического курса.

При принятии закона, который исключал бы Украину из числа преемников «преступного советского режима», ей как минимум следует избавиться и от советских границ, отдав западные области Польше, а юго-восточные — России (по состоянию до 1917 года), провести реституцию иностранной собственности и т.п. Всё это выглядит невозможным, поэтому борьба с «ужасным советским прошлым» происходит только в сфере идеологии. То есть вместо актов о преемственности принимаются законы о символике, а на площадях крушат бульдозерами монументы советской эпохи. И никто не спешит отпустить Новороссию в связи с тем, что она была предметом именно советского политического контракта, и ещё в 1991-м этот контракт был расторгнут. Цель украинских пропагандистов состоит не в осуществлении реальных изменений государственной концепции, а в том, чтобы выбить из русского дискурса именно те смысловые опоры, которые представляются важными. То есть мешают возводить собственное идеологическое здание на бандеровском фундаменте: даром что «по документам» Украина по-прежнему наследница СССР.

В рамках политического дискурса, который сейчас использует Киев, буквально всё подвергается удвоению. Две войны, две победы, две версии русского православия. Киево-Печерскую лавру планируют отобрать у Московского патриархата, чтобы застолбить первородство «украинского национального» православия. И, конечно, попытка похищения советской иден-

тичности не случайна: она осознаётся украинцами как важнейшая часть идентичности русской.

Но, к сожалению, украинствующие политики России со своей стороны стремятся ослабить концептуальную целостность русской истории, разжигая конфликт между сторонниками советского государства и дореволюционной России, между «красными» и «белыми». Хотя в реальных условиях войны за независимость Новороссии «белый» Игорь Стрелков и «красный» Алексей Мозговой прекрасно находили общий язык друг с другом. Дело в том, что советский и дореволюционный элементы являются частями единой русской идентичности. «Советское» — это неотъемлемая и составная часть «русского», поскольку мы говорим об идентичности нации, а не идентичности сменяющих друг друга «режимов». Украинцы и «заукраинцы» понимают это прекрасно, потому одной рукой поддерживают то, что разрушают другой.

Условием укрепления русской идентичности является синтез, или, говоря языком семиотики, взаимный перевод разных кодов, составляющих единое знаковое пространство русской традиции. В частности, советских ценностей (код «социальной справедливости») и христианских ценностей в православном изложении (евангельский код). Буквально это означает, что мы должны уметь рассказывать на советском языке — о православной «святой Руси», о земле Русской, и наоборот, в рамках древнерусской и византийской традиций — о ценностях справедливого общества (ср., например, «Слово против ростовщиков

Григория Нисского»). Тогда русская идентичность укрепится, а русская традиция получит мощный толчок к развитию. Если эта задача кажется странной, то лишь потому, что культурный перевод ещё не осуществлён. Причём с решением нужно поспешить, поскольку процессы культурной диссоциации уже запущены антисистемными акторами как на Украине, так и в самой России.

Архетипы традиции, присутствующие в рамках как советской, так и дореволюционной моделях общества, содержатся, если внимательно посмотреть, в византийском наследии России. Речь идёт о том, чтобы раскрыть внутренние механизмы византийской социальности — восточной формы европеизма. Обычно мы воспринимаем византийское наследие только по линии церковной религиозности, лишая себя громадного пласта византийской культуры и традиции, не связанных напрямую с церковно-религиозной проблематикой. Но важнейший этап становления русского дискурса заключается в переводе византийского социокультурного наследия на язык русской и советской традиции, а следом и на космолингву — космополитический язык западного мира.

Как разбить историческое зеркало

Когда юная украинская патриотка Анастасия Дмитрук написала знаменитое «Никогда мы не будем братьями», она, если убрать из её текста майданную риторику, в сущности была права. Только дело не

в том, что кто-то из нас плохой и тоталитарный, а кто-то хороший и свободный — это, понятное дело, политическая мишура. Братья могут быть близнецами, но они не могут быть двойниками. Кто-то один из двойников — ненастоящий. Но кто именно? Решение этого вопроса требует приложения колоссальных усилий в политическом и культурном направлениях.

До 2013 года невозможно было представить себе, чтобы русские публицисты свободно говорили то, что они говорят сейчас. Но горькая правда всегда целетельна. Например: «Самостийная Украина никогда не была “братской” и дружественной России страной. На самом деле миф о “братском народе” и формальная пророссийскость украинской власти не позволяла России говорить о сути украинского проекта и истории его возникновения. Это рассматривалось бы Киевом как акт информационной агрессии против Украины и оскорбление национальных чувств украинского народа. При этом более всего по этому поводу возмущались так называемые “пророссийские силы” и самопровозглашённые “братья”».⁵

Если бы дело обстояло по-другому, Украина давно бы мирно разделилась и не настаивала фанатично на своей унитарности. Такой сценарий вполне приемлем для западных областей Украины как раз потому, что галицийская идентичность и есть именно

---

⁵ Белов С. Потерянная Украина и вернувшаяся Россия / С. Белов // Newsget. — 12.05.2015. — URL: <http://newsget.ru/allnews/20-outlook/8752-poteryannaya-ukraina-i-vernuvshayasya-rossiya-sergej-belov>.

галицийская, а не вывернутая наизнанку русская. С её носителями русские могли бы легко договориться. Но со свидомыми «центральными» украинцами, а социальной базой киевской власти являются именно они, это невозможно, как невозможно договориться с зеркалом. Позиция Киева в русско-украинском конфликте свидетельствует как раз о том, что перед нами не брат и не сосед, пусть даже враждебный, но рационально мыслящий. Это мышление и поведение выдаёт именно двойника, который является управляемым «национальным проектом». Он ставит внешнюю цель (распад России) выше внутренней (сохранить от распада самого себя) в силу свойственной ему негативной идентичности. Не имея собственной позитивной идентичности, новая общность стремится уничтожить старую, теперь чужую. Но что значит уничтожить? Речь идёт не только о банальной оккупации территорий. Не менее важная задача украинства — лишить легитимности и исторической субъектности сам русский мир как целое.

Говорить правду необходимо. И правда заключается в том, что существование единой Украины исторически исключает существование единой России и наоборот. Уйти от данной дилеммы мы, к сожалению, не можем. Можем лишь выбрать из двух сценариев один. Нравится нам это или нет, для русского общества есть только один выход из исторического тупика.

Понятие «пророссийская Украина» — точно такой же нонсенс, как и «пророссийская Россия». Если она

не возвращается назад в Россию как русская территория (а этого украинцы вряд ли хотят), формула её идентичности будет основана на густой русофобии и готовности в удобный момент нанести смертельный удар историческому конкуренту. Даже гипотетическая независимость Новороссии не решила бы проблему в целом, поскольку пассионарные украинцы прекрасно знают, что они воюют именно с русскими, причём не одно десятилетие, и неважно, что думают или хотят думать по этому поводу сами русские. Определяющий характер имеет точка зрения активной, а не пассивной стороны конфликта. Война объявлена — следовательно, одной из сторон предстоит победить или проиграть. Имитация неучастия не отменяет саму войну — она отменяет победу.

А. В. Щипков

Похищение советской идентичности

«Целились в коммунизм, а попали в Россию...». Об этой фразе философа Александра Зиновьева сказано много, суждения о ней разноречивы. Одно очевидно: коммунистом Александр Зиновьев не был. Он выступал против «глобального человеиника», как в западном, так и в советском варианте этого понятия. Тем более примечателен его афоризм. К большевикам выдвигается много претензий — от марксизма, который, замечу кстати, не в Москве был придуман, до опломбированного вагона, немецкого генштаба и американского банковского капитала. Но последователи большевиков — советские коммунисты — в конце концов сумели стать для страны своими. Они прошли историческую инициацию и сделали свою эпоху неотъемлемой частью русской истории. Поэтому сегодня отказ от советской идентичности был бы отказом от русской истории как таковой. Это прекрасно понимают на Украине, когда сбрасывают с постаментов памятники советским вождям, вкладывая в это «сакральное» действие вполне конкретный русофобский смысл. В ближайшее время нераздельность советского и русского должна быть окончательно признана российским обществом, а главное — правящим классом России и её так называемой элитой.

Имперское и национальное

Тем, кто интересуется постколониальной английской литературой и кинематографом, хорошо знакома эта сюжетная ситуация: некая семья, выходцы из бывшей английской колонии, переезжают на Британские острова. Жизнь в бывшей метрополии вырабатывает у них особое качество личности — двойную идентичность. В семейном кругу эти люди живут по своим (например, индийским) традициям, а выходя на улицу — во всём следуют нормам британского общества, начиная с особенностей поведения мужчин и женщин.

Обычно двойная идентичность ведёт к синдрому двойной лояльности. Это значит, что, когда у тебя на первой родине происходит конфликт, особенно вооружённый, с участием страны, в которой ты живёшь сейчас, — ты должен выбрать, за кого ты.

У меня всегда были прекрасные отношения со многими грузинами, живущими в Москве. Часть из них просто мои друзья. И в августе 2008-го я буквально физически ощущал, что эта двойная лояльность в них присутствует. Человек не мог отречься от своих корней, тем более что грузины всегда демонстрируют приверженность им. Но и прямо выступать против своей новой родины они не могли: они переехали сюда уже давно, многие и грузинского языка не знают. Это нормальная ситуация. Ненормально — когда одна из идентичностей подавлена, разрушена, вытеснена, и люди на самом деле не свободны, поскольку

лишены возможности выбирать. Вот на Украине одну идентичность — русскую, подменили другой — украинской, причём в крайне националистическом варианте, подменили и лояльность — и люди теперь лишены свободы выбора.

При желании двойную идентичность и синдром двойной лояльности можно проследить на примерах современных авторов — пишущих на русском языке выходцев из Средней Азии и Кавказа. Проследить, начиная ещё с советских времён. Ведь Россия тоже была империей и имела колонии — примем для простоты эту жёсткую схему, и не будем здесь вдаваться в различия между колонизацией и ассимиляцией. Но даже исходя из такой предпосылки мы должны отметить важное различие в самой логике культурных связей и культурного доминирования на Западе и в России.

Вот простой пример. Индийское кино возникло после того, как Индия перестала быть колонией Великобритании. А кино на той же Украине, в Армении, Таджикистане, Молдавии, Киргизии, Казахстане, Узбекистане, в Грузии появилось в советский период. То есть, так сказать, в процессе «колонизации». И не просто появилось. В СССР существовала установка: создать многонациональный кинематограф.

Можно вспомнить фильмы, снятые на национальных киностудиях союзных советских республик — как местными кадрами, так и режиссёрами из Москвы. Например, «Первый учитель» Андрея Кончаловского. Фильм — о том, как в Киргизии после Гражданской

войны налаживается новая жизнь. В аул по комсомольской путёвке приезжает учитель Дюйшен, и пыл советского просветителя сталкивается с многовековыми традициями Востока...

И вот такого материала осталось с советских времён очень много. При сравнении с аналогичным британским мы сразу замечаем, что советская метрополия не подавляет и не игнорирует местную идентичность, а укрепляет её, преобразуя в рамках общей имперской парадигмы, вписывая часть в целое. Этот эгалитарный подход — одна из черт советского проекта, который существовал не за счёт локальных идентичностей, но развивался в определённом симбиозе с ними, часто достаточно противоречивом, но не приводящем к взаимному уничтожению. Национальная политика заключалась в культурном эгалитаризме — «подтягивании» национальных окраин к Центру. Нередко этот курс вынужденно вторгался в частную жизнь — тут можно вспомнить хотя бы банальную тему «освобождения женщины Востока», расширения её жизненного мира. Раньше этот мир был замкнут и исчерпывался ролью хозяйки внутри большой семьи. Стоило женщине выйти на улицу — и она становилась ничего не значащей фигурой, тенью своего мужа... Над этими проблемами советская общественная мысль и культурная политика работали как минимум с 1920-х годов. Запад же только-только подошёл к ним.

Можно спорить о том, насколько удачной была советская национальная политика и почему распался СССР — причём распался, что характерно, имен-

но по границам союзных республик, которые сразу стали восприниматься как национальные. Но нельзя не признать, что уже в советское время у нас сформировался собственный уникальный путь решения проблем идентичности, основанный на «эгалитарном имперстве» и принципиально отличный от западного. Мы это делали сознательно, делали раньше Евросоюза. И не исключено, а я-то в этом уверен, что гораздо лучше. Поэтому так странно бывает слышать, что решению проблем идентичности в постколониальном мире нам якобы следует учиться у англосаксов или вообще «у Европы». Повторю: дело не только в наличии собственного опыта, но и в принципиальной разнице двух имперских проектов — элитаристского и эгалитарного.

Соединённые штаты Восточной Европы

74 года — исторически это совсем немало, и можно утверждать, что советский период русской истории не был случайным. И при условии более разумной политики можно было и дальше продолжить жизнь СССР, своеобразной и уникальной имперской общности. К сожалению, не сложилось. Но что же представлял или представляет собой наш имперский проект?

СССР и Россия — это субцивилизация. То есть часть евроатлантической (христианской, западной) цивилизации, в которую входят Западная и Центральная Европа (бывшая Священная Римская империя), Восточно-Европейский союз или, если угодно, Соеди-

нённые штаты Восточной Европы (то есть Россия — СССР и их сфера ответственности). И третий, самый молодой субъект — США.

Чтобы стать одним из трёх центров, или субъектов, евроатлантической цивилизации, Советскому Союзу потребовалось совершить цивилизационный рывок, основанный на западноевропейских теориях, соединённых с мессианством православия. Слова «русские большевики» заключают в себе некое утрирование, поскольку этнически эта группа во многом состояла не из славян и сторонников славянской замкнутости, а из европейски ориентированных космополитов. Именно они попытались совершить прыжок в будущее, и на определённое время им это удалось. Не случайно же русские большевики долгое время были героями западноевропейской левой интеллигенции.

Вообще-то, как известно, технологически и отчасти политически восточная часть европейской цивилизации традиционно идёт следом за западной. И именно в советский период была предпринята попытка не просто «догнать и перегнать Запад», но вообще прыгнуть в будущее, в рукотворный рай. Приступить к его строительству. Этот рай описывали многие западноевропейские мыслители: Томмазо Кампанелла, Томас Мор и все прочие, кого принято называть стихийными социалистами. Их было очень много, Маркс и Энгельс пришли здесь на хорошо обработанное поле. И создали новую концепцию эгалитарного общества — концепцию коммунизма как рая на земле.

Поэтому, в частности, нелепо называть русских революционеров азиатами в европейской шкуре, как это любят делать антикоммунисты. Ни в какую азиатчину они не впали, наоборот — действовали всецело в рамках европейской парадигмы, хотя и на опережение. В частности, Ленин, воспользовавшись ситуацией с обрушением старорежимной российской государственности, создал СССР как Соединённые Штаты Восточной Европы. По существу СССР был Евросоюзом номер № 1, а нынешний ЕС — это Евросоюз № 2, созданный, кстати, с учётом советского опыта, как позитивного, так и негативного. Ещё в 1915 году в статье, которая так и называлась «О лозунге Соединённых Штатов Европы», Ленин фактически провозгласил необходимость наполнения этого лозунга пролетарским содержанием.

В силу своей специфики российская история развивается эволюционными прыжками. Причин этому много: большая территория, гигантские расстояния, суровый климат, психологические особенности русского народа и входящих в него этносов... Но наряду с прыжками есть и периоды консервации. В то время, пока Россия консервировалась в некоторых своих достижениях, Запад стремительно уходил вперёд, в первую очередь технологически и отчасти политически. Затем Россия разом осуществляла ту сумму реформ, которые на Западе проводились в течение века или полувека. Таковы, например, петровские реформы, которые начал, собственно, не Пётр, а его отец Алексей Михайлович. После этого снова начиналось время накопления энергии и ресурсов.

Сталинская индустриализация — время гигантского прыжка, который сознательно готовился, в том числе и с учётом разработанных в царский период проектов: большевики говорили об индустриализации ещё до сталинского правления. Хорошо известны и слова самого Сталина: «Мы отстаём от капиталистического Запада на 50-100 лет. И если мы не наверстаем это отставание — нас сомнут». Сталин не был большевиком-романтиком, он был свехреалистом-прагматиком и точно описал ситуацию. И в данном случае принял верное решение: мобилизация, индустриализация, военно-технический рывок.

Вот Гитлера трудно назвать реалистом. Ведь животная расистская основа нацизма автоматически приводит к тому, что ты будешь управлять людьми, которые тебя ненавидят. Это может продолжаться какое-то время, но с каждым днём этого управления будет расти ненависть к тебе. Нацистский комплекс исключительности берёт начало, видимо, в протестантизме и его идее «избранности ко спасению».

Идеология же социалистической (эгалитарной) империи совсем другая. Она куда ближе к истинам православного христианства; она соединяет в единое целое массы, а не «генетически полноценное» или просто владеющее собственностью и одновременно властью меньшинство. Наоборот, советская власть старалась это меньшинство ликвидировать.

Говоря о сталинизме, подчеркну, что, на мой взгляд, я лично могу себе позволить отнестись к этой теме непредвзято. Хотя бы потому, что мой дед по

материнской линии, священник из города Белёв в Тульской губернии, в 1937 году был расстрелян. В семье осталось 11 детей, они нищенствовали, но затем все получили образование и разъехались по разным городам страны. Поэтому мне ничего не надо объяснять, я прекрасно понимаю сущность этого режима, и никакого восторга по его поводу у меня нет. Но есть понимание исторических процессов и знание того, что насилие в политике всегда было распространено, и Сталин далеко не первым его использовал.

Именно при Сталине государство Россия в форме Восточно-Европейского Союза (СССР) достигло пика своего глобального могущества. И если бы Сталин жил несколько веков назад, его репрессивная политика вообще никого бы не удивляла. Конечно, ему бы приписывали, как Ивану Грозному, тьму реальных и мнимых грехов — каковые грехи, впрочем, однотипны и характерны для всех тиранов Возрождения, например, для английского монарха Генриха VIII. С другой стороны, при таком взгляде Пётр Первый тоже должен был признан деспотом, поскольку именно через деспотию он устанавливал в России европейские нормы и правила. Но как раз ему за «европеизм» всё прощают и хвалят его. Если бы Пётр точно такими же методами строил «закрытую» социальную модель — его бы предали анафеме. Деспотия — не самоцель. И поэтому она, как правило, пугает не сама по себе, а только если она «неправильная», используется ради достижения «плохих» целей.

Другой момент относительности связан с тем, что многие политические понятия со временем корректируются. Например, сегодня очевидно, что государственный переворот — это преступление, хотя в связи с Украиной нас и пытаются убедить в обратном. А когда-то смена власти очень часто осуществлялась именно таким или даже преимущественно таким способом, если причислять к государственным переворотам дворцовые перевороты, что, на мой взгляд, абсолютно оправданно.

Разумеется, Сталина нужно и есть за что критиковать. Многие имеют право и проклинать его. И вопрос о том, можно ли было обеспечить иными способами и методами выживаемость нашей страны в тех конкретных исторических условиях после фактического крушения имперского проекта в варианте романовской монархии и распада её элит и правящего класса, остаётся открытым. Я, например, не решусь дать свой ответ на этот вопрос. Дискуссии на этот счёт необходимо вести, но дискуссии научные, серьёзные и не сводящиеся к мифу о каком-то возрождении сталинизма в сегодняшней России. Сталин давно умер, сталинизм как система политического правления и управления ушёл в историю, а утверждение о «сталинизации современной России» — всего лишь спекулятивный миф, либеральная пропаганда. Соответственно, и идея «десталинизации» к Сталину на самом деле никакого отношения не имеет, хотя внешне, словесно связана с его именем. Зато она очень удобна, например, для того, чтобы оспаривать нашу Победу 1945

года — её смысл и итоги. Логика «десталинизаторов» (сознательно не называю их антисталинистами) следующая. Если во главе воюющего государства был злодей, тогда что это за победа и над кем? Если он злодей, то и война злодейская. Значит, СССР и советские люди просто не могут быть жертвой этой войны — они её виновники. По определению. Отсюда, из этих тезисов, вырастают все концепции «советско-нацистской войны», выписанные в духе либерального историка Андрея Зубова. При этом игнорируется элементарный факт: Германия воевала не со Сталиным, не со сталинизмом, даже не с советским коммунизмом, а с Россией, с русскими, которых тогда мы часто, но не всегда (а на Западе ещё реже) называли советскими людьми. Именно их массово уничтожали, именно от них предполагалось зачистить восточные территории согласно плану «Ост». Немецкая сторона вела геополитическую (уничтожить Россию как субъект европейской и мировой политики) и этническую (уничтожить русский и другие славянские народы), а не «антисталинскую» и даже не антикоммунистическую войну.

Вот почему, вычеркнув из истории России Сталина, придётся вычеркнуть и Победу. Именно на это, судя по всему, рассчитывают те, кто называет себя либералами и требует всё новых и новых «волн десталинизации». Замечу, что, на мой взгляд, либерализм таких людей фиктивен, поскольку распространяется только на них самих и никогда на других, на тех, кого они любят называть быдлом, причём в послед-

нее время они делают это открыто и не стесняясь. Быдлом они называют и 84% россиян, которые с радостью встретили возвращение Крыма и крымчан из исторической ссылки, в которой те находились долгие 23 года. Удивительно, но патентованные борцы со «сталинизмом» не понимают, что их методы ведут к обратному результату. Эти методы не только аморальны, но и антиисторичны, как и их постоянные спекулятивные попытки поставить вопрос о «цене победы» применительно к Великой Отечественной войне — войне за свободу и само существование нашей страны и жизни десятков миллионов её граждан. Тем более что миф о сознательном «заваливании трупами» врага давно признан несостоятельным, а объективные подсчёты показывают, что боевые потери Красной Армии лишь немногим превышают боевые потери гитлеровской армии и её союзников на Восточном фронте.

О критике советского

Конечно, Ленин перенёс в Россию марксизм, упрощённо говоря, из женевских библиотек и пивных. Но марксизм был переварен русской традицией и подчинён ею — отсюда раскол между большевиками и меньшевиками («каноническими» марксистами). Конечно, мы помним и о троцкистской политике («ни мира, ни войны, армию распустить»), и о перекраивании русских земель. И всё же мазать Ленина одной лишь чёрной краской нельзя. Тем более нельзя сегодня, в контексте современных событий на Украине, в При-

балтике, в других странах Восточной Европы, сносить его памятники в самой России.

Ленинопад, проводящийся сегодня на Украине, — это, конечно, удар не по Ленину, не по его теории и практике, не по коммунизму, которого давно нет в качестве политической практики, а, как и у Гитлера, по русским на Украине и по России, с которой эти русские граждане Украины (и не только русские) хотят жить в теснейшем сотрудничестве и дружбе. И то, с каким остервенением «свидомые» ломают сегодня памятники советским историческим деятелям и военачальникам, лишний раз подчёркивает эту неразрывную связь между русским и советским — связь, которую на Украине понимают даже лучше, чем многие в России.

Кстати, именно в советское время в условиях цензуры рождались великие произведения, лучше и объективней всего описавшие предреволюционный и революционный периоды в России, а также Гражданскую войну: «Жизнь Клима Самгина», «Тихий Дон», «Хождение по мукам». Конечно, это не отменяет в некоторых местах этих книг элементов политической конъюнктурности, но подобные элементы присутствуют во многих произведениях мировой литературы. Сегодня у нас нет никакой цензуры (кроме экономической), но нет и ни одного шедевра. Кстати, многие советские художественные достижения хорошо принимал Запад, а ведь для среднестатистического либерального интеллигента это главный критерий качества. Алексей Толстой, например, останься он на

Западе, наверняка считался бы великим писателем, а сейчас его имя даже не упоминают. Таков критерий, которому наш российский западник рабски следует.

Иногда можно услышать: «Сталин выбил лучших людей, разрушил генофонд». Но это логическое противоречие. Если генетически нация была выбита, кто же тогда вы и почему я должен вам, выжившим, верить? Или вы хотите сказать, что по моей линии «выбили», а по вашей — нет? Это абсурд.

Ещё раз отмечу: всё, что я говорю, не означает отрицания репрессий как факта и их оправдания.

Нам всё время говорят о советском тоталитаризме. Лично я при Сталине не жил, родился за 2 месяца до его смерти, но о последующем времени кое-что знаю. За всё время жизни в этом «тоталитарном обществе» и «полицейском государстве» я ни разу не сдавал отпечатков пальцев. Впервые я их сдал, когда оформлял визу в посольстве США. А есть ли, по распространённому мнению, что-либо демократичнее США в этом мире? Как же это получается: тоталитаризм рухнул, я еду в самую демократическую страну мира и сдаю отпечатки пальцев?

Где корни всех этих парадоксов? В том числе и в неправильном понимании природы советского режима.

Я сам состоял в партии и, конечно, на первом этапе был сторонником перестройки-гласности. Находился если не в самой гуще исторических событий, то — как журналист — в самых близких её окрестностях. Я хорошо знал людей из окружения Горбачёва, а затем

и Ельцина и наблюдал их до и после победы. Я видел, как они менялись. Пока ты чужую власть ломаешь, ты романтик и демократ. Как только ты её сломал или перехватил — вся романтика куда-то исчезает, демократизм испаряется. В течение даже не недель, а дней у человека пробуждается хватательный рефлекс. Борьба с партийными привилегиями, на которых до перемещения в Москву никому не известный Ельцин поднялся и приобрёл статус народного вождя, стала в итоге прологом к такому разделу и разворовыванию советского наследства, по сравнению с которым советская коррупция является детским лепетом.

Негативная идентичность

Не будем отрицать очевидного. За время правления Горбачёва СССР потерпел поражение в холодной войне и из глобальных сверхдержав превратился в региональную державу. При Ельцине этот заниженный статус России сохранялся, что, кажется, самого «первого президента России» не очень беспокоило. Не беспокоило это и тех, кто называет себя российскими либералами, не устающими повторять, что лучше «жить, как в Швейцарии», чем быть «такой, как Россия, времён расцвета её глобального могущества» (кстати, что имперского, романовского, что советского). Наивность или даже невежество таких противопоставлений и сравнений — отдельная тема. Но эта смердяковская линия, к сожалению, сопровождает всю историю российской интеллигенции. Именно это

обстоятельство создаёт соблазн для компрадоров задним числом переписать историю.

В частности, из-за включённости Польши в состав Российской империи и в силу ряда других причин эти установки широко распространились, стали принадлежностью части российской элиты и разночинцев, сделав многих из них русофобами. Бюргерский чистый дворик и герань стали пределом жизненных помыслов для многих российских интеллигентов. Это культурное и социально-политическое направление имело для России крайне печальные последствия. Оно навязывало русским вместо позитивной негативную идентичность. Кстати, теоретически и фактически эту линию во многом развивали и большевики, хотя сам по себе бюргерский идеал они и отрицали.

Это особенно характерно как для московской, так и для питерской интеллигенции. Даже самые просвещённые авторы могли быть настроены прозападнически, причём даже не политически, а как-то ментально. В своих текстах они не уставали и не устают повторять, что (а) на Западе всё решается лучше, и нам надо постоянно у него учиться и (б) мы всё время идём по задам Запада. Мол, у них уже научились решать те или иные проблемы, которые мы решать не в состоянии.

Так происходит утрата подлинной национальной идентичности, замена её на негативную. Причём изымание именно советской её части происходит на особом эмоциональном фоне. Публике отказывают в праве считаться гражданским обществом, пока она

не покается в каких-то коллективных заблуждениях. Анализ, дискуссия не допускаются.

Можно воспринимать современное российское общество либо как сообщество русских и объединённых вокруг них других народов, либо как сообщество, основывающееся на гражданской идентичности. В любом случае у нас реально присутствует то, что на Западе называли мультикультурализмом, о котором я уже говорил и который в советское время уже успел сложиться, да и в царское время соответствующие проблемы определённым образом решались. И вот теперь проблемы, связанные с многонациональностью России, вышли на второй-третий круг своего исторического обострения, но воспользоваться прежним опытом нам спешат запретить. Мол, какой такой «особый путь России»? Но особый — не значит принципиально отличный от всех. Особый — как в любой другой многоликой и сложносоставной стране — это специфический, максимально отвечающий национальным условиям, традициям, психологии, национальной истории, наконец.

Необходимость той или иной кальки западных методик помимо эмоциональных аргументов («чучхе», «новый железный занавес») обосновывается отсутствием альтернативы. Утверждается, что советский период — это некий тупик в развитии страны и нашей российской цивилизации. А зачем рассматривать путь, который привёл в тупик?

На самом деле никаким тупиком советский период не был, хотя он и кончился трагически — распадом

страны. Так ведь и дореволюционный период кончился крахом. Значит ли это, что и дореволюционным опытом нужно пренебречь? Любой образованный человек прекрасно понимает, что если независимая история страны продолжается, то тупика не было в принципе. Другое дело — исчерпанность какого-либо этапа или формы существования государства и страны в целом. Но национальные архетипы дают о себе знать при любом сценарии развития. И они, в частности, связывают царский, советский и современный периоды существования и развития России.

Например, нам всегда было понятно, что Крым — это часть исторического «тела» России и этнически, и психологически, и географически, и геополитически, а посему Крым неизбежно вернётся. Лишь предательская политика постсоветской элиты привела к его временной потере. Сенсация не в самом возвращении, а в том, что возврат Крыма был осуществлён идеально: бескровно, без человеческих потерь.

Если подходить к национальному прошлому только как к ошибочному, ты лишаешься и знаний, и опыта, и уважения к себе. И, к сожалению, современная система образования этому способствует.

Метаморфозы бывших окраин

После распада СССР я много и часто ездил по бывшим республикам; был в Прибалтике, Казахстане, Узбекистане, Белоруссии, Молдавии, на Украине. Местные вожди закрепились у власти в основном ещё

до распада Союза, и в этом смысле не отреклись от советской идентичности. Но первое, что делали эти руководители и президенты, закрепившись во власти, — начинали сами указывать историкам, советским докторам наук, что им делать. Они подбирали группу таких учёных и диктовали им тезисы той новой истории, которая теперь должна быть у государства.

Какой в этих сочинениях обычно образ России? Империя, метрополия. Дальше в зависимости от конъюнктурной необходимости и характера этих вождей разговор идёт о том, насколько сильно грабила Россия соответствующий народ, территорию или государство. Это при том, что советская власть строила им фабрики и заводы, всюду создавала самую современную на тот момент индустрию.

Это отказ от советской идентичности, и мне в целом понятно, почему он происходит. Но мне непонятно другое: как можно описывать то, что было сделано в советское время, в духе практик колониального капитализма, то есть переворачивать картину советского периода с ног на голову? Ведь другие страны ничего подобного не делали. Когда и какая метрополия создавала Академии наук, целенаправленно и методично развивала литературу, вообще культуру и образование в своих колониях? А представители местных элит не только входили в правящую элиту СССР, но в определённом смысле имели больше привилегий, чем русские.

Практически во всех республиках пик развития науки и национального искусства пришёлся именно на советский период.

Иными словами, Россия сама создавала предпосылки для двойной идентичности. Конечно, на протяжении советского периода были свои «системные» кадры и были оппозиционеры, бунтари. Когда СССР рухнул и всё русское было отодвинуто в сторону, те, кто были маргиналами и диссидентами, стали первыми героями, а кто был за союз с Москвой и Россией — те в лучшем случае превратились в какие-то флюгеры. Этот процесс шёл и продолжает идти в рамках постсоветского пространства: что-то переворачивается с точностью до наоборот, что-то игнорируется, что-то выпячивается.

Как переписывают историю

Ситуация утраты национального опыта советского периода во многом связана с отвратительной реформой образования. Болонскую образовательную систему на Россию распространили не затем, чтобы осчастливить население знаниями, они и так были. А для того, чтобы создать систему, в которой всё стандартизировано, причём этот стандарт основан на евроцентризме: «Всё лучшее — в Европе». Понятно, что имеется в виду Западная Европа.

Современная молодежь перестаёт читать классику. Меняются и содержательные пропорции предмета изучения: становится больше иностранной и меньше национальной литературы. А ведь в советское время не было никакой национальной замкнутости. Любой школьник из более или менее интел-

лигентной советской семьи читал почти все новинки мировой литературы. Часто с опозданием ровно на столько, сколько необходимо, чтобы квалифицированно перевести тот или иной текст. Параллельно мы были погружены в культуру и тогдашней Украины, и республик Средней Азии, и Кавказа, и Прибалтики. Кто не знал тогда Нодара Думбадзе, Чингиза Айтматова или Расула Гамзатова? Все три традиции — западная, русская и советская «национальная» — находились тогда в нашем распоряжении. Сегодня всё по-другому.

Реформа образования в сегодняшней России задумана как система подготовки более или менее образованных, но усреднённых массовых потребителей, из рядов которых можно «выдернуть» самых талантливых за счёт общей унификации системы. И переместить лучших в рамках подготовки интеллектуальной элиты в западные университеты. Когда таланты собраны, из них готовятся уже западные элиты. В принципе такая система была создана задолго до советской перестройки. Но когда СССР рухнул, этот метод автоматически распространился на «новые территории». И вот тут возникает весьма важное отличие.

Если в СССР усиленно занимались развитием национальных окраинных культур, то в пространстве англо-американских образовательных стандартов никакие национальные культуры просто не нужны или их удельный вес предельно мал. Как можно их искусственно вытеснить? Очень просто. Достаточно перестать преподавать в стране её собственную историю,

свести коллективные знания людей о себе к минимуму и примитиву. А содержание курса истории отфильтровать, отобрав только те факты, которые соответствуют поставленной цели. На практике это ведёт к использованию в основном негативного набора фактов и стремлению мерить сложные политические процессы той меркой, в рамках которой страна всегда будет выглядеть хуже, чем она есть.

Например, легко выстроить систему критериев, в рамках которой Россия будет «нецивилизованной» и «азиатской», хотя именно Россия распространяла христианские ценности и европейскую культуру на окрестности своего жизненного «ареала» — Кавказ, Среднюю Азию, Сибирь и Дальний Восток — в не меньшей степени и с не меньшим усердием, чем Западная Европа, хотя и с другими, более человечными целями, желая научить и развить, а не использовать для собственного блага.

Минимизация знаний о себе — первое, что делается, осознанно или полусознанно, с помощью системы образования и СМИ в странах с компрадорскими режимами. Результат — разрушение национальной идентичности народа и «похищение» из состава этой идентичности важнейших, системообразующих элементов. В случае России один из таких краеугольных камней — это, конечно, советская идентичность в составе более широкой — русской, российской.

У нас собственная история (как ни в какой другой стране) часто трактуется и преподается не только как негероическая, но и просто как отвратительная исто-

рия бесконечного отставания, заблуждений и преступлений.

Я не верю ни в какие «совместные» учебники, над которыми работают, например, комиссии историков Латвии и России или Польши и России. Ещё не так давно я видел подобные издания в виде сборников статей: до учебников, слава Богу, дело не дошло. Там обычно имеется 2-3 статьи, в которых русскими и, например, поляками описывается одно и то же событие. Но поскольку Польша была частью Российской империи, это нелепый подход. Не может быть у подчинённого и доминирующего народов единой истории: одни и те же события неизбежно будут описаны противоположным, взаимоисключающим образом. И когда учёные мужи говорят: «Мы напишем совместный российско-польский непротиворечивый учебник истории», я не понимаю, то ли меня пытаются обмануть, то ли это пропагандистское задание. Главное для этих людей — предъявить учёному сообществу нечто консенсусное, но понятно, что доля реальной науки в условиях такого «консенсуса» стремится к нулю.

Миф о единстве цивилизации

Сегодня в мире фактически нет гуманитарного знания, которое не было бы представлено на английском языке. Самая мощная историческая школа — также англосаксонская. Там есть концепции развития и Украины, и Кавказа, и Средней (ныне принято говорить — Центральной) Азии, где русский импе-

риализм постоянно боролся с экспансией английского империализма — конкретно в Средней Азии, да и в Закавказье.

Лидеры так называемых новых независимых государств, как я уже сказал, дали местным учёным политическое задание — создать «свои» истории. Формально эту задачу можно решить, но проблема в том, что создать собственные исторические школы, которые бы вошли в мировую науку в качестве самостоятельных и оригинальных, практически нереально. Для «местного употребления» — да, но мир сейчас слишком открыт и находится под слишком большим информационным и интеллектуальным доминированием Запада, чтобы можно было рассчитывать на сохранение таких «оригинальных историй» даже на собственной территории. Даже России, как мы видим, это пока не очень удаётся.

Вот почему, избавившись от советского влияния, «национальная идентичность» населения новых независимых государств автоматически подпадает под влияние идей и исторических концепций Британии, Франции, в некоторых случаях — Турции или Китая. Одна субъективность меняется на другую, и очень часто конфессионально-религиозная догматика приходит на смену советской атеистической.

Можно рассказывать много сказок про единую мировую цивилизацию, но мы знаем, насколько она не едина на самом деле. С точки зрения этой евроцентричной организации история мира — это история Европы, остальное — в дополнительных главах

и подглавках. Мы так приучены смотреть на вещи царских времён: так или иначе мы изучали российскую историю как часть европейской. В то же время наши европейские конкуренты — это конкуренты в том числе и в трактовках истории. А конкуренты, как известно, сражаются не с помощью объективных доказательств, но с помощью мифологем, в том числе и методами того, что сейчас называется информационной войной.

В англосаксонской версии мировой истории антирусизм заложен априори. В местных вузах зависимых государств можно в принципе преподавать что угодно. Но с этим своим эзотерическим знанием ты так и останешься в своём медвежьем углу. Но ты ведь хочешь интегрироваться в мировое сообщество, быть принятым в Лондоне, Брюсселе, Берлине и Париже? Тогда ты должен учить историю по европейским канонам, что и делают местные элиты новых независимых государств, да и практически всех стран, ранее входивших в зону советского влияния и доминирования.

Европейская фанатерия сохранилась до сих пор. Именно поэтому нам так усиленно прививают термин «цивилизованные страны» и всю связанную с ним терминологию. Хотя данный взгляд полностью антинаучен. Ведь учёные используют термин «цивилизация» для обозначения всей совокупности планетарных культур и обществ, а не какой-то избранной части. К тому же человеческая цивилизация состоит из ряда субцивилизаций, и каждая из них самоценна. Лишь

в последнее время мы начинаем понимать, что и политические институты не могут быть идентичными по всему миру.

О доминировании в мире англосаксонской историографии и имперской англосаксонской мифологии можно говорить и дальше. Но не менее интересен другой вопрос: с чем связана русофобия на психологическом уровне?

Русофобия и ущемлённые имперские комплексы

Когда я общаюсь с иностранными слушателями, я в мягкой форме говорю им следующее. Многие страны мечтали бы иметь такую же великую историю, как история России. Потому что, несмотря на её драматизм и отдельные срывы, нами было создано великое государство. Некоторые наши конкуренты мечтали сделать то же самое, но не получилось. Например, Польша (Речь Посполитая) стремилась стать империей от Чёрного до Балтийского моря и от них до Урала. И претензии поляков к России, от каких бы современных поводов они ни отталкивались, на глубинном уровне представляют собой неосознанную зависть к более удачливому геополитическому образованию. Русские сделали то, что мечтали сделать они. Более того, Россия действительно (вместе с другими европейскими великими державами) несколько раз делила Польшу, включала её в состав своего государства или (в послевоенный период) в свой экономический и военный союз. Поэтому я понимаю комплексы

и претензии поляков к России. Но такова история. Она делалась не только Россией и не исключительно по её желанию — были и другие великие державы, между ними была конкуренция, и периодически случались войны. Если ты не выигрывал, то ты проигрывал. Выбор был у каждого — победить и распоряжаться собственной судьбой и судьбами других стран или проиграть и превратиться в чьего-либо вассала. Россия главным образом побеждала. Начиная с 1480 года она ни разу не была подчинена какому-либо государству, при этом, кстати, часто спасая целые народы от уничтожения и освобождая другие страны от чужой имперской власти. Это великая история, и она не может не раздражать менее удачливых игроков. Это я понимаю и принимаю.

Но, второе, что я говорю: и вы попытайтесь быть объективными и хотя бы рассудочно встать на позицию другого, в данном случае — России. Можно приписать своему визави все недостатки мира. Но вы тоже попытайтесь, говорю я, понять «этих русских». Что это за нация, которая создала такое огромное государство? Почему империя для этой нации одновременно и тяжкий крест, и счастье? Бремя, которое ты несёшь, и счастье от того, что никто чужой твоей судьбой не распоряжается... Многим бы хотелось такое бремя-счастье иметь... Но тогда и жертвы нужно было соответствующие приносить, а не просто отдаваться от одного хозяина другому.

Попробуйте сыграть за нас нашими фигурами на нашей стороне доски. Если вы объективно про-

считаете варианты, окажется, что не так уж много того, что можно русским в вину поставить. И посмотрите, сравните: что было, когда вы находились под другой пятой — Гитлера, Наполеона... Имперское начало всегда прорастает в нескольких географических точках, где и появляются великие державы. И практически никогда — в других местах. Китай когда-то все хоронили, а он как великая держава возродился. США — не новое имперское образование, это та же Британия, с той только разницей, что бывшая колония стала метрополией, при этом американцы по всем своим повадкам, в том числе и в политике, — типичные англосаксы. И большинство европейских стран всегда находилось в чьей-то орбите влияния, всегда были чьими-то вассалами. По большому счёту именно так и обстоит дело и сегодня.

Суверенитет как национальная идея

Мой университетский коллега, занимающийся немецкой философией, как-то сказал мне, что по-немецки и по-русски понятие «пространство» — далеко не одно и то же. Для нас это «простор», безграничность. А в немецком языке это слово означает нечто замкнутое, некий ограниченный ареал. Поэтому, нисколько, естественно, не оправдывая гитлеризм, я понимаю, что означает для немцев расширение «жизненного пространства». Вот, в частности, откуда идёт *Drang nach Osten* — натиск на восток, и чем объясняется идея колонизации восточных территорий.

Нам такое расширение было не нужно — мы и так уже много веков самое большое по территории государство мира, да и в доимперский период проблемы малого «жизненного пространства» для Руси и русских не было. Земли у нас всегда было много.

Это просто пример, но очень важный пример отличия национального, включая политическое и государственное, мышления разных народов, разных стран. То же и с политическими системами.

Я уверен, что русская система власти отличается и в демократическом, и в деспотическом своих вариантах от немецкой и англосаксонской. В частности, государственная независимость является для русских одной из высших политических и человеческих ценностей. После выхода из-под власти Золотой Орды нам не надо объяснять, что такое иго, чьё бы оно ни было — Орды, Ордена или западного капитала. Поэтому «предатель» в России — самое «чёрное» слово. И оккупант-гитлеровец для нас в чём-то лучше полицая: он-то пришёл поживиться чужой землёй и расширить «жизненное пространство». А полицай жаждет навязать закрепощение не чужому, а своему собственному народу, своим соплеменникам. Нам психологически проще подчиняться даже весьма посредственному собственному начальству, чем принять ту или иную форму оккупации. Этого не понять маленьким и средним европейским странам, в истории которых сдача своих городов завоевателям норма, а у нас — исключение и национальный позор.

Независимость государства — одна из высших ценностей гражданина России. Именно поэтому ельцинское десятилетие и последние годы горбачёвской перестройки останутся и в официальной (в конечном итоге), и в народной истории одним из самых позорных периодов в истории России, когда страна вынуждена была жить как при Лжедмитрии. Рассказы о «рыночных реформах», «первоначальном накоплении» и «демократических свободах» — это словесная эквилибристика, которая призвана затушевать краткие годы полуколониальной зависимости и утраты суверенитета, годы выплаты дани Западу.

*Формула идентичности:
русский, советский, православный*

В последнее время некоторые стереотипы, касающиеся советской идентичности, всё же пали.

Сегодня в мире распространены исследования проблемы постсекулярности и неклассической религиозности. В связи с этим всё чаще высказывается справедливая мысль том, что коммунистическая идеология, будучи формально атеистической, фактически была квазирелигиозной — аналогом религии в советском варианте. Впрочем, отдельные суждения такого рода звучали и раньше, как в России, так и на Западе.

Советский социализм на самом деле лежал в плоскости христианской традиции. В рамках коммунистической модели мира и человека были свой рай и

ад (коммунизм и царство капитала), была Троица (Маркс, Энгельс, Ленин) с предтечами (социалисты-утописты), была Церковь (КПСС), инквизиция (КГБ). Моральный кодекс строителя коммунизма — это слегка изменённые евангельские заповеди. Конфликт с Западом неизбежно вытекает из сюжета разделения церквей: прагматичный мещанский Запад и осенённый идеей справедливости Восток не могли не войти в конфликт. Поэтому, разрушив «мир насилия», большевики тут же взялись восстанавливать империю, а Сталин её ещё и нарастил.

Советский период особым образом встроился в историческую социальную модель Третьего Рима, принявшего эстафету от Византии. Коммунизм на время заменил традиционное православие, и в советское время они были идеологическими и ментальными конкурентами, хотя официально властвовала коммунистическая идеология. С точки зрения жизни одного человека эта ситуация кажется неразрешимым парадоксом, но по историческим меркам это достаточно непротиворечивый, диалектический процесс.

Не случайно именно либерал Хрущёв начал новые идеологические гонения на Русскую православную церковь, а деспот Сталин пусть не сразу, пусть после расстрелов священников и разрушения храмов, заключил с Церковью конкордат и восстановил патриаршество. Во время войны в целях мобилизации Сталину потребовалась идеология, вера и даже религия, как можно более укоренённая в традиции.

У Русской Православной Церкви есть причины обижаться на советский режим. Тем не менее такой злобы к «советскому», какая была у тех, кто взрывал храмы и расстреливал священников, в русской Церкви не наблюдается. Это тоже не случайно.

По моему глубокому убеждению, поругание советского неизбежно является и поруганием всего русского, включая русскую православную традицию. А похищение советских идей и символов есть похищение самой русской истории, а не только советских 74 лет. Эти 74 года пронизаны традициями предыдущего тысячелетия и скреплены национальным опытом.

Для меня «русский» и «православный» — практически синонимы. Русская православная ментальность — это и есть та идентичность, вариантом и частью которой в условиях XX века стала идентичность советская. На первый взгляд в глаза бросаются кардинальные различия — такие как религиозность и принудительный атеизм. Но эти различия по сути ничего не меняют. Конкурирующая по сравнению с традиционалистской советская идеология именно потому так похожа на своего конкурента, что имеет с ним общее метафизическое ядро. Сама ситуация конкуренции — результат социального и национального раскола начала XX века — не меняет глубинной общности.

Сегодня я осознаю себя как гражданина православного русского мира, хотя и не являюсь верующим. Внутри этой общности я русский, хотя в ней

живут не только этнические русские, но и другие этносы и конфессии, включая мусульман. Тем не менее это части в составе целого, интегрального целого. Русская православная церковь, помимо всего прочего, есть один из системообразующих институтов этой общности, а исторически — один из главных государствообразующих институтов России. Фактически — один из краеугольных камней всего здания русской цивилизации в её государственных формах. Поэтому при своём позитивном отношении к советской истории я никогда не стал бы бороться с Церковью, также как я не буду бороться с Большим театром. Большой театр, конечно, куда более компактный институт, чем РПЦ, но для русской культуры столь же важный. И посему он должен быть местом, где исполняется русская оперная и балетная классика и доминирует русская исполнительская школа — хотя, разумеется, оперы нужно петь и итальянские, и немецкие.

*Будем ли мы учиться
по бандеровским учебникам?*

Помимо собственно православного самосознания важная точка сборки советской и русской идентичности — это, конечно, память о Победе в Великой Отечественной войне. Это легко понять, если признать, что воевали мы не только с Германией. Мы воевали с объединённой под властью нацистской Германии нацистской Европой и отстаивали право не только на по-

литический, но и на исторический суверенитет. Обратите внимание на то, что первыми и наиболее искренними союзниками гитлеровской Германии были радикальные националисты (украинские бандеровцы, например) разных стран и территорий Европы. В этом смысле тогда сложилась нацистская пирамида Европы, в которой гитлеровский расизм был основанием и вершиной, но далеко не единственной составляющей. Вот, кстати, почему так многие сегодня оспаривают заслуги России-СССР во Второй мировой войне. Это всё отголоски тех нацизмов, не только немецкого, существование которого признают все, скрывая при этом наличие других.

У либеральной публики сегодня очень популярна идея «двух тоталитаризмов», утверждение о том, что фашизм был чуть ли не либеральной «реакцией» на коммунизм, на левое движение. Насколько либерален был гитлеровский нацизм — это даже смешно обсуждать. А тогдашние либералы (включая западных коммунистов) были как раз антифашистами и именно в СССР видели главного спасителя Европы. Конечно, эти концепции имеют целью переложить ответственность с агрессора на главную реальную жертву войны, оказавшуюся в конечном итоге и её главным победителем. А в общем-то истоки фашизма гораздо глубже и, в частности, связаны с колониальными практиками, которые в XX веке были перенесены Гитлером в саму Европу.

Может ли Россия в конце концов утратить статус главного победителя фашизма, лишиться этого

морально-исторического ресурса? Мы же прекрасно видим, как события войны перевираются, как члены киевского правительства называют Россию (СССР) страной-агрессором, как реабилитируются методы геноцида и нацистская символика, как резолюция ООН о запрете героизации нацизма молчаливо, но жёстко отвергается некоторыми мировыми державами.

Представим на минуту такую картину. Вместо Дня Победы мы празднуем День примирения. Это происходит не 9-го, а 8 мая. Нет ни одного красного флага. Людей с георгиевскими лентами клеймят как поджигателей войны и дремучих ксенофобов, которые тайно боготворят ГУЛАГ и хотели бы написать «альтернативную историю, в которой не союзники, а советские войска взяли Берлин».

Постепенно, через 2-3 поколения, все будут думать, что именно так и обстояло дело. Что это мы начали войну, что Гитлер — меньшее из зол, американцы и поляки спасли мир от «красной чумы», а Бандера был хитрецом, который боролся с Гитлером, вступая с ним в тактический союз, но при этом, вне всякого сомнения, русские были главные злодеи. Эта картина сейчас вызывает оторопь своим навязчивым абсурдом. Но она может взять верх в умах людей, если народ, общество и власть не будут оказывать сопротивление идеологическому и информационному нажиму.

Если Россия рухнет и распадётся, мы точно будем учиться по бандеровским учебникам.

«Всё равно историческая правда победит», — сказал Владимир Путин ветеранам. Это звучит чересчур оптимистично. Всё может быть переписано. Мы же видим, что творят с бывшими русскими на Украине. Воевать с этим злом необходимо сейчас, пока ещё можно победить. Но чтобы победить, мало учебников литературы и истории, мало ветеранских собраний. Нужен системный ответ на происходящее вокруг нас. Иначе будет так, как сейчас на Украине.⁶

В. Т. Третьяков

---

⁶ Статья написана на основе моего устного выступления (В.Т.)

Красное и белое

Весной 2015 года в своей программе на волнах радиостанции «Коммерсант-FM» огневой либеральный публицист Константин Эггерт выдал такую фразу: «Сталин — это исторический страховой полис победивших красных и их потомков. «Если бы не Сталин, не было бы России!» — говорят нам. В ответ на это хочется спросить: «А случились бы с Россией все эти беды, не приди коммунисты к власти?»⁷

Каждое звено в этой логической цепочке спорно, но, увы, типично для российских средств массовой информации последних почти 30 лет. Ну какой Сталин защитник для победивших красных? Это он-то, подвергший всем казням египетским минимум половину «победивших красных» из ленинской гвардии времён гражданской войны? (Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин — продолжать можно долго.) Это Сталин-то, автор «консервативной революции» конца 20-х — начала 30-х, превратившей Советский Союз из «левого экспериментального проекта» (выражение Бориса Кагарлицкого) в консервативную державу, где эксперименты снизу были запрещены под страхом смерти? Содержащийся в вопросе намёк Эггерта на то, что Гитлер пришёл к власти лишь благодаря страху мировой буржуазии перед коммунизмом, — это на самом деле перепев с обратным знаком советской манихейской пропаганды 30-х годов,

---

⁷ Более подробно см. здесь: <http://www.kommersant.ru/doc/2721844>

рисовавшей мир как арену последнего, эсхатологического боя между коммунизмом и фашизмом. Да если бы Гитлер боролся только с коммунизмом, зачем ему было сперва в 1939-1940 годах нападать на антикоммунистическую Польшу и вполне себе буржуазную Францию?

«Красный» Путин. Оксюморон от либералов

Логика Эггерта хромает, но ему легче озвучить любую несуразность, чем признать, что мировое зло может родиться не в России, а в западной части Европы. Красное зло у Эггерта всегда встает на Востоке — угрожая ангельски-белой Европе или провоцируя её на порождение случайных коричневых выродков типа Гитлера. Любой попытке Востока (включая «азиатский» СССР) защищаться или оправдываться Эггерт в своих комментариях всегда отказывает в легитимности, объясняя эту самозащиту религиозным фанатизмом (Иран) или живучестью сталинского наследия (Россия). Отсюда и строгий конец эггертовского комментария: «Гражданская война в России не закончена. Она всё ещё идёт в умах. И пока она не завершится, Сталин будет жить».

Что же это за гражданская война такая, что же это за мифические «красные», которые, по Эггерту, всё ещё терзают Россию? Тачанки отгремели почти сто лет назад, репрессии против «бывших», слава Богу, тоже прекратились более полувека тому назад, СССР ещё при Горбачёве отказался от попыток строительства коммунизма и уж тем более от попыток этот самый коммунизм навязать другим. Где гражданская

война, где «красные»? И с кем воюют эти «красные» в России: ведь тезис товарища Сталина об обострении классовой борьбы отменил ещё Хрущёв? Неужто и Путин для Эггерта — «потомок красных», всё ещё изничтожающий невинных «белых» (к которым, по собственному самоназванию, относит себя и сам «дворянин и православный, барон фон Эггерт»)?

Новые большевики

Вы будете смеяться, но Эггерт во всё это и вправду верит. Ситуация 1918-1920 годов у него растягивается на лишние 95 лет. Сталин в этом выдуманном мире так и остаётся одним из красных адептов «земшарной республики Советов», призванной насолить фон Эггертам в любой точке матери-Земли.

(Напомним, что на самом деле Сталин — исполнитель смертельной для мировой революции идеи о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране. То, что реализация этой идеи превратила бывшую Российскую империю в наше собственное, отдельное от всего мира общежитие адского класса «преисподняя на земле», — другой вопрос.)

«Но постойте!» — скажет любой читатель Фейсбука. — «Разве не очевидно, что в российском обществе идёт латентная гражданская война по всем важным вопросам: от переизбрания Путина до помощи соотечественникам на Украине?! Посмотрите на озлобление, на взаимные обвинения, порой зашкаливающие даже по украинским меркам! Это что, мир?!»

Да, латентная гражданская война в России идёт. И развязали её (пока только в виртуальном пространстве) как раз подобные фон Эггерту новые, «не красные» большевики. То, что эти большевики не любят «красную» коммунистическую символику (и с удовольствием её запретили бы, как это уже сделано на Украине), не так важно. Главное — это методы новых большевиков, ничуть не изменившиеся за прошедшие сто лет. Во-первых, это готовность добиваться власти и крушить оппонентов любыми способами. Во-вторых — полное презрение к отечественной истории и её ещё живым свидетелям, желание стирать её даже не страницами, а томами. Кампания «десоветизации», предложенная бывшим ректором ИНИОН Юрием Пивоваровым, — из той же фирменной большевистской линии, что и «декулакизация», «деклерикализация» и т.д.

Оговорки по Герцену и Ленину

Языковые совпадения — очень точный индикатор. «Десоветизаторы» России применяют против Путина приблизительно такие же выражения, какие большевики 1905-1917 годов применяли в отношении государя Николая II. Достаточно прислушаться к бесконечным проклятиям в адрес «вертикали власти», «управляемой демократии» и «клерикализации», чтобы угадать за ними привычные ругательства начала XX века — впоследствии реализовавшиеся угрозы уничтожить всех этих «сатрапов», «попов», жандармов... И ещё один важный индикатор большевизма — готовность оправдать любую

жестокость со стороны «национально-освободительных движений» или «восставших масс», если она направлена против общих политических противников — «клерикализации», «Кремля», «путинского большинства» и т. д. (До 1917 года приблизительно те же явления получили названия «духовной сивухи» по Ленину, «немецко-византийского царства-фасада» по Герцену и т. д.) «Огромное уважение», которое Эггерт сохраняет к Виталию Владимировичу Кличко и другим представителям нового киевского режима после всех их преступлений и в Киеве, и в Донбассе, имеет те же корни, что и фраза Герцена по поводу мужика, зарубившего топором своего барина: «И превосходно сделал!» Стоит обратить внимание, что со стороны Путина и реально принимающих решения чиновников никаких угроз в адрес расхрабренных новых большевиков так и не прозвучало.

Своя своих не познаша

Тот факт, что подобные Эггерту публицисты, используя в отношении себя самоназвание «либералы» или даже «атлантисты», не признают своё родство с большевизмом, — вполне закономерен. В своё время о неспособности русской революционной интеллигенции «узнать» себя в большевиках прекрасно написал ещё Николай Александрович Бердяев в своей книге «Истоки и смысл русского коммунизма»: «Если остатки старой интеллигенции, не примкнувшей к большевизму, не узнали своих собственных черт в тех, против кого они восстали, то это историческая aberrация, потеря памяти... Старая

революционная интеллигенция просто не думала о том, какой она будет, когда получит власть, она привыкла воспринимать себя безвластной и угнетённой».

То, что либерально-революционная интеллигенция не поняла о себе самой, сам народ о ней прекрасно понял, а вернее — почувствовал. Народная мудрость ещё в 90-е гласила: «Чубайс — это Троцкий сегодня». Тогда это утверждение у кого-то могло вызывать вопросы. Но теперь большевистские оговорки у самих представителей либеральной оппозиции прорываются всё чаще. Совершенно неслучайно обращение участников «протеста богатых» в 2011-2012 годах к опыту большевиков.

Вот, что тогда советовала протестующим со страниц гламурной «Афиши» поэтесса и сотрудник радио «Свобода» Елена Фанайлова: «Я с интересом бы посмотрела на следующих массовых мероприятиях на отряды самообороны протестного движения и активистов, которые организовывали бы передвижение мирных граждан и занимались бы их безопасностью. С наименьшим интересом я познакомилась бы, например, с инициативами однодневных забастовок московских адвокатов, которые парализовали бы работу судов. С явлениями самоорганизации студентов — вплоть до захвата аудиторий в случаях споров с администрацией (см. практику Сорбонны в 1968-м и Карлова университета в Праге в 1989-м). С деятельностью лидеров рабочего стачечного движения... Всем желающим гулять по любимому городу без комендантского часа рекомендовала бы изучать историю организованной борьбы левого движения как XX, так и XXI века.

Практики оргработы большевиков после 1905 года ничуть не хуже других практик, кроме того, они оказались успешными. То же я попросила бы сделать Навального и Удальцова»⁸.

Вспомним Ленина: «Печать — это не только коллективный пропагандист и агитатор, она ещё и коллективный организатор». Прямо про Фанайлову сказано...

Итак, преодоление большевизма для России более чем актуально. Надо просто разобраться с вопросом о том, кто нынче большевик. А потом — преодолевать в первую очередь не оружие и не денежные вливания из-за границы по системе незабвенного Парвуса, а именно словарь большевизма, то есть свойственный ему язык борьбы на уничтожение.

Преодоление словаря

О необходимости преодоления большевизма в России говорят давно — и всё без толку. Проблема — в разных значениях самих слов «большевизм» и «большевик». Этой-то путаницей и пользуются новые большевики. Английский словарь предлагает целых три возможных значения слова «большевик». Обратимся к Webster's New Universal Unabridged Dictionary.

Итак, первое значение: член течения большинства внутри Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) до революции 1917 года. Это те-

---

⁸ Подробно см. здесь: <http://www.afisha.ru/article/elena-fanajlova-poet/> .

чение после 1917 года сформировало российскую, а после образования СССР — «всесоюзную», коммунистическую партию большевиков — ВКП(б).

Второе значение: советский коммунист, член единственной и по определению правящей партии Советского Союза.

И, наконец, третье значение, с пометкой «в негативном, враждебном смысле»: беспринципный радикал, сторонник захвата власти любыми путями, от законных выборов до незаконных переворотов.

Профессиональные борцы с большевизмом из либерального лагеря (например, телекомментатор Николай Сванидзе) обрушиваются, как правило, на исторических персонажей, стоящих за первыми двумя значениями слова «большевизм». Сванидзе очень раздражает, что в российских городах есть улицы, названные в честь участвовавших в терактах большевиков (вспомним первое значение слова «большевизм»), а его главными политическими противниками до недавнего времени были люди с самоназванием «коммунисты», то есть члены КПРФ, возглавляемой Геннадием Зюгановым.

О друзьях — или хорошо, или ничего

О большевистских методах прихода к власти и захвата собственности со стороны любимых г-ном Сванидзе политиков — «либералов» Анатолия Чубайса, Альфреда Коха и других «молодых реформаторов» — Николай Карлович предпочитает не говорить. Оно и понятно: о друзьях либо хорошо, либо ничего.

В итоге третье — и самое продуктивное на нынешнем этапе! — определение большевизма со стороны Сванидзе, естественно, игнорируется. Иначе придётся признать события 2014 года в Киеве типичным большевистским переворотом — захват правительственных зданий, привоз народа на просмотр захваченных «царских хоромов» Януковича, преследования нелояльных православных священников, запрет на профессии и «пострация» для представителей проигравшего режима — всё как в 1918-м.

Да и в России воспоминания о том, как в 1993-м или в 1996-м те же Чубайс, Березовский, Ходорковский и другие олигархи захватили власть абсолютно большевистскими методами (стрельба и избиения, захват СМИ через скупку их акций дружественными бизнес-структурами, разгон или игнорирование представительных органов власти), — эти воспоминания ещё свежи. Это был (и во многом остался!) настоящий ПРАВЫЙ большевизм, направленный на приватизацию власти и уничтожение российских культурных традиций СПРАВА — со стороны того самого «бессердечного чистогана», о котором писал ещё Карл Маркс. (Заккрытие «финансово несостоятельных» традиционных газет и театров и замена их по-либеральному сосущими госбюджет проектами типа Gogol Center господина Серебренникова — из той же оперы, что и замена императорского балета «синей блузой» в 20-е годы минувшего века, только мерилom народности теперь объявлены деньги из box-office.)

«Правые» большевики опаснее левых

Что же касается левого большевизма, к борьбе с которым по-прежнему призывают Эггерт и Сванидзе, то он в России находится в летаргическом состоянии и никакой опасности давно не представляет, тихо заснув ещё в 70-е.

Ну каким большевиком, каким «красным дьяволом» был горбачёвский председатель Совмина Николай Иванович Рыжков? (Недаром за незлобивым премьером ещё в 80-е закрепилась оксюморонная кличка «плачущий большевик».) Или конструктор космических аппаратов Сергей Королёв, рядовой член КПСС, пострадавший от сталинских репрессий? Единственное, что роднило Королёва с революционерами типа Троцкого и Ленина, — это «большевицкие темпы» в работе. Но такие же темпы давали и капиталисты Форд с Рокфеллером. Так что, ругая русский народ за «нераскаянность» в большевизме и требуя запрета на советские символы, эфирные комментаторы Николай Сванидзе и Константин Эггерт явно лукавят: истинно советские, то есть ЛЕВЫЕ БОЛЬШЕВИЦКИЕ символы из российской жизни давно вытравлены или успешно вытравляются (недавний снос в Александровском саду в Москве стелы, посвящённой теоретикам социализма, и замена её на памятники патриархам и императорам — всё это говорит само за себя).

Почему снос этих коммунистических символов происходит сегодня столь безболезненно?

Брусиловский призыв

Да потому что левый большевизм Россия вполне успешно преодолела в течение XX века. Она преодолела его не столько активным, сколько пассивным сопротивлением, действуя по формуле генерала Алексея Брусилова, призвавшего царских офицеров к службе в Красной Армии, руководствуясь формулой: «Правительства приходят и уходят, а Россия остаётся». Американский историк Бриан Тейлор, автор книги «Politics of the Russian Army, Civil-Military Relations, 1689-2000», отмечает, что без массового перехода большинства царских «военспецов» на сторону Красной Армии во время гражданской войны большевикам вряд ли удалось бы победить и в целом восстановить территорию страны (за исключением ныне проявивших себя во всей красе Прибалтики и Западной Украины). Тогда брусиловская формула спасла единую Россию.

А чуть не погубила Россию в 1917 году, по мнению Тейлора, как раз политическая неграмотность и наивность дореволюционного офицерства: не читавшие газет офицеры и генералы (включая трагически погибшего главнокомандующего Михаила Алексеева) явно не осознавали меру некомпетентности Временного правительства, которое армия сперва приветствовала как желанную замену царско-распутинской «камарилье». Одно только разрешение от Временного правительства на создание в армии ячеек политических партий и солдатских комитетов чего стоит...

Тогда оно привело к двоевластию в армии, а потом и к гражданской войне. Нет сомнения, что бесконечные требования наших новых «либеральных» большевиков насчёт замены государственных структур «гражданским обществом» — эти требования конечной целью имеют всё то же двоевластие. «Раздвоенная» вертикаль — это уже намного более ломкая структура, не являющаяся серьёзным препятствием на пути к власти для новых «правых» большевиков.

Предварительный итог

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что дебольшевизацию нужно начинать не слева, а именно СПРАВА. И государство, и общество должны выработать у себя иммунитет, а ещё лучше активное неприятие того языка вражды, который сегодня рекой льётся из уст таких персонажей, как Эггерт, Сванидзе или Матвей Ганапольский. И ни в коем случае нельзя отдавать этим людям знамя борьбы с большевизмом. Наоборот, надо объяснять, что это их собственный, новый большевизм, — только он и способен разрушить то «красно-белое» примирение, которое в стране вполне успешно завершилось и которое в своё время начинал ещё Алексей Алексеевич Брусилов.

Д. О. Бабич

Белое и красное

На советских развалинах

Не секрет, что украинский нацизм в России поддерживают и защищают те же люди, которые были в активе «перестройки» четверть века назад и которые сегодня пытаются обелить её преступления. Это всё те же «правозащитники», «псевдолибералы», «Эхо Москвы», «Новая газета», телеканал «Дождь» и т.д. Впрочем, родство тех, кто в России себя называет «либералами» и «правозащитниками», активистами гражданского общества» и «московской интеллигенцией», с нацистами на Украине и «Правым сектором» — особый вопрос, который требует отдельного изучения. А пока хотелось бы понять, как и почему порой складывается тот исходный тип неонациста, на который все они ориентированы.

Возьмём для примера самого радикального политика нынешней коричневой Украины. Дмитрий Ярош родился в 1971 году, и как считается — успел побывать и в пионерской организации, и в ВЛКСМ. А потом — вступил в «Народный Рух». А потом — стал одним из основателей и лидеров «Тризуба». А потом — образовал «Правый сектор».

Полным названием «Руха» было «Народний Рух України за перебудову» — «Народное движение Украины за перестройку». Это к вопросу о том, где искать корни современного украинского нацизма — в

идеологии «перестройки», политике «перестройки» и «движении за перестройку».

Был пионером и комсомольцем. Стал бандеровцем и неонацистом...

Понятно, что в 1980-е годы членство и в пионерской, и в комсомольской организациях носило противоречивый характер. Зачисляли в них почти автоматически. Были там и искренние молодые коммунисты, и карьеристы, и просто конформисты — кто угодно. И те, кому всё было безразлично.

Но конформисты после разрушения СССР вступали в радикальные политические организации, карьеристы шли служить новой власти, и те и другие — подавались либо в уголовники, либо в бизнес, как комсомольские секретари Ходорковский и Невзлин. Причём одно от другого часто мало отличалось. Поэтому Ярош, скорее всего, всё же был не из их когорты. Неизвестно, насколько твёрдые убеждения он имел в период СССР. Интересно другое: каким должен был стать активный комсомолец с внутренней потребностью во что-то верить и чему-то служить, если его настойчиво убеждали: всё, чему вас учили до сих пор, — неправильно. Компартия — преступная организация. СССР — тоталитарное государство, империя Зла. А путь, пройденный огромной страной, — это путь лжи, который ведёт в исторический тупик и должен закончиться катастрофой.

Если человеку и обществу объявляют всё это, у человека и общества есть три пути самоопределения.

1. Не согласиться и начать сопротивляться. Такие люди были и остаются, но это тяжело и сложно, особенно когда против тебя направлена вся машина информационного террора времён «перестройки» и начала 1990-х.

2. Стать животным. То есть пьянеть от избытка сортов колбасы, возможности поехать на третьеразрядный иностранный курорт и слушать радиостанцию «Эхо Москвы».

3. Приняв под давлением официальной пропаганды тезис о том, что до сих пор всё было порочно и преступно, но, сохраняя потребность в неких идеалах, искать новый путь. Пытаться понять, когда же твоя страна и общество свернули с правильного пути или, как минимум, где и когда была возможность альтернативы, от которой в силу каких-то обстоятельств общество отказалось.

Сначала этот процесс шёл в самой КПСС, при этом всё разнообразие внутрипартийных платформ конца 1980-х годов сводилось к разным мнениям о местонахождении той самой «точки трагической ошибки», которую когда-то совершили партия и страна.

«Демократическая платформа» считала, что ошибочен был выбор социалистической ориентации партии, и особенно — Октябрьская Революция.

«Платформа ЦК», сторонники Горбачёва, к 1991 году объявили в подготовленном ими «Проекте Программы КПСС», что ошибкой был «раскол между большевиками и меньшевиками».

Ленинградское «Движение коммунистической инициативы» основной ошибкой считало «реформы Косыгина 1965 года».

«Большевистская платформа» — XX съезд и политику Хрущева.

«Марксистская платформа» считала трагической ошибкой X съезд, поражение «рабочей оппозиции» и запрет партийных фракций.

КПСС утонула в разговорах о прошлом и реальных или мнимых исторических ошибках — и забыла о будущем. Чем это в итоге закончилось, хорошо известно. Но вслед за ней утонуло и всё общество.

Когда было объявлено, что главная ошибка — существование самой партии большевиков и Октябрьская революция, определились ещё два противостоящих сектора. Один, взявший в 1991 году власть, утверждал, что хороша была Февральская революция и плоха Октябрьская. Другой, оказавшийся тогда в оппозиции, но за столбивший за собой существенное влияние во власти сегодня, утверждал, что всё зло было уже в Февральской революции и в свержении монархии. Есть и те, кто считает, что порочна была и отмена крепостного права. И такие, которые полагают порочными реформы Петра. И даже те, кто считает злом принятие христианства, — но это уже экзотика.

Вполне естественно, что официальное отречение от Октябрьской революции и Советской власти неизбежно ведёт к осуждению Красных, а значит, к

прославлению Белых, отречение же от революции как таковой — к прославлению дореволюционных порядков, монархии и самодержавия. Кончится это для России, возможно, тем же самым, чем кончилось для КПСС, но сейчас речь идёт о другом. Подобное самоопределение в альтернативах, существовавших в прошлом, естественно и предсказуемо для России. Но не для Украины, Грузии или любой другой республики СССР. Формула «Советы плохи, царь и белые хороши» может оказаться привлекательна для разочаровавшегося российского комсомольца, но абсолютно чужда для разочаровавшегося комсомольца украинского, грузинского, латышского или казахского и т.д. Потому что если для кого-то в России русские цари и Колчак с Деникиным и могут представлять «несбывшееся желаемое альтернативное», то для ищущих альтернативу большевикам в республиках СССР они уж точно такой альтернативой быть не могут.

Красный — он красен, а Белый — он бел

Скандалы вокруг памятников советским воинам-освободителям уходят корнями в так называемую новейшую историю России. И поскольку России не удалось отстоять свою позицию в этом вопросе, они будут иметь и более отдалённые последствия. Проблема возникла на волне политической истерии конца 80-х годов. Именно тогда, и вовсе не из Прибалтики, Грузии и Украины, а из Москвы по-

шла волна истерических криков о «секретных протоколах» к пакту Молотова-Риббентропа, об СССР как оккупанте Прибалтики и Восточной Европы, о необходимости «покаяния». Тогдашняя союзная власть практически поощряла эту истерию, а люди, ставшие позже «новой российской властью», инициировали и раскручивали эту истерику. Было создано новое пропагандистское направление — «десоветизация», которое возглавили профессора Афанасьев, Пивоваров и Зубов.

Именно в Москве, а не в Прибалтике или на Украине в 1990 году начали устранять наименования, напоминавшие о советском периоде, а в 1991-м — сносить памятники советской эпохи. Истоки нынешней фашистской власти на Украине и в Прибалтике — в той самой «демократической России». И не только в её «демократической», но и в её «патриотической» составляющей.

В 1990-е годы этот разрыв демонстрировался властью явно, открыто и ежечасно. Но власть была достаточно слаба и не могла в полной мере навязать свою волю обществу. Слабея с каждым годом, она уступала в этом вопросе. Если в 1992 году власть ещё пыталась просто игнорировать День Победы, то в 1996-м она вынуждена была, заигрывая с головами ветеранов, признать статус Знамени Победы, приравняв его к государственному знамени. Тогда, во второй половине 1990-х, ей было уже не до культурной экспансии своих ценностей — приходилось ногтями цепляться за своё положение, каждый мо-

мент рискуя рухнуть. И шаг за шагом униженное Горбачёвым советское социокультурное начало поднималось и всё твёрже ощущало себя в противостоянии деградирующей действительности.

Поэтому новая власть, укрепляясь в 2000-е годы, вынуждена была предложить в принятии государственных символов абсурдный компромисс герба, гимна и знамени. При всей нелепости этого сочетания оно как минимум претендовало на то, чтобы обозначить равноправие разных периодов отечественной истории. Однако уже в то время можно было предположить, что условия компромисса не будут сохранены в неприкосновенности. Сделав государственным флагом знамя белогвардейцев, а знаменем Вооружённых Сил — знамя разгромившей их Советской Власти, нынешняя власть заложила в своей политике и своих ценностях основы будущего противостояния, на деле склоняясь не к объединению периодов, а к постепенному возвышению деятелей белой контрреволюции.

Сначала власть раскрасила Красное Знамя Вооружённых Сил древнерусскими лубочными узорами и четырёхглавым орлом с восемью карикатурными звёздами, затем стала перевозить в Россию останки деятелей контрреволюции и представителей монархии. Если речь шла о своеобразном «примирении», надо было бы ещё вернуть в Россию прах Льва Троцкого и похоронить его рядом со Сталиным. Без этого крен в сторону монархизма и контрреволюции становился слишком явным.

Но если Россия показывала пример в уничтожении памяти о советском периоде, с какой стати она рассчитывала, что возымеют действие её протесты против такого же надругательства над памятью советского периода со стороны эстонских фашистов? Если в Москве у метро «Сокол» стоит памятный знак русским эсэсовцам, оберегаемый московской милицией, — почему Россия возмущается маршами в Эстонии эстонских эсэсовцев? И если Россия, на словах шумно протестуя против прибалтийского варварства, на деле даже пальцем не пошевелила, чтобы защитить память советских солдат, разве это не обречено было быть сигналом польским и западноукраинским фашистам сносить всё, что напоминает о советском периоде?

Взаимоотношения белых и красных в истории России XX века — тема отдельная и большая. Если православные патриоты одобряют и призывают к замене советских памятников на православно-церковные, то, во-первых, о каком союзе красных и белых может идти речь? И, во-вторых, если Россия подвергает анафеме Красное — почему она ждёт, что это Красное будут пестовать её соседи?

Кстати, официально война 1941-1945 годов называется Великой Отечественной войной советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Современная Эстония свой советский период рассматривает как период её оккупации и наследником СССР себя ни в коем случае не считает. Те, кто не принимал в Эстонии советскую власть, шли в СС. Именно

их наследниками считают себя правители нынешней Эстонии. Так почему они должны хранить память о Советских победах?

Собственно, в 1940-е годы в Эстонии шла гражданская война между «красными» эстонцами и «белыми». Первые были в советской армии, вторые были в СС. С этой точки зрения те эстонцы, которые служили в СС и воевали с Советской армией, по большому счёту ничем не отличаются от тех русских, которые в Гражданскую воевали в Белой Армии против Красной. «Бронзовый солдат» ваялся, как известно, с эстонца — воина Советской армии. Отсюда для белых (они же — коричневые) эстонцев он никакой не «Воин-Освободитель», а «Красный».

Точно также для «белой», т. е. несоциалистической Польши, памятники советским воинам, как и памятники польским коммунистам, — это памятники «красным», а для львовских «западенцев», составлявших сначала основу петлюровских бандитов, а позже шедших в УНА-УНСО, это тем более никакие не памятники освободителям, а памятники красным.

В чём можно их упрекать? В том, что они сами не красные? Так и в России власть не красная. Не России, а им приходится удивляться: вроде бы, в России красных прогнали, Советскую власть свергли, да и их на то подтолкнули, а теперь обижаются, что соседи ликвидируют память о них. Сами памятники всяким Красным Конникам переносят, города красных имён лишают, белых генералов чествуют, а им, невинно пострадавшим малым народам, не позволяют.

И в результате стоит Россия в нелепом положении — действительно, почему, если люди воевали против красных в России, то уже почти герои, а если в Прибалтике или на Западенщине, то, понимаешь ли, их и не вспомни. А кто собственно победил 9 мая? Вообще-то советский народ. А кого? Немецко-фашистских захватчиков. А какая страна победила? Советский Союз. Чью победу 9 мая празднуют в России под трёхцветными власовскими флагами? Советской Армии и Советского народа или РОА?

Прав был Виталий Третьяков, когда писал, что демонтаж Бронзового Солдата в Таллине стал возможен тогда, когда его сдали в Москве.

России и российской власти рано или поздно придётся определяться со своим отношением к советскому периоду. Нельзя чествовать память белых генералов у себя и требовать, чтобы соседи не чествовали своих белых (коричневых). Нельзя сносить советские памятники, упразднять советские названия в стране — и надеяться, что протесты против таких же действий за её пределами будут воспринимать всерьёз. Нельзя унижать советский период в России — и ждать, что его, а также Россию этого периода будут уважать в остальном мире.

Иллюзия «национальных интересов»

При всей расхожести термина «национальный интерес» он, как и другие широко употребляемые термины, обнаруживает смысловую неопределённость.

Возможно, именно это и делает его столь удобным, ибо помогает уходить от чётких определений того, что именно имеется в виду. Неопределённость его как минимум двояка. С одной стороны, чей именно это интерес? А с другой, по поводу чего интерес? Это интерес, объединяющий уже сложившуюся широкую общность, нацию, как бы мы её ни определяли? Или это интерес по поводу национального становления, возникновения нации, то есть ещё не существующей общности?

Как только мы ставим эти вопросы, мы волеё-неволеё вынуждены обращаться к тем или иным примерам использования термина. И тогда вдруг оказывается, что речь идёт не столько о некоем объединяющем интересе, сколько об интересе разъединяющем. Одинаково ли употребление этого понятия в риторике Великой Французской революции и в риторике лидеров Соединённых Штатов нашего столетия? Общность в употреблении есть. Но она заключается именно в разъединении, в противопоставлении «национального интереса» каким-то другим интересам.

В первом случае подразумевается, что в число субъектов этого интереса не включаются известные реакционные сословия: «нация» противостоит более узким группам. Возглас «Да здравствует нация!» означал не отрицание «Долой иные нации». Он означал «Долой аристократов!» с известным продолжением «*Ca ira! Les aristocrates a la lanterne...*» Во втором случае он означал декларацию «Здесь инте-

ресы НАШЕЙ нации, НАШЕЙ страны!» и подразумевал продолжение — «... и вам здесь делать нечего!» При всех различиях в ответе на вопрос, о чьих интересах шла речь, понятие «национальный интерес» означало отрицание некоего иного интереса. То же самое характерно и для сопоставимых понятий «интересы государства» — «общественные интересы». «Интересы государства» предполагают такое же разделение по двум признакам: «Интересы нашего, а не вашего государства», «интересы государства, а не гражданского общества, отдельных граждан, отдельного региона и т.д.», «общественные интересы, а не частные и не личные». Разница между терминами заключается не в том, интерес какого именно субъекта утверждается, а в том, интерес какого субъекта отрицается, т.е. все эти термины — потенциально парные, и лишь свойственная политическому языку двусмысленность требует умалчивать о второй половине фразы, которая читается партиципантом и упускается из вида массовой, создавая иллюзию единства для тех, кого в данный момент политическому субъекту необходимо мобилизовать в противопоставление противнику. Но как только головы французских аристократов слетели с плеч, потребовалось противопоставить эту нацию другим, ещё не оформившимся нациям, чтобы восстановить единство.

Поэтому мы вновь возвращаемся к прежним вопросам: кто выступает национальным субъектом и что собственно мы считаем нацией? Это общность

этнoса, крови и культуры или это общность образа жизни, вытекающего из экономического интереса? Собственно мы должны выбрать, принимаем ли мы германскую концепцию нации: немцы — это те, в чьих жилах течёт германская кровь, — или же франко-американскую: французы — это те, кто живёт во Франции, а американцы — те, кто живёт в Америке. Последнее, кстати, в основном совпадает с известным сталинским определением: нация как общность историко-культурная, территориальная, государственно-политическая, экономическая. Последнее определение можно рассматривать и как единство социально-экономического, культурного и геополитического факторов, вынося за скобки конфессиональный, рассматривая его лишь как элемент культурного.

Отсюда источник межнациональных и межгосударственных коллизий в международной политике — в конечном счёте, борьба за ресурсы. Что, впрочем, не исключает коллизий, связанных с защитой целостности смысловых полей в тех случаях, когда они исторически обладают особым значением для наций и государств, т.е. когда мы имеем дело с историческими общностями, удерживаемыми этими полями. С последним мы в большинстве случаев встречаемся, когда речь идёт о полиэтнических нациях.

Поэтому в большинстве случаев термин «национальный интерес» помогает оформить или затушевать иные, более определённые интересы: борьбу третьего

сословия против первых двух, экспансию германского капитала в первой половине двадцатого столетия или просто господство имущих классов.

Конечно же, современное обращение к идее «национального интереса» глубоко рационально. Вопрос в том, для кого оно рационально. Те или иные субъекты, выдвигая этот лозунг, безусловно, преследуют реальные, а не мифическо-этнические интересы. Вопрос в том, чьи интересы отстаиваются, а чьи — отвергаются. При этом некие интересы могут быть противоположны интересам того государства, которое они разрушают, но для тех групп, которые его разрушают, это «правильное» понимание своих интересов. Российская элитарная интеллигенция 1990-1991 годов абсолютно правильно понимала, что надо делать выбор — мобилизационный рывок страны в постиндустриальное общество XXI века, за который надо было заплатить известным отказом от комфортных условий и своего исключительного положения, — или разрушение государства и сохранение своей исключительности. С точки зрения собственных интересов группа статусной интеллигенции сделала правильный выбор, заплатив государством за свою элитарность и бесконтрольность. Другой вопрос, что ради этого она предала свой класс — интеллигенцию в целом, которая стала главной жертвой известных политических и экономических авантюр, о чём в сборнике «Перелом» подробно говорил Александр Щипков в статье «Смерть интеллигенции».

И применительно к современной российской ситуации понятие национального интереса действительно имеет смысл, близкий тому, который существовал в период борьбы третьего сословия с аристократией. Действительно, должны ли мы придерживаться известного мифологем, согласно которым в СССР было 15 наций, оформленных в союзные республики, в этом случае действительно имеющих право на самоопределение вплоть до отделения? А также было известное количество народностей, оформленных в автономные республики, автономные области, национальные округа и т.п., не имеющие этого права на отделение. Должны ли мы считать, что в Татарстане проживали татары, в Казахстане — казахи, а русские были сосредоточены в России? Что каждая союзная республика представляла единство людей, объединяемых исторической территорией, языком, культурой и особой экономикой?

Или правильнее считать, что за период существования союзного государства сложилась идентификация подавляющего большинства живущих в нём именно с единой территорией, единой историей, общим языком межнационального общения, единым государственным субъектом и единой экономикой? А если это так, может быть, пора задаться вопросом, не возникла ли в стране новая нация? Условно говоря, «советская нация» — не в смысле «нации сторонников советской власти», а в смысле единой нации, образующей народ страны под названием Советский Союз? Разумеется,

признание этого факта не отрицает и того, что часть исторических этносов не полностью интегрировалась в эту нацию, сама она тоже, безусловно, была полиэтнической. Но ведь и «россияне» — полиэтническая нация (или пока протонация), равно как и американцы.

Если так, разве не имела и не имеет ли советская нация также право на самоопределение — право иметь собственное государство в границах своего исторического проживания, в границах СССР, разумеется, предоставив при этом не ассимилировавшимся этносам нормальную культурно-национальную автономию? Подчёркиваю, речь идёт не об отрицании права наций на самоопределение, а о его признании и утверждении, но применительно к реальной нации, а не к мифическим. И не стоит ли перед нами проблема осознания интересов советского национального единства? Имея в виду их противопоставление, с одной стороны, современным «первым сословиям», с другой — этнократическим режимам, а с третьей — национальным интересам государств, заинтересованных в том, чтобы единого государства на территории СССР не существовало и в мире не появилась бы технотронная сверхдержава.

В данном случае этот вопрос ставится не в политико-идеологическом, а именно в научно-теоретическом плане. Ведь именно старые мифологемы о 15 нациях дали видимость легитимности разделу Союза региональными элитами. Раздел вы-

рос не столько из отрицания старых мифов, сколько из следования им. Но если их действительно отрицать, оказывается, что обоснования разделу страны не существует.

И здесь мы должны решить для себя, пусть даже не вдаваясь в спор по данной гипотезе, а можем ли мы говорить о более или менее единой отечественной нации? Являются ли одной нацией те, кто идентифицирует себя с территорией СССР, и те, кто идентифицирует себя с территорией России? Являются ли одной нацией те, кто считает февраль 1917-го крушением, и те, кто считает таковым октябрь, и те, кто считает последний началом новой мировой эры? Те, для кого трёхцветный флаг — символ демократии, а красный — символ тоталитаризма, и те, для кого красный — символ свободы и мечты, а трёхцветный — флаг армии Власова, то есть символ предательства и фашизма? Те, кто считает себя гражданами СССР, и те, кто считает себя гражданами России? Те, для кого рынок — условие цивилизованной экономики, и те, для кого он варварство? Те, кто выиграл от политики последних лет, и те, кто проиграл?

В Соединённых Штатах демократ уважает президента-республиканца, ведь последний, став президентом, становится символом нации, а не партии. Президент-коммунист и президент-демократ в России никогда не окажутся равно почитаемыми: они тоже не символы партий, каждый из них символ своей нации, своего государства. На

этом фоне призывы к национальному примирению понятны, но они базируются на ложной посылке о том, что мы имеем дело с расколом нации — на самом деле мы имеем дело с разными нациями, разными странами, существующими одна под властью другой на частично совпадающей территории. Можно, исходя из самых благих пожеланий, звать к их примирению, можно в течение какого-то времени удерживать их от прямой силовой конфронтации. Но нельзя их примирить. У них разные национальные интересы: кровь и ненависть разделяет их, каким бы парламентским регламентом они ни прикрывались.

На этом относительно частном, хотя и глобальном для современников примере мы можем видеть, что различие «законных национальных интересов» и «незаконных национальных притязаний» более чем условно. Мы о каком законе говорим? Если о законе юридическом, законе как составной части права, то законным является то, что провозглашается государством. Тогда любая аннексия законна, если есть более или менее квалифицированные юристы, не говоря о ситуациях, подобных юридически абсолютно законному «воссоединению Ирака и Кувейта» или абсолютно незаконным Беловежским соглашениям. Кто в 1991 году представлял закон в Литовской ССР — Бичкаускас или Ландсбергис? Почему считается, что нацию представлял второй, а не первый? Или мы говорим о законе, имея в виду нормы международного права? Но что стало с Потсдамскими и Ялтинскими согла-

шениями? Соответствует ли нормам международного права агрессия западных стран в Югославии, Ираке, Ливии, на Украине?

Национальные интересы ограничивают не законы и не нравственные императивы. Их ограничивают балансы силы. Другое дело, что сила не сводится к количеству танков, ракет и спецназовцев, но это уже вопрос о том, что есть сила. И сила, конечно, состоит и из экономики, и из владения политическими технологиями, и из нравственного состояния наций. С учётом этих факторов «национальные интересы» тех или иных субъектов ограничивает потенциал тех элитных групп и экономических кланов, которые используют данное понятие в тех или иных целях.

Тупики патриотизма

Все 1990-е годы оппозиция, принявшая на себя обязанность предложить альтернативу катастрофической политике того времени, билась над тем, чтобы в национальную повестку дня был поставлен вопрос о патриотизме. Главным обвинением, выдвигаемым ею против власти, была непатриотичность последней, а главным требованием — требование «патриотической политики».

Тогда, двадцать лет назад, сама обстановка государственной катастрофы, разрушения государственных структур и раздела СССР, национального унижения страны формировали на эмоциональном

уровне общественный запрос на реабилитацию патриотизма. И оппозиция победила. Она заставила власть говорить на патриотическом языке, заставила декларировать патриотизм и даже признать необходимость воспитания патриотического сознания. В общем-то, это хорошо. Однако в значительной степени — бессмысленно. Оказалось, что проводить родственнейший политический курс можно как под рыночную риторику, так и под риторику патриотизма. Только во втором случае политический дизайн и нормы правления становятся примитивнее, отношение к той же оппозиции жёстче, а используемые приёмы — авторитарнее.

Вообще-то, патриотизм — это хорошо. Это замечательно. Более того, это нормально, как и любовь к матери. Потому что быть патриотом — значит одно: любить свою страну. Но только оказалось, что это ровным счётом ничего не значит. Потому что любовь, то есть искреннее и глубокое желание добра кому-то или чему-то, вовсе не означает, что любящий знает, в чём это добро заключается. Один, в силу своей любви, скажет, что благо страны — идти на Запад, другой — что оно в жёстком изоляционизме. Один скажет, что добро в демократии, другой — что оно в порядке. Один скажет, что благо России — возродить социализм. Другой — что оно в утверждении рыночной экономики. И все они могут быть субъективно честны, даже в том случае, когда объективно будут нести стране страдания.

Проблема в том, что патриотизм, по сути, не является идеологией. Последняя по определению должна выполнять функции познания, ориентации и оправдания действия. Она рисует лучший образ мира, при этом она всегда рисует его в интересах тех или иных социально-классовых групп. Таким образом, она признаёт мир несовершенным и принимает вызов, согласившись на построение нового мира. Единственная идеология, минимально ориентированная на социальное преобразование, — консерватизм. Однако даже в своём раннем, бьёрковском варианте, он не отрицает развитие, а предлагает его минимизацию.

Патриотизм лишён функций идеологии, поскольку базируется не на рациональном, а на эмоциональном начале. Он является чувством любви к своей стране, чувством, вполне исторически обоснованным и устойчивым. Однако он не даёт ответа на вопрос, что именно подлежит любви и защите. Любовь к стране, понятная как чувство, сама по себе не выполняет познавательную функцию, она может её лишь стимулировать.

Страна, её культура, традиции и обычаи — в этом чувстве всё это предстаёт как единое и самодостаточное начало. В этом смысле патриотизм предполагает защиту того, что есть, и оказывается отчасти родственным консерватизму. Но если консерватизм предлагает свой ответ на вопрос «что именно надо улучшить?», пусть и проявляя в этом осторожность, и защищает в основных чертах статус-кво,

он отражает интересы групп и слоёв, которые этот статус-кво устраивает. То есть применяет всю ту же логику разделения, выделяя того, чьи интересы как бы «совпадают» с общими, и того, чьи интересы предстают частными. Патриотизм же предполагает, что любят не за что-то, а по факту существования, что страну надо любить по факту того, что это твоя страна, государство — потому, что это твоё государство. Однако образы страны, взятые из разных эпох, различны. Патриотизм встаёт перед выбором: либо любить всё, что объединяет эти образы, либо выбрать, какой образ признаётся достойным любви, а какой — нет.

Выдвинув доктрину патриотизма, не наполненного классовым, проектным содержанием, коммунисты в 1990-е годы защитили и реабилитировали это чувство. Но чувство слепо по определению, и они замостили, подготовили почву для того, что можно определить как «беспроектный патриотизм» последнего пятнадцатилетия — подготовили общество к принятию идеи укрепления государства, но забыли объяснить, чьё это должно быть государство, и сами направили избирателей под знамена «Единой России».

В первом случае патриотизм утрачивает целеполагающее начало, не может выполнять функцию ориентации. Если в стране борются разные силы, воодушевляющие себя разными идеологическими образами, патриотизм оказывается вне этой борьбы. Если политический субъект признаёт, что ему

всё равно, идёт ли речь о России Самодержавной или России Советской, он не может участвовать в борьбе их сторонников. В этом случае любовь к стране оборачивается безразличием к её конкретной судьбе. И это лишь осложняет выбор людей, которые, в конечном счёте, ведут борьбу именно за свою страну, за то её будущее, которое они считают лучшим исходя из своих идеологических предпочтений. Если патриотизм ориентирует субъект на защиту такой ценности, как сильная страна, он либо не может сказать, в чём видит её силу, либо должен уйти от ответа на вопрос, кто будет хозяином в этой сильной стране. Принятие такой ценности, как сильное государство, само по себе тоже не отвечает на вопрос, каким оно будет и инструментом в чьих руках станет.

Что делать патриоту, наблюдая схватку противоборствующих сторон в своей стране?

Патриотизм должен сказать, любовью к какому образу своей Родины он является. Он должен признать верховенство одной из идеологий не только над противостоящей ей, но и над собой. Патриотизм не может быть любовью к стране вообще, он может быть любовью лишь к некому образу страны, то есть обретает смысл только в рамках некой идеологии.

Отсюда следует вывод, что патриотизм в принципе не может выполнять роль идеологии. В той степени, в какой патриотизм принимает сторону какой-либо силы, он обрекает её на интеллектуаль-

ное бессилие, поскольку способен предложить обществу лишь те образы, с которыми окажутся согласны все, и не способен объяснить, что эта сила предлагает особенного, отличного от других, а потому не сможет получить социальной поддержки. Когда такой силе удаётся увлечь за собой общество пафосом абстрактного патриотизма, любая другая, оппозиционная политическая сила, представив тот же патриотизм более выпукло, легко перехватит народные симпатии. Так произошло в 1996 году в ситуации с А. Лебедем, так произошло в 1999 году в ситуации с движением «Единство».

Противопоставление либерализма патриотизму — достаточно типичное проявление плоской ментальности определённой части недорефлексирующей интеллигенции. В прошлом революционеры критиковали либерализм за непоследовательность в борьбе с авторитаризмом, за мягкотелость в отстаивании интересов демократии. Это было понятно. Понятно, когда коммунисты критиковали буржуазную политику с позиций социалистических. Но что значит критиковать либеральное правительство с патриотических позиций? Что значит вообще критиковать идеологию с позиций чувства? Тезис, что либеральная идеология не выражает интересов пролетариата, — понятен. Но что означает утверждение, что либерализм не выражает интересов России? Идеологии вообще не выражают интересов стран, они выражают интересы классов. Говорить, что либерализм не выражает интересы

России — значит говорить, что он в принципе не для России, что общен исторические закономерности здесь не действуют и классовой борьбы быть не может, а тогда по той же причине — и коммунизм не для России.

Однако в этом случае следует признать, что патриотизм в результате помещения своего идеала в прошлое начинает выступать в принципе противником исторического прогресса. Переориентация на защиту традиции, сильного государства, нерасчленённого общества, союз с церковью, национализм и антисемитизм вынуждают фиксировать такую тенденцию. Отказываясь от прогрессистской роли, современный патриотизм лишается креативно-созидательных ресурсов как источников новых сил, средств, запасов творческой энергии личности (социальных, познавательных, деятельностных).

Важно и другое. Формулируя докапиталистический идеал, входя на почве борьбы с буржуазным прогрессом в союз с силами, ставящими традицию выше него, патриотизм демонстрирует принципиальное неприятие идеи прогресса как такового, отказывается от претензии на роль носителя варианта прогресса, альтернативного буржуазному. Он оставляет за либерализмом роль единственной прогрессистской идеологии, а за капитализмом — единственного варианта прогресса.

Патриотизм как чувство любви к своей Родине — замечательная вещь. Но там, где он претендует на роль целеполагания, он становится непроходимой ловушкой, капканом политики. Он ведёт

в тупик политическое действие, лишая его реально осмысленного содержания, как любое чувство, пытающееся подменить собой разум. Патриотизм не умеет определять, в чём реальное благо того, кого решили облагодетельствовать своей любовью. Патриотизм не видит реальной борьбы противоположных сил, не видит, какая сторона несёт реальное благо, а какая ему объективно противодействует. Патриотизм абсолютизирует объект своей любви и не видит его противоречивости, не видит, где его прошлое и где будущее.

В результате, купаясь в себе, в своих образах, которые в первую очередь всегда есть образы прошлого — просто потому, что оно уже успело их сформировать, — он оказывается противником любого нового будущего, любого развития того, что он надеется облагодетельствовать. И в результате в своём чистом, неотрефлексированном виде патриотизм не способен ни познавать реальность, ни предлагать цели реального действия.

Сталкиваясь с неустраивающими его вариантами прогресса патриотизм, вместо того чтобы предложить альтернативные им варианты, отказывается от прогресса как такового, выступая на стороне всего отжившего и заскорузлого в собственной истории, перечёркивает и отрицает её действительные достижения.

Образы страны разных эпох — это разные образы. Патриотизм встаёт перед выбором: либо любить всё, что объединяет эти образы, либо выбрать,

какой образ признаётся достойным любви, а какой нет. Речь идёт о том, что сам по себе патриотизм для политики недостаточен. Нет такой идеологии «патриотизм», как нет идеологии «любовь к Родине». В мире есть четыре основные идеологии: либерализм, консерватизм, коммунизм (социализм) и национализм. И говоря о своей приверженности патриотизму, о своей любви к Родине, человек открыто и сознательно либо неявно и неосознанно должен нарисовать тот образ Блага для своей страны, который он избирает.

Другой вопрос, что в большинстве случаев, избирая такие идеологии, как коммунизм или либерализм, актор, за определённым исключением, говорит об этом прямо. Выбирая консерватизм или национализм в большинстве случаев, в силу некоей стеснительности он предпочтёт скрыть свой идеологический выбор и назвать себя «патриотом», — но мало ли кто как себя называет, важно, какие ценности и модели он отстаивает.

В известном смысле «патриот» — это имя-маскировка. В начале 1990-х годов многие лидеры и активисты коммунистического движения, стесняясь сказать «Мы — коммунисты» и полагая, что это имя утратило популярность, лукаво говорили «Мы — патриоты». Правда, надо признать, что, втайне считая себя коммунистами, они таковыми на деле никогда и не были.

Недавно, когда стало непопулярным называться либералом, многие из последних, включая Чубай-

са, тоже начали называть себя патриотами. Неловко называть себя националистом — и человек тоже стыдливо говорит: «я — патриот». Да, в большинстве случаев, человек, называющий себя патриотом, скажет, что он — сторонник сильного государства, суверенитета страны, сохранения и укрепления исторических традиций. Но, сказав это, в большинстве случаев он оставит в стороне все конкретные моменты, а именно ответ на вопросы: сильное государство — это государство, которым кто управляет? кто распоряжается этой силой? оно сильно в чём — в подавлении подданных или в защите своих граждан? оно подконтрольно обществу, или общество подконтрольно ему? чьё это государство: богатых, бедных, всех вместе (чего на деле не бывает, но патриотами пропагандируется), самих государственных чиновников?

Суверенитет страны — это замечательно. Но что это значит? Что данная страна независима в международных отношениях и сама определяет свою внутреннюю и внешнюю политику. Но она их определяет в чьих интересах?

Сохранение и развитие исторических традиций — тоже замечательно. Но традиции бывают разные. Была на Руси такая традиция — крепостное право. Патриот должен её сохранять и приумножать? Была ещё традиция битья кнутом и вырывания ноздрей. Так кого надо считать патриотом: того, кто сохраняет такие традиции, или того, кто хочет от них отказаться? Испытываю некую нелов-

кость за обращение к хрестоматийным примерам, но была традиция самодержавного правления и была традиция восстаний и народных войн против самодержавия. Какой должен следовать патриот? Был Аракчеев и были декабристы, были черносотенцы и были революционеры... Были традиции русского западничества и славянофильства, была традиция либерализма и традиция народничества — список бесконечен.

Разумеется, человек, объявляющий себя «чистым патриотом», скорее всего, скажет, что он сторонник всех лучших традиций, всего истинно народного и противник всего худшего. Но тут же встанет вопрос о том, что есть лучшее, а что — худшее. Ципко тоже объявит, что он за все хорошее и против всего плохого, но вряд ли они с Прохановым сойдутся в трактовке этого хорошего.

В результате получается, что всё, что может в своём самоопределении сказать «чистый патриот», оказывается определением через неопределённость и вызывает больше вопросов, чем даёт ответов. Каждый имеет полное право на свою позицию. Но тогда он должен признать, что право на свою позицию имеет и тот, кто скажет, что настоящий патриот — это тот, кто выступает за следование традиции революционного движения в России, традиции декабристов, народовольцев и большевиков, кто выступает за свободную страну и народную власть, т. е. демократию, тот, кто чтит память жертв борьбы с царизмом и крепостничеством, кто поклоняется

героям Красной гвардии и Гражданской войны, своей грудью заслонивших дорогу белым полкам на Москву, Петроград и топивших белых в Чёрном море.

А ещё есть те, кто скажет о своём поклонении эсерам, взрывавшим и одних и других, Махно, воевавшему с обоими и т.д. Тогда либо надо признать, что все они патриоты и что заявлять о своём патриотизме — значит лишь затуманивать свою позицию. Либо заявить, что один патриотизм — истинный, а другой — ложный. И то, и то есть бессмысленный тупик. Поэтому я и говорю: давайте перестанем путать себя и общество, давайте не кричать наперебой «Я — патриот!», а давайте честно говорить: «Я консерватор и клерикал, я — либерал, я — коммунист-ленинец», «я — за частную собственность и власть богатых над бедными, я — за общественную собственность и власть трудящихся. я — за крепостное право, православие, самодержавие и народность» — ну, и так далее.

Когда мы говорим о сохранении русской идентичности, мы что имеем в виду? Жизнь по обычаям и традициям русского народа? Мы уже видели, что они могут быть противоположными. Был обычай смирения. Был обычай бунта. Может быть, это служение интересам народа? Тогда какой части? Имущей или неимущей? Владеющей собственностью или нанимающейся к собственнику? Или это значит служить гармоничному соединению этих интересов? Пока что разговоры о патриархальном почвенниче-

ском единстве одних с другими всегда заканчивались гражданскими войнами, восстаниями или их кровавыми подавлениями. В нашей конкретной современной истории правление всенародного президента Ельцина началось с того, что одна часть народа при помощи государства ограбила другую.

Можно говорить о сохранении русских побед и гордости за них. Тоже замечательно. Были, были великие и славные победы, которые не только возвеличивали страну, но спасали и её, и её соседей от страшных угроз, в том числе «цивилизационных». Но как мы отнесём к числу тех побед, которыми пристало гордиться, подавление крестьянских восстаний, расправу со сторонниками Булавина, Разина и Пугачёва, с декабристами, подавление революций в Италии, Венгрии, восстановление монархии Бурбонов во Франции, расправу с постоянно восстававшими поляками?

Носителей собственно «дореволюционной» идентификации в стране очень мало. Регулярно проводимые социологами опросы дают следующую картину. Примерно треть населения (34%) на вопрос об их поведении, случись Октябрьская Революция сегодня, отвечают, что в том или ином виде поддержали бы большевиков. Лишь 7% заявляет, что выступили бы против них. Остальные либо предпочли бы переждать, либо не могут определить своего отношения, часть уехала бы за границу.

Мы видим, что сознательных антибольшевиков, союзников бывшего консультанта отдела социалисти-

ческих стран ЦК КПСС Александра Ципко — ничтожно мало.

Как показывают опросы, из доверяющих сегодня президенту Путину примерно 60% положительно оценивают роль Ленина в истории. Та же цифра относится и ко всему населению.

Ни национал-консерваторы, ни власть не могут предложить план строительства. Не могут предложить образ страны новой, постиндустриальной эпохи, Проект XXI века. Не могут, потому что их надежды и мечты — в образах прошлого. Прошлого, созерцание которого может давать благодать, но не несёт в себе силы созидания.

Патриотизм прошлого и патриотизм будущего

Государственно-политическая реабилитация патриотизма началась с артикуляции его в предвыборной статье Путина в избирательной кампании 2000 года в качестве одного из стержневых компонентов провозглашаемой политики. Сегодня воспитание патриотизма провозглашается задачей официальной государственной политики, создаются адресные программы и специальные государственные структуры.

При этом можно выделить разные формы понимания патриотизма. Патриотизм как национализм — неприятие и высокомерие ко всему «инородному». Патриотизм как шовинизм и ощущение априорного превосходства над остальными странами. Патриот-

тизм как верноподданничество и готовность всегда служить власти, признавая её изначальным и высшим сувереном.

При этом по сути патриотизм всё же нечто другое: гражданственность и ответственность. Как звучало у Аркадия Островского: «Либо ты паразит жизни своей. Либо патриот Отечества своего».

Точно также могут быть патриотизм красный и патриотизм белый — потому что тогда, 95 лет назад, в общем-то, и красные, и белые сражались за то, что считали благом для своей страны: одни — за Святую Русь, православие и русского царя, другие — за советскую власть и свободу людей труда. Одни — за Великое Прошлое, другие — за Великое Будущее. И это расхождение не случайно. Не только с точки зрения представления интересов разных классов и выражения разных идеологий, но и с точки зрения того, что патриотизм действительно может быть Патриотизмом Прошлого (что не обязательно означает — ушедшего) и Патриотизмом Будущего. Один будет объединять тех, кто гордится прошлым, другой — тех, кто претендует на создание будущего.

Попытка создавать будущее без уважения к прошлому и опоры на него всегда окажется лишь разрушением, особенно если при этом не имеешь видения будущего, как это было с «реформаторами» начала 1990-х. Попытка законсервировать прошлое и жить в самогипнозе прошлого величия ведёт к отторжению от жизни и политическому и историче-

скому поражению, как это было с теми же «белыми» сто лет назад.

И если ставится политическая задача воспитания патриотизма, тем более понимаемого как гражданская ответственность за судьбу Родины, то Путин абсолютно прав, артикулируя именно такое понимание — его не может быть без гордости за прошлое. Но этой гордости мало. 80% граждан гордится сегодня историей страны, то есть её прошлым. И 52% стыдится сегодняшнего. Правда, 10 лет назад 80% стыдились сегодняшнего — и 72 % гордились прошлым.

В 2010 году 48% говорили, что видят патриотизм в почитании традиций, 19% — в праздновании исторических дат и юбилеев, 9% — в членстве в патриотических организациях, 14% — в голосовании на выборах за патриотические партии, 13% — в разговорах на патриотические темы, и только 26% — в работе с полной отдачей. Правда, 46% при этом видят патриотизм в укреплении семьи и воспитании детей, что, впрочем, не противоречит всему остальному. В полной мере деятельным здесь является понимание лишь 26-ти процентов — полноценная работа. Правда, в формулировке ответа не говорилось, во имя чего. Поскольку полноценно можно работать и просто на себя. Но этот ответ всё же предполагал некое созидательное действие на благо страны.

Ответов о служении стране и будущем не было. Но не было и таких формулировок вопросов, которые бы предполагали такие ответы. Тогда это означает,

что такого понимания не было и у составителей опросника. Тем не менее озвученная артикуляция, трактуемая патриотизм как ответственность за судьбу страны и судьбы будущих поколений, говорит о том, что подспудно ощущение этого значения всё же присутствует.

Чтобы решать задачу воспитания патриотизма, нужно всё-таки знать, что воспитывается: уважение к прошлому, готовность к действию, ориентация на будущее. По идее важно сочетание всех этих моментов. Но каждый из них сам требует решения комплекса задач. При формировании уважения к прошлому, с одной стороны, человек должен получить широкое классическое образование (в первую очередь — знать историю) и быть погружённым в культурное наследие страны.

Он должен знать историю — но и знать её соотношение с мировой историей, чтобы иметь возможность оценить и её роль и значимость, и её влияние на мировую историю, и степень интегрированности в последнюю, влияние мировой истории на историю его страны.

Во-вторых, он должен чувствовать, что это история не страны, где он *проживает*, которую надо знать из любопытства или из вежливости, а история *его* страны, *его* история. Причём она должна иметь для него характер позитивной истории, то есть истории успехов, истории побед, достигнутых в противостоянии с врагами и трудностями, а не истории гладкого и беспроблемного пути. Он, с одной стороны,

должен иметь ощущение гордости, но одновременно и ощущение того, что победы и успехи требуют напряжения и за них нужно платить, — успехов без заплаченной за них цены не бывает.

На этом понимании, в частности, формируется и воспитание второго компонента патриотизма — готовности к действию. Сама по себе гордость за прошлое необходима, но не достаточна. Потому что сама по себе она превращается в созерцательность и самоудовлетворённость, тогда как, напротив, скорее должна приводить к некоторой неудовлетворённости, обеспечивая созидательное действие.

То есть в этом отношении воспитание патриотизма должно давать не только морально-психологическую готовность к действию, но и навык действия, умение воздействовать на окружающий мир и социально-активистский темперамент. Патриотизм является готовностью к действию при готовности к ответственности.

Действие должно иметь цели — и в этом отношении патриотизм есть обладание целями. То есть патриотизм как целеполагание предполагает создание более совершенной страны, но при сохранении сущности того, чем она является, — сохранении её самоидентификации.

И здесь как раз возникает необходимость воспитания третьего компонента патриотизма — стремления к будущему. Но для этого требуется наличие образа этого будущего. Это качество можно воспитывать, но при одном условии. Те, кто будет его воспитывать,

должны сами его иметь. Иначе воспитанники создадут свой образ будущего, в котором может не остаться места тем, кто их будет воспитывать.

С. Ф. Черняховский

Дехристианизация

Археология современной культуры

Если в археологии ценностных установок современной европейской культуры можно выделить какие-то отдельные, максимально объёмные исторические блоки, иначе называемые глобальными «парадигмами» (Т. Кун), или «метанарративами» (Ж.-Ф. Лиотар), то таковых будет только три — Античность, Христианство и Модерн, также образующие известный историософский триптих «Античность — Средневековье — Новое время».

Вряд ли имеет смысл подробно распространяться об отличиях этих трёх начал современной культуры, но стоит обратить внимание на то, что центральным, связующим компонентом здесь выступает именно Христианство, потому что именно в сравнении с ним мы определяем для себя как Античность, так и Модерн. Тем более что «проект Модерна» возник на отрицании средневековой «парадигмы».

В отличие от Христианства, и Античность, и Модерн — это понятия собирательные, они не имеют даже тех базовых текстов, подобно священному писанию или катехизису, которые бы выражали их мировоззрение. И дохристианская, и постхристианская Европы существуют как целые именно в своём сравнении с христианской Европой.

Следовательно, как бы далеко ни удалялась современная европейская культура от своих христианских корней, именно эти корни, как никакие иные, имеют для неё центральное, опорное, осевое значение.

Отсюда возникает неизбежный вопрос — каковы те основные *ценности* христианства, без которых европейская культура и цивилизация перестаёт быть самой собой, что в пределе означает вопрос «в чём сущность христианства?» Христианство само по себе представляет собой цельное, самодостаточное мировоззрение, основанное на текстах Священного Писания (Библии) и Священного Предания (отцов Церкви), и поэтому любая публицистическая реконструкция этого мировоззрения, игнорирующая весь объём этих текстов, заведомо рискует выдать за христианство не то, чем оно является само по себе, а свои собственные пожелания относительно этого мировоззрения, как это делают все, кто пытается свести христианство к сугубо культурным, политическим, нравственным или эстетическим вопросам.

Более того, само понятие «ценности» — не конкретно-богословское, а отвлечённо-философское, и поэтому имеет смысл провести именно философскую, а точнее, *аксиологическую экспликацию* христианского мировоззрения, позволяющую нам обозначить те общезначимые ценности, которые можно считать христианскими *par excellence*.

Аксиологическая экспликация христианства

Если христианство привнесло что-то новое в пространство античной философии, то этим новым, прежде всего, была идея человеческой *персоны* не как социальной условности, а как объективно данной реальности, соотнесённой с метафизическим понятием *ипостаси*. Так возникло уникальное представление о *человеческой личности* как о реально существующем, онтологическом факте и универсальной ценности.

В библейском контексте понятие личности отождествляется с образом Божиим, и поскольку Бог в христианстве — это Личность, то человек как существо, созданное по Его образу и подобию (Быт. 1:26,27), — тоже личность. Неотъемлемыми свойствами личности, отличающими её от всего безличного, являются её *разумность* (рефлексивность, интеллектуальность, сознательность и т. д.) и её *свобода*, причём оба свойства соприсутствуют в личности как два равных и взаимообусловленных начала и не выводятся из какой-либо эволюции её природы: как сознание не может возникнуть из бессознательного, а свобода из несвободы, так и личность не может появиться из безличного. И разумность, и свобода, и сама личность человека уже даны ему от зачатия как свидетельство образа Божия в нём, и они остаются с ним навечно — и после смерти, и после воскресения.

Античность не знала идеи личности, как она не знала того Бога, который является Личностью и о котором можно узнать только от него самого — через его Откровение о самом себе. Поэтому идея личности не возникла в результате развития греко-латинской философии, она была привнесена в эту философию Церковью, а затем влилась вместе с ней и во всю европейскую культуру.

При первом приближении можно было бы сказать, что и сознательность, и свобода, и творчество, и сама личность — это те самые ценности, которые отличают Христианство от античного имперсонализма, но все эти ценности в христианском мировоззрении существуют не сами по себе, а только как средство на пути спасения, богопознания и обожения. Иначе говоря, это не самоценности, не ценности-цели, а ценности-средства, служащие главной сверхценности всех ценностей — Личности Бога.

Вне специальной теоцентрической направленности эти ценности выхолащиваются и распадаются, превращаясь в набор отвлечённых категорий, и могут быть превратно интерпретированы для любого общества, лишённого религиозного фундамента. Именно такое выхолащивание христианских ценностей произошло в эпоху Модерна, идеология которого фактически возникла в результате встречи двух взаимообусловленных тенденций — возрождения античного мировоззрения, с одной стороны, и секуляризации христианского мировоззрения, с другой.

Сколько бы новоевропейские гуманисты ни восхищались «золотым веком» Античности и ни обыз-

вали средневековую эпоху «тёмными веками», их сознание уже находилось в зависимости от самого христианства, и даже в их мифе о Древней Элладе угадывались сугубо христианские черты. И сколь бы возмутительной ни была их «культурная революция» с христианской точки зрения, невозможно не признать, что она во многом стала следствием кризисных процессов в самом Средневековье, в первую очередь связанных с очевидным противоречием между христианским идеалом общественных отношений и их повседневной реализацией. Об этом противоречии впервые в русской философии говорил В. С. Соловьев в своём докладе «Об упадке средневекового миросозерцания» (1891), называя средневековое миросозерцание компромиссом между христианством и язычеством и утверждая, что причины этого упадка «заключаются не в христианстве, а в его извращении, и что этот упадок для истинного христианства несколько не страшен».

Центральным противоречием Средневековья было использование христианской мотивации и христианских аргументов для достижения сугубо приземлённых задач, удовлетворяющих гордыню и своекорыстие каких-либо политических сил — как в государстве, так и в Церкви. Поэтому одной из причин грядущей дехристианизации в Европе было духовное несоответствие жизни самих христиан декларируемым христианским ценностям. Проще было отказаться от христианства, чем продолжать формально «играть в христианство».

В итоге христианский порядок в Европе стал восприниматься в большей степени просто как порядок, и само Средневековье до сих пор часто ассоциируется не столько с его мировоззренческим, библейско-патристическим содержанием, сколько с его внешними, формальными признаками — ценностями *иерархии* и *традиции*, которые составляют общие свойства всех так называемых традиционных обществ, а противоположные им идеи равенства и модернизации были обращены против христианства.

Следовательно, ни в коем случае нельзя говорить, что идеалом христианской политики является возвращение в Средневековье, тем более что это физически невозможно, и все хоть сколько-нибудь вменяемые консерваторы это всегда осознавали. Вместе с этим ответственный христианин никогда не позволит себе презрительного отношения к Средневековью, потому что именно в эту эпоху христианство было доминирующим мировоззрением и все общественно значимые вопросы решались со ссылкой именно на христианские представления об истине и лжи, о добре и зле, о должном и сущем. Из этого, конечно, не следует, что все люди, исповедующие христианство, автоматически становились безгрешными. Но они никогда не провозгласили бы грех нормой, а тем более чем-то желанным.

В этом состоит главное преимущество *христианской государственности* — она не позволяет легитимировать грех и греховное мировоззрение как

нечто, что может быть оправдано и не требует осуждения. Как только христианство утратило в государстве статус официально господствующего мировоззрения и было поставлено в один ряд со всеми другими, государство «выпустило на волю» все возможные разрушительные идеи и настроения, каждое из которых могло свободно претендовать на то, что оно является нормой и идеалом человека как такового. Если Бога нет, то всё позволено, потому что нет никаких абсолютных оснований для хоть какого-нибудь долженствования — нет того абсолютного Авторитета, который бы мог указать человеку, почему он кому-либо что-либо должен.

Дисперсия Просвещения

Переход от христианского Средневековья к Модерну — это процесс, растянутый на века, но в нём всё-таки можно выделить переломные события, явно закрывающие одну эпоху и открывающие другую. Первым таким событием был Вестфальский мирный договор 1648 года, завершивший Тридцатилетнюю «войну всех против всех» и впервые установивший *de facto* секулярные нормы международного права, позволяющие больше не ссылаться на Библию и отцов Церкви при решении каких-либо межгосударственных вопросов в Европе.

Вторым таким событием была Великая Французская революция 1789 года, которая имела значение не только потому, что это была первая откры-

венно секулярная революция в Европе, но именно потому, что её идеи заразили всю «прогрессивную» интеллигенцию от республиканской Америки до императорской России, и она наглядно доказала, что сторонники секулярного мировоззрения способны не только подорвать сложившуюся государственность, но и организовать собственное государство, установить настоящий террор и создать огромную империю, которая под лозунгами Свободы, Равенства и Братства дойдёт до Москвы и устроит первый антицерковный погром.

Но если до революции 1789 года секулярное мировоззрение, воплощённое в идеологии Просвещения, представлялось чем-то единым и однородным, то после этой революции оно начало распадаться на несколько направлений, складывающихся в особые идеологии. Причина этого распада лежит на поверхности — мировоззрение Модерна впервые получило реальную власть, и возник вопрос о том, как именно эту власть использовать.

Французская революция стала своего рода призмой, через которую «свет Просвещения» преломился и разложился на все возможные цвета и оттенки. Эта «дисперсия» Просвещения составила основной сюжет в истории идей последних двух столетий европейской истории.

Отправными декларативными ценностями Французской революции, чётко обозначенными Максимилианом Робеспьером в его речи 5 декабря 1790 года «Об основании Национальной гвардии»,

была знаменитая триада «Свобода, Равенство, Братство», так что вполне можно представить себе реакционные антиценности в восприятии французских революционеров — ограничение, иерархия, разделение.

Первое место здесь неслучайно занимает *Свобода*, поскольку самая главная внешняя сверхцель всех процессов модернизации в XV-XVIII века — это именно *освобождение* (эмансипация) от всех возможных ограничений, в первую очередь религиозных, что предполагало максимальное расширение «прав человека и гражданина». Поскольку речь шла о свободе каждого индивида, то ко всем возможным правам должен был быть равный доступ, и отсюда возникла вторая ценность этой триады — *Равенство*.

Взаимообусловленность свободы и равенства не подвергалась сомнению самими «освободителями», и на пути к власти эти ценности казались взаимозаменяемыми, но на практике между ними существует тонкое противоречие, которое очень скоро даст о себе знать. Реальная свобода предполагает конкуренцию и возможность обретения каких-либо преимуществ — от виртуальных до материальных, — которые неизбежно ставят индивида в неравное положение с другими людьми, по каким-либо причинам лишёнными этих преимуществ. Поэтому свобода всегда будет ценностью для тех, кто может ею воспользоваться. Таким образом, это *ценность «сильных»*, готовых участвовать в конкурентной борьбе.

В отличие от свободы, равенство всегда нужно преимущественно тем, кто чувствует себя маргиналом и не готов вступить в какую-либо конкуренцию, и поэтому свобода других субъектов оказывается потенциальной опасностью для сохранения всеобщего равенства. Так эти две ценности начали расходиться, формируя две параллельные идеологии Модерна — «правый» либерализм и «левый» социализм.

Политическая победа идей Просвещения не могла не вызвать активную реакцию, корни которой прослеживаются на протяжении всей истории эпохи Модерна и которая на культурном уровне воплотилась в движении *романтизма*, а в политическом — в идеологии *консерватизма*, рождённой в атмосфере романтических переживаний и мечтаний.

Стоит заметить, что романтизм был первой исторической формой общеевропейской реакции на Просвещение и поэтому составляет «родовую болезнь» консерватизма до сих пор. Главным пороком романтической реакции было «пакетное восприятие» Просвещения и готовность утверждать всё то, что Просвещение отрицало. В итоге романтическая реакция светила «отражённым светом» Просвещения, почти по каждой теме ставая знак плюс там, где «просвещенцы» (как говорил Н. Страхов) ставили минус. Например, если «просвещенцы» создали миф о том, что религия — это исключительно чувственная сфера восприятия, не

способная ни к какой рационализации, то романтики по умолчанию приняли такое понимание религии как единственно верное и начали усматривать в любом культе тем больше религиозности, чем больше в нём было иррациональности. Если «просвещенцы» пытались свести образ «средневекового прошлого» к принципам *иерархии* и *традиции* как главным объектам своей критики, то романтики вполне согласились с таким образом Средневековья и начали его культивировать, принимая внешние свойства христианской цивилизации за её сущностное содержание.

Возникла парадоксальная ситуация — христианская реакция фактически свелась к защите прежнего культурно-политического уклада, а антихристианская революция апеллировала к христианским ценностям.

В политической картине мира Средневековья, основанной на христианском идеале, человечество должно было подчиняться двум универсальным централизованным структурам — Церкви и Империи, которые на православном Востоке должны были сотрудничать по принципу «симфонии властей», а на католическом Западе — по принципу «двух мечей».

Рост этнорегиональной и этнонациональной самоидентификации в эпоху Модерна, иначе называемый ростом национального самосознания, неизбежно приводил к разрушению этих универсалий и образованию суверенных национальных государств.

Так возникает ещё одна политическая ценность, которую точнее всего можно обозначить как ценность национальной *идентичности* — причастности индивида к своему народу и своей земле. Именно эта идентичность позволяет индивиду сознавать себя соучредителем нового национального государства, чаемого в будущем или уже совершившегося, и проявлять *солидарность* по отношению к таким же его участникам.

Без этой идентичности и солидарности реальная борьба за свободу и равенство невозможна, поскольку победить в этой борьбе политическим путём можно только в сообществе с подобными себе людьми, причём это сообщество оказывается даже более реальной, фундирующей ценностью, чем «умозрительные» ценности свободы и равенства.

Все прагматичные политики либерального или левого толка всегда это очень хорошо понимали и поэтому не могли удивляться тому, что реальные либерализм и социализм возможны только как — в большей или меньшей степени — *национальный* либерализм и *национальный* социализм.

Отсюда возникает третий лозунг французской триады — *Братство*. Заметим, что, в отличие от свободы и равенства, братство не было какой-то политической целью, но оно было больше, чем цель — оно было необходимым условием для достижения целей.

Фактор национальной идентичности в самом широком смысле этого понятия дезориентировал многих

революционеров и реакционеров XIX-XX веков, поскольку их борьба за «старое» и «новое» в некоторых контекстах оказалась борьбой «своего» и «чужого», или наоборот.

Например, для Франции начала XIX века идеология 1789 года стала национальной, и французы никогда бы не сказали, что разрушительные идеи якобинской революции были привнесены ими с Запада, потому что они сами были этим Западом, а реакционные идеи, наоборот, ассоциировались с агрессивными претензиями средневековых «универсалий» — папства и империи Габсбургов.

Но для Германии идеология Французской революции представлялась именно как *французская*, тем более что её несла с собой на своих штыках армия Наполеона, и борьба за национальную идентичность обрела реакционные черты. Не случайно именно в Германии больше, чем где бы то ни было, развивалась романтическая реакция, придавшая просвещенческим идеям «воли народа» и «национального суверенитета» метафизическое измерение и заложившая основы будущего немецкого нацизма.

Что же касается России, ставшей главным оплотом консерватизма и гарантом контрреволюционного «Священного Союза», то для неё все эти идеи были сугубо *западными*, а когда первые русские «реакционеры» — славянофилы — пытались сформулировать подобие русской национальной идеологии, то они во многом отражали общий контекст европейского романтизма и прививали русской кон-

сервативной мысли специфически романтическое мировидение.

Христианство в пространстве идеологий

Какое значение получило в этом идейном «клубке противоречий» христианское начало?

Главный аргумент в пользу христианского происхождения идеи Модерна состоит в том, что именно в христианстве человеку как образу Божию дана онтологическая свобода такого уровня, что он сам выбирает между добром и злом, между истиной и ложью, и сам отвечает за свой выбор. И какие бы ценности ни превосходили ценность свободы, без неё христианская картина мира была бы просто невозможна и бессмысленна, поэтому христианство, игнорирующее ценность свободы, просто перестаёт быть христианством. Но хотя многие либералы готовы бравировать такой «родословной», дальше простой констатации этой связи они не идут, потому что дальше как раз выясняется, что христианское понимание свободы настолько далеко от либерального, что и в самой этой связи можно усомниться.

Христианство не провозглашало свободу индивида как лозунг, оно просто вводило его как онтологический факт, но утверждало, что поскольку максимально возможной свободой человек обладал в раю, то с грехопадением он оказался в «тоталитарной» зависимости от греха и теперь главная задача его жизни — это освобождение от греха, то есть

спасение. Историческим прообразом этого спасения было освобождение богоизбранного народа Израиля сначала от египетского, а потом вавилонского плена, понимаемого, прежде всего, именно как духовный плен в языческих империях.

При этом сама по себе свобода не является целью в христианстве — это лишь условие для достижения обожения и Царствия Божьего, на пути к которому необходимо обрести праведность и блаженство.

«Освободившись же от греха, вы стали рабами праведности» (Рим. 6:18).

«Но кто вникнет в закон совершенный, закон свободы, и пребудет в нём, тот, будучи не слушателем забывчивым, но исполнителем дела, блажен будет в своём действии» (Иак. 1:25).

Вне теоцентрического понимания свободы, обеспечивающего это понятие необходимым метафизическим фундаментом, как свободы во Христе эта ценность «повисает в воздухе» и превращается в собственную противоположность — в чистый произвол, то есть в тотальную зависимость от своей греховной природы и оправдание этой зависимости, чем в конце концов стал современный либерализм.

«Если Бога нет, то всё позволено» — и ничто, кроме грубой физической силы со стороны не может ограничить этот произвол. Так прежде христианская ценность, поднятая на знамёна секулярных революций, оказалась девальвирована до уровня популистского клише и лишилась своего смысла.

Аналогичная инволюция в эпоху Модерна произошла с идеей равенства, возведённой в абсолют идеологией социализма, особенно в таком её радикальном изводе, как коммунизм. Выявлением религиозных и даже реакционных корней социализма занимались очень многие мыслители; достаточно назвать такие имена, как Н. Бердяев, И. Шафаревич, М. Агурский, А. Безансон и др.

В отличие от весьма скудного широкой мыслью и потому скудного либерализма, социализм имеет бурную историю своего развития, начиная с той «утопической» фазы (Мор, Кампанелла, Сен-Симон и др.), когда его религиозность совсем не скрывалась, так что впоследствии многие левые политики любили бравировать такими заявлениями, как «Христос был первым коммунистом» или «первым социалистом», и даже не допускали мысли, что здесь возможно какое-то противоречие.

В действительности идея равенства коренится в христианстве только в том смысле, что все люди *онтологически равны* — они в равном отношении являются образами Божиими и в равном отношении призваны в Царствие Божие. Кроме того, самым страшным грехом в христианстве, грехом всех грехов полагается гордыня, выражающаяся в желании возвыситься над всеми окружающими, что считается нормальным в язычестве, но недопустимо в Церкви Христовой. Именно об этом говорит сам Христос: *«Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют*

ими; но между вами да не будет так...» (Мф. 20:25).

Опять же, как в случае со свободой, христианская идея равенства может быть адекватно осознана только в теоцентрическом контексте — как равенство во Христе, где нет уже ни «иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского» (Гал. 3:28). И так же как свобода, равенство здесь не является целью, это только условие для обретения праведности и блаженства, а в пределе — спасения и обожения.

Поэтому единственный, не деструктивный извод социализма, который мог бы сохранить христианскую идею равенства, — это «христианский социализм», который до недавнего времени был одной из ведущих европейских идеологий наряду с «христианской демократией». Однако во второй половине XX века многие партии и проекты с соответствующими названиями настолько поддались либеральным тенденциям, что либо отказались от неполиткорректного прилагательного «христианский», либо лишили его какого-либо отличительного смысла (подобно партиям ХДС/ХСС в Германии). В этом отношении в постсоветской России мы наблюдаем обратную крайность, когда коммунистические партии и движения часто стремятся засвидетельствовать свою верность русскому православию, но категорически не хотят пересматривать свой марксизм-ленинизм и менять названия своих организаций.

Наконец, третья ценность французской триады — *Братство* — составила самую большую про-

блему в постреволюционную эпоху. Христианское Братство в точном смысле слова — это братство во Христе, то есть кафоличность (соборность) членов Его Церкви, объединённых общей верой и общими Таинствами. Здесь нельзя не заметить, что робеспьеровское *Fraternité* возникло в ещё более узком контексте «братства» масонских лож, как и почти вся символика Французской революции, а в секулярном значении оно превратилось в «братство людей во всем мире», но никак не братство по крови или почве.

Однако сакрализация национального начала в романтизме завершилась национализацией сакрального в постромантизме, а воспевание низовой, органичной, народной религиозности обернулось концепциями «официальной народности». Зеркальным отражением лозунгов «Свобода, Равенство, Братство» стала консервативная триада «Православие, Самодержавие, Народность», немислимая в средневековую эпоху.

Консерватизм — идеология, которая призвана была выражать христианские ценности и формировать *политическое христианство*. Вместо этого сегодняшний консерватизм зачастую представляет собой либо «превращённую форму» обычного национализма, либо бесцветно-политкорректную защиту сложившегося *status quo*, которую даже идеологией назвать нельзя.

Дехристианизация и русский консерватизм

История политических идеологий Модерна — это история нуклонной секуляризации тех ценностей, на которых они были основаны. Поэтому сегодня можно констатировать, что если возможна какая-то новая христианская метаидеология, способная адекватно ответить на все вызовы современности, то она должна слагаться из идей всех трёх христианских субидеологий — христианского либерализма, христианского социализма и, разумеется, христианского консерватизма, который будет играть в этом процессе ведущую роль.

Одно глобальное обстоятельство способствует этому возникновению — это очевидный конец эпохи Модерна, реабилитация религиозного мировоззрения в Постмодерне и затянувшийся кризис последнего. Мы вступаем в постсекулярную эпоху, которую предрекал Николай Бердяев, называя её «Новым Средневековьем» и, одновременно, в эпоху нового подъёма России, бывшей в XX веке главным оплотом секуляризма в мире, а теперь ставшей последним оплотом консервативных ценностей в Европе.

Главной идейной интригой ближайших лет будет вопрос о том, какая версия русского консерватизма окажется доминирующей и определяющей лицо России в XXI веке. В связи с этим необходимо заметить, что у иных русских консерваторов есть вполне предсказуемый соблазн «списать» свою идею-

логию с западных образцов, особенно в надежде на понимание американских и западноевропейских правых. Идея такого прямолинейного копирования могла бы быть вполне оправдана, если бы западный консерватизм во всём отвечал основам православного мировоззрения и нужно было бы только перенести его политическую проекцию на отечественную почву. Но, к сожалению, западный консерватизм, в особенности американский, по ряду существенных параметров расходится с православным мировоззрением не меньше, чем западный либерализм и западные левые, а следовательно, расходится с самим Христианством.

Западный консерватизм, возникнув как идеология реакции на вызов Модерна, в итоге стал одной из идеологий самого Модерна, существующей только в контексте взаимодействия с этими идеологиями. В отличие от западного консерватизма, русский консерватизм преимущественно стремится быть политическим выражением православного мировоззрения, и хотя он испытал серьёзное влияние различных исторических контекстов (романтического, петербургского, советского, либерального и т. д.), он всё равно пытается сохранить основную путеводную нить во всех тупиках и закоулках — православное вероучение. Этому способствовал Московский Патриархат, утвердивший на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года беспрецедентный документ — «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», где общецерковная

позиция по всем основным социальным вопросам изложена достаточно объёмно.

Если сравнивать западный, особенно американский консерватизм, и русский консерватизм, то можно обнаружить следующие принципиальные отличия.

1. Экология. Отношение к природе в западном консерватизме сведено к чисто утилитарному восприятию мироздания как средства для насыщения и развлечения человека, поэтому излюбленным хобби западных правых является охота, в то время как с православной точки зрения человек может покушаться на жизнь любого животного только в целях безопасности и выживания, помня о том, что «вся тварь совокупно стенает и мучится донныне» (Рим. 8:23) по вине человеческого грехопадения. Русский консерватизм экологичен, потому что воспринимает природу как творение Божие и дар Божий человеку.

2. Война. В западном консерватизме очень заметны апология агрессии и насилия и оправдание откровенного милитаризма, без которого консервативный стиль Запада просто непредставим. Эта тенденция обнаружила себя во время Крестовых походов и создания военно-монашеских орденов, неизвестных восточному православию. В отличие от Запада и исламского мира, Византия не знала культа воинов и воспринимала любую войну как вынужденную меру, которую нужно по возможности избегать. Русский консерватизм очень слабо поддаётся милитаристской

романтике и любую победу празднует как освобождение от врага, а не подавление его.

3. Национализм. Хотя западные консерваторы могут говорить, что они не националисты, но весь сегодняшний расизм и этнонационализм — либо англо-американского, либо германского происхождения, а главная тема западного консерватизма — это борьба с этнической иммиграцией. Ни византийцам, ни русскому народу не свойственен национализм, а борьба с этнической иммиграцией, при всей серьёзности этой темы, не может составить основную политическую повестку русского консерватора. Русский консерватизм воспринимает человечество как единое многополярное целое, где все народы и страны имеют право на свой собственный, уникальный уклад, из чего не следует, что все они исповедуют Истину.

4. Экономика. В западном консерватизме во все времена доминировали последовательный анти-социализм и идея имущественного расслоения как нормы жизни, отсюда максимальное невмешательство государства в экономику, отсюда минимум социальных гарантий, низкие налоги, метод «шоковых терапий». В русском консерватизме экономическая проблематика всегда рассматривалась через призму общесоциальных интересов и ценностей — как продолжение культуры общества, и если русский консерватор выступал против социализма, то прежде всего он выступал против его атеистической позиции. Для русского консерватизма принципиальны

ценности милосердия и самоограничения, поэтому он никогда не оправдает жестокую конкуренцию и погоню за наживой.

Таким образом, дехристианизация западного консерватизма коснулась ключевых политических вопросов, и в своей доктринальной части он не может быть примером для русского консерватизма.

Дехристианизация сегодня — это «генеральная линия» либерального Запада в ипостаси Евросоюза и США, особенно её Демократической партии. Невозможно надеяться, что там что-либо изменится: это не просто решение каких-то отдельных политиков и влиятельных лобби, это настоящий цивилизационный выбор, который Запад последовательно осуществляет как минимум последние 400 лет. В этой ситуации Россия оказывается единственным государством в мире, способным отстаивать ценности христианского европейского мира, подобно тому, как в середине XV века, после падения Константинополя, она оказалась единственной православной страной и наследницей византийской миссии «катехона».

Для кого-то такие сравнения могут показаться излишне высокопарными и натянутыми, но не для христиан Ближнего Востока, где они сегодня подвергаются физическому уничтожению и знают, что только одна страна в мире может остановить этот геноцид. Не для православных жителей Запада и других регионов мира, где до ближайшего православного храма можно добраться только через сутки, а само право-

славие совершенно неизвестно окружающим и его существование сознательно замалчивается. Не для тех жителей бывшей Киевской Руси, сегодняшней Украины, которые испытали погром канонических храмов и травлю за причастность к Русской Церкви. Не для всех тех, кто реально заинтересован в выживании и развитии православной цивилизации.

А. М. Малер

Распад либеральной идентичности

Независимые западные интеллектуалы сегодня говорят об архаизации неолиберализма и наступлении эпохи «нового варварства». На Украине эти процессы обернулись победой неофашизма. После «революции достоинства» в стране были резко свёрнуты политические свободы, начались убийства оппозиционных журналистов и депутатов, осуществляется военный геноцид. Всё это западный политикум не только предпочёл не заметить, но и помог осуществить. Впервые после 1945 года фашизм был легализован, и сделали это представители либерального правящего класса.

В России события 2014-2015 гг. стали причиной раскола либерального сообщества. Многие разглядели истинное лицо «самой прогрессивной и цивилизованной» системы взглядов. Сегодня налицо все признаки её разложения и утраты легитимности. А значит, смена идеологической матрицы неизбежна в самом ближайшем будущем.

Красная линия

Украинские события и их отражение в российском политическом пространстве заставили по-новому взглянуть на роль и сущность морально-правовых универсалий либерализма. То, что раньше было понятно в ходе экспертного анализа, теперь стало доступно непосредственному повседневному восприятию среднего обыва-

теля. Украинская трагедия стала для него наглядным экспериментом. Эксперимент показал не просто двойные стандарты, но изначально утилитарный характер самой либеральной этики. Трещины в стене идеологического здания стало невозможно скрыть.

Например, для человека с обычными представлениями о справедливости очевидно: тот, кто уважает свою свободу, обязан уважать и свободу другого. Формула «Я — Шарли» одновременно должна означать «Я — Одесса». Десятки заживо сожжённых людей — никак не менее вопиющий «эксцесс», чем несколько застреленных. Тем не менее европейское общественное мнение — то есть те, кто привык говорить от его имени, — Одессу не заметили. Точно так же миссия ОБСЕ не заметила Донецк, Горловку, Первомайск, сметённый с лица земли. Но заметили последствия единственного залпа, попавшего по Волновахе. Другие эксперты «не заметили» политических заказных убийств Бузины, Калашникова и многих менее известных оппозиционеров киевской власти.

Но правила одни для всех. Иначе они теряют всякий смысл и из универсалий превращаются в чистейшую идеологию. А так называемый европейский выбор не должен сопровождаться принесением человеческих жертв на алтарь идеологии: это именно то, в чём либеральный мир обвинял в своё время исторического конкурента — коммунизм. В противном случае моральная легитимность исчезает.

Явная диспропорция между декларируемыми *liberal values* и практикой политического террора укра-

инской власти, а также реакцией на неё западного истеблишмента (точнее, отсутствием таковой) вызвала у россиян моральный шок. И она, безусловно, ударила по единству малочисленной, но влиятельной либеральной части российского общества. Представители этой части испытали то, что на языке блоггеров называется разрывом шаблона, а на языке психологов — когнитивным диссонансом. В итоге сообщество поделилось на тех, кому важнее политика, и тех, у кого в приоритете моральные принципы. Вот что пишут простые (нестатусные) представители этого круга, ещё недавно полностью разделявшие либеральные убеждения.

«Они Вам прямо всё расскажут, и про генетическую неполноценность в том числе. Про таинственный европейский код (меня тошнит, простите), про потомков убийц и стукачей. Короче — ну ватники же, колорады, быдло. Господь, жги. Давайте прямо. У этих людей конфликт не с Путиным. У них конфликт с Россией и её народом. Им отвратительно всё, что здесь есть, и почти все, кто здесь живут. Это их право — кому арбуз, кому свиной хрящик. Но невозможно быть совестью того, кого ты ненавидишь. Невозможно улучшать страну, которая тебе отвратительна. Сейчас они думают, что люди отворачиваются от них из-за пропаганды. Но тут, как и с украинцами, никакая сурковская или киселёвская пропаганда не сработает лучше, чем их собственные слова или же молчание. И конечно же, “просвещённый Запад” и его “свободная пресса” тоже показали, почём оно. Когда Янык разогнал демонстрацию и студентов по-

били — это ужас, кошмар, тирания. Когда десятки и сотни мирных людей погибают за свои убеждения или просто за то, что не там стояли, от рук “борцов за свободу” и “молодой демократии” — это совершенно нормально... В какой-то момент этого конфликта Обама высказался про то, что Россия оказалась on the wrong side of the history. Эти слова очень применимы к тусовке эха мск, сноба, колыты и прочая. Они заняли не ту сторону, когда наступил переломный момент — 2 мая, события в Одессе — и никто, НИКТО не написал из тех, кто ходил на марши за мир, что вообще-то жечь людей плохо, жечь людей за их убеждения — совсем плохо, радоваться этому — чудовищно... со 2 мая для меня в России либералов нет».⁹

Такая борьба мотивов характерна именно для людей, искренне верящих в то, что либерализм является продолжением гуманистических идей. Это показатель кризиса системы, которая не в состоянии соответствовать своим установкам, уважать «права и свободы», на которых построена её внешняя, идеологическая надстройка.

Сегодня практика опровергает теорию.

И это вызывает неизбежный раскол либерального сообщества, каждый член которого стоит перед моральным выбором: либо принять фашистские взгляды как продолжение либеральных, либо отказаться от самой неолиберальной доктрины.

---

⁹ Подробнее см. здесь: <http://oskolki-chesti.livejournal.com/756731.html>.

Многие выбирают первый, ультраправый путь. И начинают призывать к игнорированию интересов тех 85% «нечистых» совков и ватников, которые, по их мнению, составляют проблему для оставшихся 15% «чистых» (вариант: креативных). Как устранить «вату» из политического пространства, пока прямо не говорят.

По логике вещей эти люди должны стремиться перенять украинский опыт, где вопрос о социально и, чего уж там, национально «неполноценных» получает окончательное разрешение с помощью «Градов», РСЗО и «Точек У» (не из атомного оружия, как советовала когда-то Юлия Тимошенко, но — расстреливают).

Понятно, что, с точки зрения как христианской морали, так и классической демократии, дела у 15% обстоят скверно: хвост не может влиять собакой. Но либерализм имеет, да и всегда имел крайне мало общего с демократией. В рамках этой удивительной доктрины 85% считаются «не соответствующими цивилизационным стандартам», поэтому никакие нормы на них не распространяются. Авторы небезызвестной брошюры «Унтерменш» были бы довольны такой социальной проекцией своих идей.

К счастью, людей, ранее подверженных влиянию неолиберальных идей, но нашедших в себе интеллектуальное мужество пересмотреть свои взгляды, тоже довольно много.

Примечательно, что раскол в либеральной среде протекает на фоне другого раскола, который касается всего российского общества. Ещё летом прошлого

года в социальных сетях можно было встретить заявления такого рода: «С недавних пор у меня два критерия оценки человека — его отношение к Одесской Хатыни и к авианалёту на Луганскую ОГА 2 июня. Любого, от кого услышу про кондиционер, — пошлю на три буквы».

По-видимому, события последнего года стали для общества «красной линией». Переступив её, члены либерального сообщества сделали свой конфликт с обществом неразрешимым. Хотя семена конфликта были посеяны задолго до майдана, Крымской весны и «жареной самки колорада». Вероятно, начало разрыва следует отнести к 1993 году, когда ельцинский режим расстрелял своих оппонентов из танков, а вожди либеральной интеллигенции (тогда это словосочетание ещё не казалось оксюмороном) занялись откровенной охотой на ведьм — вспомните знаменитое «Письмо 42-х».

Политолог и историк религии Александр Щипков, высказываясь на тему российских бенефициариев майдана, справедливо заметил: «Важный итог 2014 года состоит в том, что либерализм в России полностью утратил моральный ресурс, легитимность и чистоплотность. Это произошло у нас на глазах. Люди, говорящие от имени либерализма, измазались в крови. Теперь либо “либеральная”, либо “интеллигенция”. Одно из двух. И если вы считаете себя интеллигентом, то не можете быть либералом. Вопрос только в том, куда эта ситуация толкнёт обывателя — влево или вправо. К отказу от либеральной

системы ценностей или к принятию вместе с ней и фашистской». ¹⁰

Описывая эту ситуацию, балансирующую на грани открытого гражданского противостояния, писатель Захар Прилепин осенью 2014 года в статье «Две расы» отмечал: « “Та раса” призвала отдать последние крохи независимости и свободы нашей страны. “Та раса” говорила, что пенсионеры лишние и вымрут сами. “Та раса” сейчас продолжает кричать в унисон с Киевом о том, что Крым — это Украина, а крымчане предатели. “Та раса” ездит лабать на гитарке “Марионетки” и “Однажды мир прогнётся под нас” в зону АТО и жмёт руки тем, кто убивал “беркутят” и одесситов. “Та раса” ждёт возможности показать “не тому народу” России, что место этому народу в пыльном углу и желательно молча. Время разговоров прошло. Нам нечего сказать “той расе”. На Украине “та раса” победила. Результат вы все видите — кровь, смерть, пепел Одессы, убитые дети Донбасса. И радость “той расы”, что они победили и могут безнаказанно убивать нас».

В прилепинском тексте примечательны два момента.

Во-первых, противопоставление морального противостояния расовому (причём не важно, идёт ли речь о национал-расизме или о социал-расизме). Это противопоставление «от обратного» отражено в заго-

---

¹⁰ Щипков А. В. Интеллигент не может быть либералом / А. В. Щипков // Литературная газета. — № 50 (6491). — 17 декабря 2014 года.

ловке и недвусмысленно отсылает к теме геноцида. Оно определяет ценностное различие между социальным большинством и теми, кого в кругу поклонников Прилепина принято называть «неполживыми» и «рукопожатцами».

Во-вторых, из сказанного Прилепиным следует вывод: если массовые убийства за «ватные» убеждения узаконены на Украине, то завтра при сохранении «оранжевого» тренда они вполне могут начаться в России. Неолиберальная архаика не знает государственных границ. Разумеется, крики «Москаляку на гиляку!» — это удел улицы. Но ведь и радикалы во власти в Киеве постоянно говорят о «конфликте менталитетов» и «форпосте цивилизации», озвучивая тем самым классический фашистский миф превосходства. И если такая риторика устраивает американские и европейские элиты в Киеве, странно было бы надеяться, что их не устроит практическая реализация подобных тезисов в Москве.

Не секрет, что нацистская концепция унитарного государства (вопреки его объективно многонациональному составу) сформировалась ещё на Майдане. Именно там была озвучена концепция украинской нации как «белой расы князя Ярослава», вытекающая из программных установок УНА УНСО и им подобных. Ради этой идеи, с точки зрения её адептов, можно пойти практически на всё. Так, Верховная рада Украины даже официально проинформировала генерального секретаря ООН и генсека Совета Европы о праве Киева отступить от международных обя-

зательств по защите прав человека в ряде районов Донбасса.

Разумеется, ни одно либеральное СМИ в России этой темой не заинтересовалось. Правозащитники — вот неожиданность! — тоже. Amnesty International сделали доклад о пытках пленных на Украине, этим всё и закончилось.

Универсальная идентичность

Ведя дискуссию о современном либерализме, необходимо дать ответ на два неизбежных вопроса. Первый — о соотношении теории либерализма и его реальных исторических практик. Если коротко, существует расхожее мнение, что будто бы либеральная идея, особенно в России, была «извращена» и поэтому либерализм необходимо вернуть к истокам, к некоему канону, к заветам отцов-основателей и представителей «старой школы». Эти рассуждения не более, если не менее основательны, чем требования коммунистов в XX веке вернуться к «ленинским нормам». Совершенно очевидно, что реставрация «классического капитализма» конца XX — начала XXI веков невозможна. Сегодня капитализм движется в сторону неофеодализации и архаизации своих институтов (штабная экономика, роль ТНК, бизнес-элит, неотрайбалистских кланов), а с ним в том же направлении движется и легитимирующая его либеральная система мысли. Мечту изменить вектор его развития следует признать неосуществимой утопией.

Кроме того, либерализм, отражённый в трудах его классиков (Дж. Локк, И. Кант, К. Поппер и др.), с самого начала имел мало общего с либеральной исторической практикой. Либеральная книжная традиция основана на концепциях естественного права, общественного договора, фритрейдерства и политических свобод. Реальная же практика либерализма складывалась как оправдание колониалистской экспансии и принудительного мирового разделения труда. Как подчёркивает американский историк и социолог Иммануил Валлерстайн, «система работает на социальное исключение (из получения благ) большинства путём включения всей потенциальной рабочей силы мира в систему организации труда, в многослойную иерархию» (см. книгу И. Валлерстайна «После либерализма»). Именно эта система «исключения через включение» и радужный книжный образ социальной гармонии и общественного блага — мягко говоря, не одно и то же. Между этими двумя либерализмами столько же общего, сколько между трудами Маркса и какими-нибудь красными кхмерами. И никакая всеобщая юрисдикция или теория «экономике» не в состоянии заполнить этот разрыв.

Второй вопрос — о современном содержании понятия «либерализм». В последние десятилетия, формально после 1990 года, когда был распущен альтернативный социалистический проект (а на самом деле гораздо раньше), либерализм как явление совершил качественную трансформацию. Он преодолел рамки обычного направления политической мысли, включив

в себя бывшую левую и бывшую «консервативную» альтернативы. Первую — в виде левого правозащитно-экологического и борющегося за права меньшинств низового либерализма (low liberalism). Вторую — в виде жёсткой линии «неоконов»: консервативный либерализм сырьевых и финансовых элит, влиятельный в американском и английском политикуме высокий либерализм (high liberalism).

Эта двухъярусная система очень напоминает иерархию протестантских церквей и организаций, но о прямом религиозном влиянии на политику центров либеральной системы мы сейчас не говорим. Как бы там ни было, обе ветви политического либерализма, несмотря на политические различия, прекрасно координируются, и разделение обязанностей между ними налажено очень хорошо. В число таковых входит и обязанность публично создавать ощущение политической состязательности и общественной дискуссии, особенно в рамках электоральных периодов.

Либерализм давно вышел за пределы обычной идеологии, которая — какова бы она ни была — обязана предложить целостную, обоснованную и хорошо отрефлексированную концепцию общества и общественного блага. Уже во второй половине XX века либерализм, подобно коммунизму, перерастает рамки классических идеологий и превращается, говоря современным языком, в особый тип идентичности, который либо подчиняет себе, либо отсекает остальные виды идентичностей.

Обычно это делается под угрозой утраты фронтёрствующим субъектом остатков суверенитета (если речь идёт о странах, к которым можно применить военно-силовые меры) или правового статуса (если речь идёт о частном лице).

Либеральные критики российского патриотизма очень удивились бы, узнав, что в США, по мнению самих американских интеллектуалов (из числа независимых), вернулись времена маккартизма, людей заставляют буквально исповедовать ненависть к России, а любая статья в СМИ на украинскую тему должна быть одобрительной в отношении киевского режима, иначе она просто не будет опубликована. Аналогичная ситуация существует и в большей части Европы. Сравните это с ситуацией в России, где официальная линия в масс-медиа прослеживается отчётливо, но разбавлена огромным количеством «оппозиционных» СМИ с откровенно антироссийской позицией («Эхо Москвы», «Дождь», «Новая газета», «New Times» и др.).

Иными словами, либерализм приобрёл качество системной, универсальной идентичности и породил общественный и политический климат, очень напоминающий состояние советского общества в сталинский период, но только либеральный мир пребывает в этом состоянии намного дольше. Некоторые авторы в связи с этим говорят о либеральной диктатуре, или имитационной демократии.

Важнейшее свойство либеральной идентичности в её нынешнем состоянии заключается в том, что она ориентирована на поглощение или подчинение любых

групповых идентичностей. Происходит это в связи с особенностями либерального дискурса, который предполагает, что либерализм сам по себе есть некая доминантная идентичность, которая позволяет свободно существовать всем остальным и вне которой совместное существование частных идентичностей (тот самый «общественный договор») в принципе невозможно. О конструировании новых идентичностей и разрушении старых, о генерировании конфликтов между ними, о табуировании некоторых идентичностей творцы либерального дискурса, конечно, никогда не упоминают.

В результате система постоянно порождает социальные императивы и иерархию возможных идейных позиций. Вообще современный либерализм — это фабрика императивов. Демократические «стандарты», борьба с терроризмом — поводом для этого может служить что угодно.

Примечательно, что и энциклопедическая образованность, и религиозная настроенность в равной мере выглядят в этой системе контрпродуктивными позициями. Возникающие в связи с этим идейные конфликты и антисистемные устремления как эгалитаристского, так и традиционалистского происхождения, пользуясь термином историка И. Талмона, следует назвать «конфликтом лояльностей». В России этот конфликт выражается, в частности, в институте «рукопожатности», привнесённом в публичную сферу либеральной постинтеллигенцией.

Но важно понимать, что конфликт лояльностей — это необязательно сознательный идеологический кон-

фликт. Куда более часты и показательны ситуации неосознанного и непреднамеренного выпадения (drop out) из рамок универсальной идентичности. В этом случае диктаторский характер властных практик либерализма проявляется особенно ярко. Ситуации, когда социальный профиль личности не соответствует негласным социальным нормативам, могут складываться трагически. Например, если у многодетного гражданина РФ сегодня невысокая зарплата, к нему имеют право прийти для составления заключения представители ООП (органов опеки и попечительства) и под предлогом ненадлежащего исполнения родительских обязанностей поставить вопрос о лишении родительских прав. Так либеральное государство одной рукой обделяет, а другой карает обделяемого.

Получив клеймо социальной инаковости по отношению к статусному меньшинству — привилегированным социальным миноритариям, представитель социального большинства нередко испытывает внутренний надлом, и дело заканчивается социальной дезадаптацией. Собственно навязывание обществу ложного представления о себе со стороны привилегированных социальных групп — это и есть основа доминирования либеральной идентичности.

Проблема конфликта рецессивного большинства и доминантного привилегированного меньшинства, право последнего на формирование и утверждение универсальной идентичности — всё это проявления феномена имитационной, или «тоталитарной» демократии, которая в отличие от классической ма-

жоритарной демократии, то есть демократии большинства, составляет основу либеральной социальной системы. В конечном счёте, как показывает опыт, навязанная социальными меньшинствами ложная «универсальная» идентичность получает окончательное выражение в некоей абсолютной, высшей политической истине.

Специфика российских условий заключается в том, что у нас такая абсолютная политическая истина часто принимает форму некоего культа коллективной вины. Например, в начале 1990-х очень настойчиво звучало требование «десоветизации» всех сфер жизни, на деле прикрывавшее сброс государством своих социальных обязательств и наступление на социальные права граждан. Практика принудительного антисоветизма вела к реконструкции в обществе концепта советскости как «своего Другого». В итоге индивидуум вынужден был самоопределяться в обществе через антиномию советскости-антисоветскости. С точки зрения социального развития такой подход был бессмысленным хождением по кругу в рамках ложной идентичности.

А сегодня общество убеждают в наличии у него неких «сталинистских» комплексов и наклонностей и выдвигают требование кардинальной десталинизации. Абсурд ситуации заключается в том, что никакой преемственности по отношению к сталинскому курсу и лично к Сталину в современной России нет и не может быть по причинам как чисто экономическим, так и связанным с психологией правящих элит,

сформированных рыночным фундаментализмом. Тем не менее требования выдвигаются — в виде игры на трагическом восприятии национальной истории, на переживании нацией исторической травмы. В конечном счёте — как инструмент эмоционального принуждения большинства к принятию под видом «десталинизации» всё новых элементов ложной идентичности. Скажем, для американцев подобная методика, если бы она применялась, могла бы строиться как проекция на современность коллективного переживания рабовладения в южных штатах.

Это лишь один из инструментов имитационной демократии. В совокупности они имеют целью некритичное принятие обществом высшей политической истины, которая якобы непосредственно вытекает из «общечеловеческих ценностей».

Кстати, существование в современной либеральной идеологии двух взаимоисключающих концептов — «общечеловеческих ценностей» и «плюрализма» — весьма любопытный феномен. Понятно, что плюрализм в качестве моральной универсалии не позволяет вывести единую аксиологию. Единственный путь к ней — это возвращение к евангельским моральным истинам и признание их общезначимыми для современного Запада. Но на фоне дехристианизации и в угоду мультикультурности-политкорректности от этого тезиса приходится отказываться. В итоге идея «общечеловеческого» как бы повисает в воздухе, а при ближайшем рассмотрении становится ясно, что за ней стоит не моральный консенсус, а властные практики,

чьим легитимирующим дискурсом и является язык либеральной идентичности.

Вообще современный либеральный дискурс содержит серьёзные противоречия. Он внутренне не логичен, хотя склонен к внешним проявлениям «языка науки» — жонглированию статистикой, юридическими определениями, экономической терминологией, правозащитной риторикой и т.п. Его задача — не аргументация и убеждение, а эмоциональное воздействие на слушателя. Использование законов психологии, фобий, речевых клише в построении либерального дискурса куда важнее, чем рационализм, формальная логика и подлинные научно-критические нормы. И индивид, который намерен отстаивать свою свободу и сопротивляться лингвистической агрессии со стороны универсальной идентичности, должен чётко осознавать это.

Эсхатология и конструктивизм

Как уже было сказано, современный либерализм — это особая идентичность, надстоящая над другими и регламентирующая отношения между ними. Это означает, что индивид может иметь любые идентичности, в том числе пересекающиеся и конфликтующие между собой, но он обязан разделять либеральные стандарты и ценности. Например, он должен одобрять карикатуры на пророка Мухаммеда как способствующие общественному благу (хотя деятельность карикатуристов — это разжигание социальной розни) и публично

высказываться на эту тему, не носить крест на работе, сочувствовать Шарли, но не жертвам одесской Хатыни.

Эти правила поведения не нуждаются в аргументации. Не потому, что проблема — подыскать аргументы, а потому что аргументация (де факто рационализация) десакрализирует критерии либеральной идентичности. Десакрализация ставит идентичность под вопрос, а этого делать нельзя. Сущность либеральных нормативов состоит именно в том, что они должны приниматься на веру: это не какой-то там свод писаных законов, а настоящая гражданская религия. Она требует спонтанного следования правилам, которое поддержано примерно такими доводами: «это разделяет весь цивилизованный мир», «это долг критически мыслящего человека», «аморально в этом сомневаться».

Подобный автоматизм поведения хорошо описан американским писателем Кеном Кизи в романе «Пролетая над гнездом кукушки» на примере клиники, которая послужила автору аллегорией американского общества. Между тем любые ценности фиктивны, если они не являются результатом сознательного выбора.

Конкурирующие позиции в либеральном социальном пространстве выстроены в иерархию. Так, например, общественно полезными признаются протестантские конфессии, в меньшей степени — католичество, но не православие. И это побуждает, скажем, представителя шведского МИД Карла Бильдта заяв-

лять следующее: «Православие опаснее исламского фундаментализма и представляет главную опасность для западной цивилизации, в том числе и потому, что пытается регламентировать семейные отношения и враждебно геям и трансгендерам».

Заметим, Бильдт — высокопоставленное государственное лицо, но свою позицию он излагает не на языке политологии. Он использует геополитический, квазирелигиозный язык, в котором легко обнаружить эсхатологические коннотации: речь идёт ни много ни мало об «угрозе цивилизации». Язык цивилизационных угроз — это язык эсхатологии. А если быть совсем точным, то «угрозу цивилизации» следует понимать как угрозу либеральной идентичности. Цивилизация никуда не денется, геи и трансгендеры защищены правом на частную жизнь, а вот единомыслие и «единочувствие» западного общества действительно находятся под угрозой. И не из-за соседства православного мира, а в силу внутренних факторов. И это подчёркивает изначальную искусственность навязанной либеральной идентичности, которая в силу мессианизма отказывает другим идентичностям в метафизической укоренённости.

Либеральный мир — это также мир конструируемых идентичностей. Конструктивистский подход к личности, социальные эксперименты, устранение всякой непосредственной самости, а в итоге расчеловечивание и сборка «нового человека» — вот путь социальной системы либерализма. Он чем-то напоминает попытки коммунистов создать новую историческую

общность — советский народ — и новый исторический тип человека. Но есть и существенная разница. При всём упоре на единомыслие и политическую ангажированность советский тип человека был всё же ориентирован на развитие и усовершенствование, на преодоление общественного отчуждения, тогда как *homo liberalis* становится лишь пассивной точкой приложения внешних усилий, объектом социального конструирования без каких-либо исторических целей, а лишь ради упрочения системы (знаменитый фильм «Матрица» братьев Вачовски метафорически изобразил именно это положение вещей). Отсюда и различия в методах, стилистике, эпистемологии двух проектов. В отличие от *homo soveticus* проект *homo liberalis* — это «компетенции» вместо знаний, «информационные технологии» вместо идеологии в классическом понимании этого термина, «инновации» вместо научно-технического прогресса.

И если социалистическая система предполагает примат социальных прав в обмен на политические (а социальными правами может пользоваться каждый), то либеральная система, напротив, предлагает политические права в обмен на социальные, называя это демократией. Но без принадлежности к правящим элитам, то есть меритократическому меньшинству, политические права для обывателя по сути бесполезны, их невозможно конвертировать в нечто осязаемое: выборные механизмы партийного представительства чаще всего действуют как фильтры.

Либеральный взгляд на мир предполагает, что всякая социальная и даже национальная сущность может быть сконструирована посредством политтехнологий (типичный пример — постмайданная Украина), и эту конструкцию в любой момент можно снова разобрать и собрать в угоду требованиям современного общества, «духу инноваций» и т. п. Разумеется, всё это не касается самой либеральной системы: её сущность сакральна и никакой деконструкции по идее не подлежит (так ли это в действительности — другой вопрос, ответом на который служит, в частности, наш текст).

Отсюда потребность в постоянном присвоении субъекту всё новых ложных идентичностей и потребностей, начиная с гендерных концепций и заканчивая неприязнью к традиционным религиям (отсюда карикатуры и спиленные кресты). При этом сконструированный аналог того или иного социального феномена нередко заменяет и вытесняет сам феномен (например, понятие «русский» заменяется на «россиянин», но содержание российской идентичности не артикулируется, между тем в англоязычном контексте для обоих понятий существует одно слово — russian).

На языке семиотики этот процесс называется отрывом знака от референта. Иногда в связи с такими подменами говорят о релятивизме и указывают на особую склонность либерального сознания к перформансам, PR-технологиям, «проектному мышлению», актуальному искусству и тотальному стёбу. В сущно-

сти, социальные практики либерализма в такой стране, как Россия, действительно очень трудно отделить от перформанса.

Правовая сегрегация и социальный остракизм

От всякой личности в либеральной системе требуется точное соответствие выбранной социальной нише, сформированной якобы «невидимой рукой рынка», а в действительности — принципами разделения труда в условиях диктата капитала. Эта система уже очень далека от классического капитализма и напоминает скорее денежный феодализм (известный философ Славой Жижек говорит даже о «капитализме без буржуазии»).

В такой ситуации развитие личности — вещь обязательная и, разумеется, должна быть ограничена «социальным консенсусом». Отсюда избирательное применение моральных и правовых норм и отлучение части «плохих» социальных игроков от игрового поля. Это означает, что целый ряд суверенных субъектов, подобно «православным» в реплике шведского министра, выпадает (drop out) из системы: они воспринимаются как «неправовые» субъекты, хотя и не делают ничего противозаконного в буквальном смысле слова. Но они вынесены за границу либерального морально-правового пространства.

Само существование этой границы означает сепарацию общества и очень напоминает старинные колониальные практики, что и позволяет теоретикам

говорить о социальном неравенстве как «внутреннем колониализме».

Правовая сегрегация социальных субъектов проявляется в постоянном применении двойных стандартов. Так, возвращение ГДР в Германию не считается нарушением принципа послевоенной неизменности границ в Европе, а возвращение Крыма в Россию считается. За одними субъектами закреплено право на прецедентизм и неконституционную смену власти (Киев), за другими нет (Донецк). Право на самоопределение («независимость») предусмотрено для Украины или, скажем, для Косово, но не для Новороссии. Во время войны в Югославии этнические чистки совершались всеми воюющими сторонами, но виновными были назначены сербы. Либеральная общественность критикует российский закон об НКО и «иностранцев-агентах», но как быть с тем, что закон этот практически списан с аналогичного американского закона, который тихо и без нареканий действует в США с 1936 года? И когда, например, глава шведского МИДа высказывает абсолютно ксенофобские взгляды в адрес православных верующих, никакой реакции со стороны правозащитных организаций не следует. Условием сохранения лояльности к системе является обязанность не замечать подобные проявления.

Двойные стандарты выражаются и в таких понятиях-оксюморонах, как «гуманитарные бомбардировки», «принуждение к миру». Каждый раз возникает очередное белое пятно в морально-правовом пространстве либерализма, но правила игры заранее

спущены сверху и участники поставлены перед фактом.

Идеологи российского либерализма высоко ценят концепцию гражданского общества, но представители гражданского общества они склонны считать именно себя. Сколь бы массовым и независимым ни было то или иное социальное явление, если оно не устраивает кураторов либеральных проектов, оно либо табуируется и не упоминается (обсуждение темы геноцида русских, сборник веховской традиции «Перелом», личность Игоря Стрелкова), либо подвергается скоординированному остракизму («Бессмертный полк», памятник святому князю Владимиру на Воробьёвых горах, программа «200 московских храмов»). А тех, кто это нежелательное явление представляет, объявляют «нерукопожатными», то есть неполноценными членами общества.

Доходит до того, что людям с «неправильными» взглядами рекомендуется не голосовать на выборах, как предлагала радиоведущая Юлия Латынина на «Эхе Москвы». А в одном из проектов резолюций Европарламента прямо сказано: «следует увеличить финансирование российских институтов гражданского общества, стоящих на демократических позициях». Демократических — с точки зрения самих европарламентариев. Остальная часть гражданского общества (что это именно она, европарламентарии не отрицают) не нужна и неинтересна: что не попало в рамки консенсуса, того просто нет.

Особенно ярко социальный остракизм в либеральном исполнении можно проследить на примере

таких явлений, как поддержка возвращения Крыма или движение «Бессмертный полк», подвергнутое в либеральных СМИ обвинениям в проплаченности и влиянии «руки Кремля». Но как бы вы ни относились к российской власти и её политике, совершенно очевидно, что День Победы и освобождение Крыма являются для народа безусловными и неоспоримыми ценностями, которые от позиции власти несколько не зависят. Правда, такая ситуация не устраивает либеральное комьюнити. И не столько из-за политической «неправильности», сколько из-за своей подлинности, непридуманности, неангажированности. А в эпоху конструкторов не место эссенциалистскому мировосприятию. Всё должно быть сперва придумано и санкционировано «технологами оптимизации».

Носители либеральных взглядов часто говорят о свободном обществе, но на деле отказывают обществу в праве выработать свою позицию. Вместо этого его призывают следовать трендам, уже готовым моделям политического, экономического (потребительского) и бытового поведения (которые, напомним, вырабатывает «креативный класс»).

Вот почему имела место скоординированная информационная атака на проект «Бессмертного полка». Прокол системы социального контроля выразился здесь в том, что социал-технологи не догадались или (что вероятнее) не успели вовремя возглавить эту инициативу, чтобы затем переписать её под себя и свои политические задачи. Зато нечто подобное произошло в 2012 году — тогда о «болот-

ном» движении исчерпывающе высказался кто-то из левых публицистов: «Либеральные вожди оппозиции так же узурпировали энергию протеста, как официальная власть — энергию молчания большинства».

Формирование нации как борьба идентичностей

Между тем «Бессмертный полк» — это не заслуга власти, а единение вопреки власти, которое она вынуждена была возглавить. Это одна из точек кристаллизации российской национальной общности, независимо от того, отсутствует или присутствует «власть» в роли диспетчера этого процесса. Но для завершения нациогенеза (термин «нациогенез» употреблён постольку, поскольку русская нация полиэтнична) и окончательного складывания современной русской идентичности необходимо ещё два-три таких же символа и единый нарратив, опорными точками которого они бы являлись. Также необходим взаимный перевод смыслов, связанных с разными рядами символов идентичности.

В советское время складывание нации шло медленно, причём окружным путём. В постсоветский период процесс вовсе остановился — начался откат. Идентичность стиралась. Сегодня на фоне «русской весны» вновь началось движение. В данный момент мы находимся в завершающей фазе нациогенеза. Органическая идентичность, которая должна вытеснить либеральный образ российской нации, уже

почти сложилась, момент рождения объединяющего общества нарратива близок и нация вот-вот начнёт «понимать себя».

Православная этика и социалистическая идея пока ещё не вполне взаимопереводимы в рамках единого русского дискурса. Но этот двойной культурный перевод вот-вот должен осуществиться: без него процесс освобождения от ложной идентичности либерализма не может быть завершён.

Тем не менее уже сегодня общество учится защищаться от ближайших и непосредственных угроз. У него сложилась защитная идеология, изначально сосредоточенная вокруг слогана «Крымнаш!» и связанная с идеями суверенитета и справедливости. Выделились субъекты — носители негативных и позитивных дефиниций. С одной стороны — «бандеровцы», заражённые исторической русофобией. С другой стороны — русские добровольцы, защищающие попавших в беду сородичей, ополченцы-антифашисты. Причём для образа ополчения характерны две ипостаси: с одной стороны русскость, с другой — интернационализм (включая антифашистски настроенных украинцев).

В российском обществе возникло понимание того, что помимо внешних бандеровцев есть бандеровцы внутренние, — это российские либеральные элиты и компрадорская часть «креативного класса». Общество догадалось спроецировать украинскую ситуацию на российские реалии и сделало вывод, что при плохом сценарии «ватников» и «колорадов» в Москве будут

забивать битами и сжигать не менее азартно, чем в Киеве, Одессе и Харькове. Это осознание приводит к отрезвлению.

После либерализма

Вполне вероятно, что постепенный демонтаж либеральной идентичности совершит качественный скачок именно в культурной сфере. Иммануил Валлерстайн в своей книге «После либерализма» не сводит демонтаж либеральной парадигмы к одной лишь сфере политики. Возможный захват властных институтов он рассматривает как эффективную меру общественной самозащиты, но не как цель будущей революции. Главные изменения, по мнению автора, должны произойти в эпистемических структурах общества. Он утверждает: «Наконец, борьба будет интеллектуальной, за переосмысление наших научных канонов, в поисках более холистических и изощрённых методологий, в попытках избавиться от благочестивых и ложных заклинаний о свободной от оценок научной мысли. Рациональность — сама по себе ценностно нагруженное понятие, если вообще имеет какой-то смысл, и ничто не является или не может быть рациональным вне самого широкого, максимально охватывающего контекста человеческой социальной организации».

Итак, нет рациональности вне социальной организации, утверждает автор. Мифология вульгарного рационализма, отголоски морально-правовых утопий,

маскирующих скрытые институты дисциплинарной власти — всё это можно преодолеть рациональным социальным действием. А вот здание гуманитарных и общественных наук «после либерализма» придётся подвергнуть серьёзной реконструкции. Проблема в том, что содержание этих дисциплин и их методология сами по себе идеологически нагружены. В течение трёх веков они обслуживали социально-политическую повестку либерализма. Итог — «смерть социального и политического» (Ж. Бодрийяр). «Триумф информации — это смерть политики», — говорил другой философ, Пьер Бурдьё. Но это означает смерть демократии, смерть критической мысли и запрет на свободный научный поиск. Правда, в отличие от авторитарных систем прошлого, либеральная система запрещает не процесс мысли, а её объект — социокультурную реальность.

Как это возможно?

Судьба критически мыслящего индивида в либеральном обществе напоминает судьбу пленника в китайской «комнате-шкатулке»: мягкие стены и пол, полная тьма и тишина. Никаких пыток, никакой боли. Через сутки или двое у заключённого начинается звон в ушах и галлюцинации. А через несколько недель он выходит из «шкатулки» абсолютно седым и полностью потерявшим разум. Его речи никто не может понять, кроме таких же, как он, безумцев.

Сегодня дело чести для уважающего себя интеллектуала — перешагнуть границы либеральной мысли, противопоставить этой тотальности свою транс-

грессию. Прорубить окно в глухой стене либерального дискурса, высунуть голову, осмотреться и вдохнуть свежий воздух. Словом, сломать «шкатулку». Такого смельчака ожидает множество неожиданных открытий. Главной наградой ему будет шокирующий, но уникальный опыт — опыт встречи с подлинной социальной реальностью.

Ситуация «после либерализма» предполагает разборку и обратную сборку эпистемических структур общества, маскирующих работу его властных механизмов. А это влечёт за собой, ни много ни мало, смену методологии общественно-гуманитарных наук. Это не произвол, а констатация ограниченной применимости прежнего научного аппарата. Общество давно «убежало вперёд», а социальная и гуманитарная наука живут в плену юридизма и абстрактных универсалий. Их концептуальный каркас лишь подавляет и маргинализирует живые общественные процессы. Он подменяет анализ мёртвыми, повторяющимися конструкциями, «формирующими» свой объект.

Эта ангажированность превосходит влияние советского классового подхода, который при необходимости легко вычленился из общей структуры исследования. Сегодня же демаркационная линия между наукой и идеологией полностью утрачена.

Как замечал критик современной ему методологии науки Пол Фейерабенд, «нет необходимости говорить о психологических преимуществах, вытекающих из использования альтернатив. Действительно, если мышление ограничено рамками одной-единственной

теории, оно может не заметить её наиболее уязвимых слабостей». ¹¹

В будущем обществе предстоит разобраться в истоках современного квадравиума — социологии, психологии, культурологии и политологии — и, наконец, самого либерализма как идеологической матрицы социальной системы и геокультурной нормы современности.

Понять — значит изменить.

Е. А. Белжеларский

---

¹¹ Фейерабенд П. К. Ответ на критику (комментарий к статьям Дж. Дж. Смарта, У. Селларса и Х. Патнэма) / П. К. Фейерабенд // Структура и развитие науки. — М., 1978. — С. 317.

Русофобия

До недавнего времени термин «русофобия» вызывал у думающего человека больше вопросов, чем ответов. Чаще всего этот термин ассоциировался с книгой «Русофобия» академика И. Р. Шафаревича, чьё понимание предмета во многом находилось в плену более узкой и специфической темы русско-еврейских отношений. Это запутывало вопрос и мешало рассмотрению русофобии как многоаспектного политического явления.

Сегодня становится всё более очевидным тот факт, что русские в XX веке на коротком историческом отрезке повторили отдельные аспекты судьбы еврейского народа. Здесь можно напомнить и о противоестественной разделённости русского народа как состояния, подобного еврейскому понятию «галут» («изгнание», «рассеяние»), а также о геноциде, которому русские (и дружественные им народы СССР), как и евреи, подверглись в XX веке в период этнической войны 1941-1945 годов.

Все эти факты требуют тщательного переосмысления и серьёзной корректировки традиционного взгляда на проблему.

Заколдованное слово

История понятия «русофобия» тянется с XIX века, начиная с хрестоматийных высказываний Фёдора

Тютчева. Если не о термине, то о самом явлении, скрывающемся за ним, так или иначе в разное время говорили славянофилы И. С. Аксаков, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, Ю. Ф. Самарин, писатель Ф. М. Достоевский, историк Н. Я. Данилевский, философ К. Н. Леонтьев, критик Н. Н. Страхов. А в XX веке явление подвергали критике С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, А. Ф. Лосев, Л. Н. Гумилёв, Л. А. Тихомиров, М. О. Меньшиков, В. В. Шульгин, И. А. Ильин, И. Л. Солоневич, А. И. Солженицын, И. Р. Шафаревич, В. В. Кожин и многие другие.

Но, несмотря на критику, понимание этого явления с трудом отделялось от бытовой сферы, а сам термин проникал в сознание общества медленно. Тут сказалось стойкое неприятие и отторжение не только слова, но самой темы в целом со стороны либеральной части интеллигенции, наложившей на это направление мысли негласное табу.

О табуировании темы русофобии в общем говорили довольно давно. В частности, его обсуждение было характерно для львиной доли патриотических организаций начиная с конца 1980-х — начала 1990-х. Вот как историк Фёдор Нестеров описывает ситуацию 1980-х: «Ещё в июне того же 1989 года работа И. Р. Шафаревича “Русофобия”, впервые вышедшая из подполья, из “самиздата”, и опубликованная на страницах “Нашего современника”, разъяснила, причём разъяснила, казалось бы, вполне доходчиво, “что же имеется в виду”, но читать её в среде литераторов демократического направления считалось признаком

дурного тона. Читать не читали, в полемику с её автором не вступали, но осуждать осуждали, причём столь решительно, что становилось очевидным: “приговор окончательный и обжалованию не подлежит”¹². Так возникал феномен «заколдованного слова».

Можно спорить о достоинствах и недостатках конкретных текстов И. Р. Шафаревича, но сам факт табуирования *темы* сомнению не подлежит. В той же статье Нестерова рассказано, как автор пытался искать определения понятия в словарях и не нашёл ничего ни в БСЭ, ни в «Советском энциклопедическом словаре», ни в Словаре Ожегова, ни даже в «Словаре иностранных слов», хотя «англофоб» и «юдофоб» в последнем были найдены. Вследствие табуирования в российском информационном пространстве возник парадоксальный феномен заколдованного слова, который, подобно стелс-технологии, делал невидимой и всю стоящую за ним проблематику. Этот приём позволял сохранить целостность социально-политического дискурса, не перегружая его дополнительной аргументацией, но создавая в нём своеобразное белое пятно, информационную лагуну.

Отмена табу

Однако в последнее время термин «руссофобия» звучит всё чаще. Ещё до начала украинских событий он вошёл в официальный российский дискурс. О своео-

---

¹² Нестеров Ф. Закрытое слово / Ф. Нестеров. — URL: <http://www.voskres.ru/idea/nesterov.htm>.

бразном «расколдовывании» вопроса, о снятии эмбарго на изучение темы можно было уверенно говорить после выхода в свет аналитического доклада Русского Информационного Центра «Русофобия в России. 2006-2007 гг.», подготовленного депутатами Государственной Думы круга Дмитрия Рогозина.¹³ В этом докладе речь идёт, в частности, об административном давлении на общественные и политические русские организации и даже о репрессиях силовых структур против националистов, на русофобское содержание ряда российских законов, на антирусский контент в СМИ и преследование русских СМИ, на правовую и судебную дискриминацию. Не случайно статью 282 УК РФ назвали «русской» статьёй. В блогосфере регулярно обсуждается вопрос о вытеснении слова «русский» и попытках заменить его на слово «российский».

Многие наблюдатели отметили употребление термина в речи официальных государственных лиц в 2012 году — в частности, у С. Нарышкина. Последний тогда заявил: «...вряд ли мои стратегические предложения будут услышаны со стороны ряда руководителей Парламентской ассамблеи и ряда руководителей русофобских делегаций».¹⁴ Характерно, что три года назад это слово в медиапространстве ещё употреблялось в кавычках. Но массовые убийства русских на Украине и введённые против России санкции изменили ситуацию. Высказывания государ-

---

¹³ URL: <http://www.savelev.ru/article/show/?id=479&t=1>.

¹⁴ Нарышкин объявил бойкот сессии ПАСЕ из-за «русофобов». — URL: http://www.topnews.ru/news_id_53192.html.

ственных лиц, причём отнюдь не только думских лидеров, становятся более резкими. Тот же С. Нарышкин сказал в эфире «Россия 24»: «Я бы весь состав Парламентской ассамблеи разбил на три условные группы. Первая группа — одна треть — несправильные, агрессивные, злобные русофобы, и их не вылечить ничем уже».¹⁵

Сегодня слово «русophobia» стало для СМИ привычным термином с чёткими семантическими рамками. Например: «Русophobia на Украине приобрела ужасающие формы. Сегодня ненависть к России здесь приравнивается к патриотизму. Нецензурные и бранные слова в отношении русских произносятся везде, где только можно, и всё это находится на уровне политики государства».¹⁶ Теперь слово употребляется без кавычек, не как специфически окрашенное и контекстуально обусловленное, а как одно из ключевых понятий политического дискурса.

И здесь возникает закономерный вопрос: каким образом получилось так, что слово всё время отставало от тех реалий, которые оно обозначало, и роль которых в международных отношениях и внутривнутриполитической жизни России выросло стремительно. История знает немало примеров, когда то или иное понятие вначале входит в язык — и только после этого носители языка

---

¹⁵ Нарышкин разделил ПААСЕ на три условные группы. — URL: <http://ria.ru/politics/20150130/1045129260.html>.

¹⁶ Эксперты: США пытаются взять Россию в кольцо русophobia. — URL: <http://ren.tv/novosti/2015-03-24/eksperty-ssha-pytayutsya-vzyat-rossiyu-v-kolco-rusophobia>.

удивляются, как могло случиться, что явление существовало, а названия для него не было. Но чтобы почувствовать абсурдность этой ситуации, обществу приходится преодолевать некий психологический барьер. Именно так и обстояло дело с понятием «руссофобия» и его аналогом «антирусизм». Сегодня уже совершенно непонятно, почему в одно и то же время такие термины, как «исламофобия», «юдофобия» или даже «американофобия», употреблялись, а «руссофобия» выглядела чем-то экзотическим и посвящённые этой теме работы по философии и лингвистике были редкостью.

Сегодня слово «руссофобия» воспринимается как привычное и рутинное прежде всего потому, что обозначаемое им явление постоянно бросается в глаза. Общество осознаёт, что лингвистикой и бытовой ксенофобией проблема не исчерпывается. Она имеет политический и даже геополитический характер. Вполне космополитическая «Википедия» вынуждена не только дать полноценное определение, но и отметить, пусть и очень осторожно, что «по мнению отдельных специалистов, руссофобия, в отличие от большинства других национальных фобий, часто выступает как цельная идеология, то есть как особый комплекс идей и концепций, имеющий свою структуру, систему понятий, историю генезиса и развития».¹⁷

Есть много примеров руссофобских политизированных исторических концепций и откровенных ми-

---

¹⁷ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F3%F1%EE%F4%EE%E1%E8%FF>.

фов, используемых на государственном и внешне-политическом уровнях в некоторых странах. Классический политический русофобский дискурс содержит идею возложения на русскую общность вины за преступления части советской элиты, утверждения о «генетическом авторитаризме», «рабском сознании» русских, намеренное непризнание их исторической жертвой. Всё это элементы риторической и политической обманки.

Одним из наиболее ярких примеров такого рода можно считать концессию украинского голодомора вместо реальной картины голода в разных регионах СССР (Поволжье, Алтай, Украина и др.). Об этой проблеме, в частности, шла речь в отчёте, опубликованном на сайте «Росархива», о международной конференции «Историческая и политическая проблема массового голода в СССР 30-х годов», прошедшей в Москве ещё в 2008 году.¹⁸

Антисемитизм и антирусизм

По нашему мнению, для системной политической русофобии, далеко выходящей за рамки бытовой ксенофобии, больше подходит термин «антирусизм», и по внутренней форме и содержанию более близкий понятию «антисемитизм». И связь здесь отнюдь не

---

¹⁸ См.: Историческая и политическая проблема массового голода в СССР 30-х годов: Международная конференция. — 17 ноября 2008 г. — URL: <http://www.rusarchives.ru/evants/conferences/hunger-ussr-r.shtml>.

только лингвистическая. Сегодня некоторые авторы проводят интересные и важные параллели между русофобией и историческими проявлениями антисемитизма. Например, Александр Хавчин в статье «Русофобия и антисемитизм» утверждает: «Антисемитские и русофобские настроения могут существовать в тесной взаимосвязи, как было, например, в истории Германии, а в наши дни — в некоторых странах Центральной и Восточной Европы, в которых ксенофобия стала уродливым эрзацем национальной идеи. Как евреи, так и русские объявляются действующими заодно врагами польского (украинского, литовского и т.д.) народа».¹⁹

Автор указывает не только на сходство, но и на различия в негативном отношении к евреям и русским, а также — и это особенно интересно — на различия коллективных психологических реакций евреев и русских в ответ на агрессию. «За многие века жизни в галуте (рассеянии) у евреев выработались механизмы психологической защиты от проявлений национальной неприязни. Евреям в большей степени, чем русским, свойственна виктимность — осознание себя невинной жертвой — и соответствующее поведение, провоцирующее агрессию». Русские же, по мнению Хавчина, до сих пор очень часто оказываются не готовы к свалившемуся на них бремени. Поэтому, добавим от себя, всё ещё сильна традиция оправдания русофобии в самой русской среде.

---

¹⁹ URL: <http://berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer9/Havchin1.php>.

Правовое гетто

Жизнь слов неотделима от жизни вещей. Ещё в 1990-е было ясно, что положение этнических русских, оказавшихся на территории бывших советских республик в статусе национального меньшинства, с каждым годом ухудшается. Русский язык изгонялся из обращения, русские школы закрывались, трудно было устроиться на приличную работу и рассчитывать на карьерный рост. Кое-где под предлогом политики «натурализации» русские получили статус «неграждан» (Латвия, Эстония). Фактически русские оказывались отселёнными в правовое гетто.

Но лишь на Украине в 2014-м дискриминация переросла в геноцид русского населения, организованный на официальном уровне. Процесс набирал обороты постепенно. Российский историк-славист Алексей Ильич Миллер писал в 2007 году: «Украинцы смотрели на малороссов как на объект просвещения и социальной инженерии, как на исковерканных чужим влиянием»²⁰. Но до определённого времени насильственная дерусификация не переходила в прямые репрессии.

Начало вспышке антирусских репрессий положил проект Колесниченко-Кивалова (в просторечии «закон о русском языке»), принятый Верховной Радой до «майдана». Он был сразу же отменён новой, майданной властью. Понимая, что дерусификация будет

---

²⁰ Миллер А. И. Дуализм идентичностей на Украине / А. И. Миллер // Отечественные записки. — № 1. — 2007.

ужесточаться, в некоторых украинских регионах с русским большинством заговорили о независимости. Участники «неправильных» референдумов за независимость Донецкой, Луганской и Харьковской областей подверглись репрессиям, в ответ на это русские повстанцы сформировали ополчение. Тогда украинская власть, будучи не в состоянии сходу разгромить и подавить русское движение, начала обстрелы мирных кварталов, а затем блокаду населения ДНР и ЛНР.

Заметим, что сама Украина получила в 1991-м независимость по первому требованию и свободно вышла из состава СССР, но отказала в аналогичном праве русским Новороссии в 2014-м.

Сегодня дерусификация Востока Украины осуществляется сугубо военным путём. Причём программа «освоения» территории Донбасса предполагает уничтожение и выселение его жителей, этнических русских. По тому, как ведут войну ВСУ, видно, что их основная задача состоит не только в том, чтобы победить ополчение, но и в том, чтобы сделать территорию непригодной для жизни. Это разрушение коммуникаций (подачи воды и проч.) и блокада населения народных республик Новороссии, напоминающая блокаду Ленинграда. Война с населением, которое Киев до сих пор продолжает считать «своим», укладывается только в одну логику — логику геноцида.

О том, что Киев считает русских Новороссии «генетическим мусором» и «недоллюдьми», известно из заявлений официальных лиц (того же Яценюка) и украинской пропаганды. На официальном украин-

ском радиоканале журналист Буткевич называет население Донбасса лишними людьми, из которых надо оставить в живых только 1,5 млн — меньшую часть. В качестве аналогии этого заявления можно взять рассуждения западных лидеров, которые считают население России слишком многочисленным. Кто называет желаемый демографический «потолок» в 40 млн, кто в 15 млн. Собственно эта ситуация возникла не сегодня. Ещё Йозеф Геббельс говорил: «Русские — не народ в общепринятом смысле слова, а сброд, обнаруживающий ярко выраженные животные черты». Вот реплика Рамона Серано Суньера, министра иностранных дел франкистской Испании: «Уничтожение России — требование истории и будущего Европы». А вот что говорит Геннадий Корбан, правая рука Игоря Коломойского по бизнесу: «Украина должна превратиться в Латвию. Латвия ненавидит Россию. Поколения должны ненавидеть Россию, именно ненавидеть...». Киевский кабинет стремится превратить страну в «европейский бронезилет», «границу западной цивилизации», «форпост против восточных варваров» и всё время твердит о «конflikте менталитетов». Это матрица любой ксенофобской идеологии, возведённой на политические высоты.

Внутри России

Фашизм не бывает направлен во все стороны одновременно. У современного неофашизма, как и у германского фашизма XX века, есть определённый

объект: русская общность. Непонимание и замалчивание этого факта в России ведёт к серьёзным последствиям для будущего русской нации.

В такой ситуации особенно опасны проявления русофобии в самой России. В частности, безответственные высказывания ряда маргинальных общественных и культурных деятелей в поддержку геноцида русских на Украине, презрительное название 86% национально и консолидировано мыслящих людей «проблемой для страны». Телеведущая Ксения Собчак позволила себе назвать русских «быдлом», а Россию — «страной генетического отребья». Это прямой повтор позиции украинских политиков, называвших жителей восточных областей страны «недолюдьми» и «генетическим мусором». Певец Андрей Макаревич влёгкую рассуждает о русских как о «нации с повадками кочевников». Это единая стилистика и единый почерк. Подобные высказывания должны получать резкое моральное осуждение. А в ряде случаев необходимо задействовать и 282-ю статью о разжигании национальной розни.

Люди, склонные к такого рода высказываниям, переступили моральную грань в тот страшный день, когда десятки антифашистов сгорели в огне Одесской Хатыни, а носители маргинальных политических взглядов оправдали эту расправу.

Важный итог 2014 года состоит в том, что русофобия полностью выработала свой ресурс, утратила легитимность в русской среде, за исключением компрадорского слоя. Подавляющая часть общества

осуждает русофобские взгляды. Их носители уже не могут рассчитывать на уважение нигде, кроме как в своём узком кругу. Но это не должно расхолаживать. Необходима упорная просветительская деятельность и формирование стандартов изучения истории, дающих представление об огромных жертвах, понесённых русскими за последнее столетие.

Борьба дискурсов

Из уст украинцев нередко приходится слышать примерно следующее: «россияне — это бывшие “русские”».

Мы прекрасно понимаем, что война Украины с русскими — это и война за русское историческое наследие. У русских стремятся отнять домосковский период истории Руси, хотя эта установка украинской историографии частично поколеблена возвращением в Россию Херсонеса. Крещение Руси, преодоление Смутного времени, Победа 1945 года, возвращение Херсонеса и Севастополя в 2014-м — всё это интегрирующие смыслы единой русской истории. И именно эти элементы русского дискурса сегодня чаще всего попадают под удар.

Но русско-украинский конфликт — это лишь внешний, поверхностный слой проблемы. На глубинном уровне европейская русофобия связана с византийским наследием и русским образом «другой христианской Европы», который вызывает в западном сознании страх потери целостности, страх распада обще-

европейской Я-концепции. Это эффект «расколотого Я». Именно поэтому западное экспертное сообщество стремилось и стремится переместить историческую Византию из парадигмы «запада» в парадигму «востока» и представить Россию восточной, азиатской страной. Это вытеснение нежелательного содержания коллективного сознания, подобное «вытеснению комплексов», описанному психологами. Ведь если признать существование другой Европы, придётся признать и то, что их нынешние ценности (не христианские, а ценности секулярного модерна и постмодерна) не универсальны.

Член Экспертного совета Всемирного русского народного собора Александр Посадский даёт очень точный диагноз европейской русофобии. Его точка зрения достойна обширного цитирования.

«Опираясь на исследования Михаэля Хорбсмайера, приходится констатировать, что Россия стала вызовом для западноевропейской космологии <...> Интеллектуалами эпохи Возрождения <...> предлагается новое видение принципов формирования коллективной идентичности — через абстрагирование от традиционно понимаемых социальных уз. <...> Деятели Ренессанса открывают для себя возможности экспериментирования с идентичностью, конструктивистские подходы к ней, что увязывается с радикальным оппонированием традиционным идентичностям как архаическим и несовременным. <...> Подобная номадическая идентичность обретает себя не в утверждении положительных содержательных принципов,

а в абсолютизации отрицательных. Она начинает конструироваться путем негативных дискурсов. При этом последние воспроизводят самые архаичные стереотипы и предрассудки. Содержательные основания идентичности утончённо подменяются фетишизацией собственного эго, нивелированием традиционных ценностей и форм жизни. Тем самым делаются попытки прикрыть смысловую пустоту номадических авантюр. Приходится признать, что негативные дискурсы со временем приобретают гегемонистские формы, обнаруживая тяготение к ассимиляции, подавлению и разрушению различных социальных сценариев <...>. В России утвердилось надконтекстуальное и эссенциалистское видение истории народов. Это означает, что смысл их исторического бытия не может быть сведён к социальным контекстам. Он не есть продукт искусственного субъективного конструирования, но обладает глубинным содержанием, восходящим к фундаментальным духовным ценностям и смыслам <...>. Русские рассказывают историю европейских народов как историю надконтекстуальных “Я”. Упорное нежелание русских связать свою судьбу с “дивным новым миром” номадической идентичности, оппонирование её различным версиям делает их оплотом традиционной духовности. Так было в XVI веке. Но, похоже, XVI век продолжается и сегодня». Однако интеллектуалы Запада «прочитывают во всём этом лишь конкурирующий нарратив, что даёт импульс формированию идеологической машины, производящей русофобские мифы. Обвинение в нециви-

лизованности — возмездие за эссенциализацию представлений о человеческих сообществах, отставание питающих идентичность традиционных нарративов. Репрезентация альтернативной истории русских как варваров — маскировка неудач экспериментирования с европейской идентичностью».²¹

Следует ещё отметить, что наряду с традиционализмом, эссенциализмом и отрицанием номадической стратегии «конструирования идентичностей» негативную реакцию многих западных интеллектуалов вызывает популярность в России эгалитарных идей и социальных моделей, причём не в конструктивистской версии западных социалистов, а в органических формах византийской наследственности и потому соединённых с традиционализмом, а не противостоящих ему на либертарианский манер.

Сказанное означает, что России необходимо культивировать самообраз «другой Европы», а не отдельной «страны-цивилизации» или некоего центра «евразийского консенсуса», тем более что стремительная дехристианизация Запада создаёт для этого идеальные условия. Но вписывание своих социокультурных кодов в текст европейской идентичности потребует преодоления мощной инерции и фильтрующих механизмов.

Социокультурный код — это система базовых понятий, составляющих национальную культурную и язы-

---

²¹ Посадский А. Русские как традиционная нация / А. Посадский. — URL: <http://vrns.ru/experts/3359/#.VYbIpUbf0>.

ковую картину мира, которую не так легко формализовать и репрезентировать вовне, хотя подсознательно она «вшита» в сознание русских. Первый этап кодирования русского дискурса заключается в переводе византийского социокультурного наследия на язык общерусской традиции в его нынешнем виде. И этот этап до сих пор не завершён. Второй этап даже не начат: это перевод самого русского дискурса на современный космополитический язык («космолингву»). Но эта работа должна стать делом ближайшего будущего.

Русская ирредента

«Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» определяет положение русского народа в России в качестве «системообразующего ядра».

В начале 2014 года президент России Владимир Путин справедливо назвал русский народ крупнейшим разделённым народом мира и напомнил о необходимости защиты русских общин за границей. Парадокс ситуации заключается в том, что *государствообразующий* народ является в то же время *разделённым* народом. Идея, которая запустила процесс исторического воссоединения русских, называется ирредентизм — слияние, воссоединение частей одного народа.

Понятие «ирредента» само по себе означает национальное меньшинство, которое населяет территорию, отделённую от государства, в котором живут его соотечественники, государственной границей, то

есть примыкающую к «большой родине», но по тем или иным причинам находящуюся в составе другого, иностранного государства. Обычно причиной такого неестественного состояния является совершённая ранее аннексия в результате войн, оспаривания границ или колонизации. Иными словами, меньшая часть народа отселяется от большей принудительно, вместе со своей землёй.

Ирреденту принято рассматривать как «продукт доктрины, провозглашающей право каждого народа, относящего себя к “нации”, учреждать национальное самоопределение в форме государственной независимости».²²

Историческая территория, на которой существует сегодня русский народ, включает в себя не только пространство внутри государственных границ России, но и ирреденту — территории исторического проживания. В официальном дискурсе это в целом принято называть «русским миром». Но семантические границы понятия ещё не до конца устоялись, поэтому во избежание ошибок попытаемся дать ему простое и строгое определение.

Определение русского мира основано на двух критериях.

1. Русский мир — это совокупность людей, для которых независимо от места проживания русский язык

---

²² Мендикулова Г. М. Казахская диаспора и ирредента: история и современность / Г. М. Мендикулова. — URL: <http://www.referatbank.ru/referat/preview/27128/kontrolnaya-kazahskaya-diaspora-irredenta-istoriya-sovremennost.html>).

и русская культура являются основными, то есть полученными в процессе воспитания.

2. Исключение составляют те, кто по тем или иным причинам сознательно относит себя к какой-то другой нации.

Необходимо понимать, что границы русского мира подвижны. Например, нынешняя Украина представляет собой лоскутную империю, сшитую из разных наций наподобие исторической Австро-Венгрии (правда, в Австро-Венгрии, распавшейся век назад, не было массовых убийств национальных меньшинств). При этом, согласно социологическим опросам, сегодня на Украине 80% людей говорят и думают по-русски. Но это пока. Если немногие ещё оставшиеся на Украине русские школы будут умышленно закрываться, русский язык не вернёт себе статус второго национального, число людей, думающих и изъясняющихся на русском, будет уменьшаться, и их историческая связь с Россией оборвётся.

Эта ситуация насильственной дерусификации во многом и подтолкнула русский ирредентизм на Украине, который в нормальных условиях мог бы иметь другие формы или не возникнуть вовсе. Сказанное касается в первую очередь территории исторической Новороссии. То, что произошло в 2014 году в Крыму и в Донбассе, есть проявление ирредентизма. Русское общество и государство должны до конца прояснить ситуацию и признать Беловежские решения 1991 года нелегитимными. В противном случае останется неясным, почему крымчане имеют право на исторический

выбор, а русские жители ДНР и ЛНР, проголосовавшие на референдумах за независимость республик, его лишены.

На примере Новороссии хорошо видно, чем ирредента отличается от «диаспоры» — национального меньшинства, которое возникает в результате добровольной миграции и не занимает исторически принадлежавшую ему территорию. Казалось бы, греческое слово «диаспора» близко по значению к еврейскому «галут», тоже «рассеяние». Но здесь есть существенная разница. Галут — не добровольная миграция, а принудительное разделение, постигшее евреев после взятия Иерусалима Навуходоносором II и последовавшего затем Вавилонского плена (586 г. до н. э.).

Появление ирреденты — тоже результат насильственных действий, но в данном случае они проявляются в дроблении народа *вместе с территорией* его проживания и нередко (хотя и не всегда) равнозначны оккупации.

В связи со всем сказанным следует обратить внимание на историческое различие антисемитизма и антирусизма (политической русофобии). Последствия антирусизма проявились в разделении не только народа, как это было в еврейской истории, но и страны его первоначального проживания (России и СССР). Преодоление этого разделения — важнейшее условие восстановления русскими своей исторической субъектности.

Геноцид

Русские являются одним из народов, подвергшихся в XX веке геноциду. Число евреев, уничтоженных гитлеровцами, — более 6 млн человек. В том числе их казнили и служащие вермахта в годы войны. Теперь вспомним цифру потерь среди наших соотечественников и вычтем из неё число погибших солдат. Останется внушительная цифра. Вот эти потери русской нации так и не были возмещены. Важно понимать, что эти люди не являются обычными жертвами войны. Со стороны «третьего рейха» это была именно этническая война; Гитлер и его окружение этого не скрывали. Они выполняли план Прусского комитета по «внутренней колонизации», разработанный задолго до прихода Гитлера к власти.

Следует помнить, что в «третьем рейхе» войну с СССР также считали «этнической» в рамках плана «Ост» по зачистке «восточных территорий». Известно, что цифра потерь русского народа во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов огромна. И речь идёт не только о солдатах, но и о гражданском населении.

Особую важность в контексте тенденций, связанных с ростом русофобии в мире, приобретает трагическая дата русской истории — 22 июня 1941 года. Сегодня уже очевидно, что роль этого события должна быть официально отмечена не просто как День скорби, а как День начала геноцида русского народа.

В определении значения Великой Отечественной войны пора задать чёткие смысловые рамки. Это по-

может разделить в сознании российского общества два совершенно разных понятия — Вторая мировая война с несколькими участниками и несколькими политическими договорами по разделу Европы (германо-польский договор о «дружбе и сотрудничестве», аншлюс Австрии, Мюнхенский пакт, он же — раздел Чехословакии 1938 г., пакт Риббентропа-Молотова 1939 г. и др.) и Великая Отечественная война против гитлеровского альянса стран, совершивших агрессию с целью этнического геноцида и колонизации территории СССР.

Невозможно отрицать тот очевидный факт, что русские — один из народов, подвергшихся геноциду в прошлом веке, — подвергается ему и сейчас. Об этом свидетельствуют как методы, так и идеология нынешней киевской власти.

Только признанием русского геноцида мы сможем извлечь уроки как из недавней, так и из ныне совершающейся истории. Эти уроки очень важны именно сейчас, когда в мире произошла реабилитация фашизма и практически выдана лицензия на уничтожение русских. Если евреи уже пережили свою Катастрофу, то русские продолжают переживать её. Русская Катастрофа, по всей видимости, должна получить собственное имя, имеющее корни в русской языковой традиции. Вполне возможно, это будет слово *«плаха»* («эшафот», «место казни», перен. разг. — «смертная казнь»).

Вот только исполнения приговора мы ещё можем избежать. И казнь может стать профанацией, если

мы сами в это поверим, — как это описано Владимиром Набоковым в «Приглашении на казнь»:

«И уже побежала тень по доскам, когда громко и твёрдо Цинциннат стал считать: один Цинциннат считал, а другой Цинциннат уже перестал слушать удалявшийся звон ненужного счёта — и с неиспытанной дотоле ясностью, сперва даже болезненной по внезапности своего наплыва, но потом преисполнившей веселием всё его естество, — подумал: зачем я тут? отчего так лежу? — и задав себе этот простой вопрос, он отвечал тем, что привстал и осмотрелся <...>. Цинциннат медленно спустился с помоста и пошёл по зыбкому сору. Его догнал во много раз уменьшившийся Роман, он же Родриг: — Что вы делаете! — хрипел он, прыгая. — Нельзя, нельзя! Это нечестно по отношению к нему, ко всем... Вернитесь, ложитесь, — ведь вы лежали, всё было готово, всё было кончено! Цинциннат его отстранил, и тот, уныло крикнув, отбежал, уже думая только о собственном спасении. Мало что оставалось от площади. Помост давно рухнул в облаке красноватой пыли».

Наши задачи

Русофобия имеет три аспекта — политический, академический и социокультурный.

В рамках текущей политики нам нужны срочные, безотлагательные действия по защите русских внутри и за пределами страны.

В академических рамках необходимо внимательное изучение русофобии как исторического явления

(эта задача уже решается в рамках деятельности Всемирного русского народного собора и других научных и общественных организаций).

И, наконец, третья задача, которая стоит перед нами, — восстановление стёртой русской идентичности. Необходимо чётко сформулировать роль русского языка, русской культуры и русского православия в этом процессе. Наблюдения за уровнем русофобии в России в 2014 году выявили две противоречивые тенденции. С одной стороны, на фоне политических событий на Украине вырос уровень русофобии среди компрадорской части «креативного класса». С другой стороны, подавляющая часть общества сегодня решительно осуждает русофобские взгляды, утратившие остатки легитимности на фоне антирусских репрессий на востоке Украины. Согласно нашему прогнозу, в краткосрочной и среднесрочной перспективе носители русофобских взглядов будут маргинализироваться, что в свою очередь вызовет радикализацию их взглядов. Такое сочетание тенденций может привести к гражданскому взрыву, который необходимо предотвратить.

Меры, которые позволили бы избежать этого страшного сценария, включают в себя постоянный мониторинг ситуации, контроль правоохранительных органов за проявлениями русофобии, поддержание атмосферы морального осуждения русофобии в обществе и медиасфере, просветительские усилия государства в этом направлении.

Требуется поиск, систематизация и архивирование случаев русофобии в России, а также за рубежом

в местах компактного проживания русских, мониторинг общественного отношения к ущемлению прав русских в России и за её пределами.

Русофобия является одним из проявлений экстремизма, это признание должно быть сделано на официальном уровне и поддержано применением в ряде случаев статьи 282 УК РФ («о разжигании ненависти либо вражды»). Русофобия должна быть запрещена законом точно так же, как запрещена героизация нацизма. Поскольку острей неонацизма направлено против русского общества, мы имеем полное право на эти меры самозащиты.

Очень важно соблюдение этической и политической корректности по отношению к русскому национальному достоинству, моральное осуждение идей о «генетическом авторитаризме», «коллективном покаянии» и т.п.

Среди первоочередных задач — доведение до общественности фактов русофобии, признание статуса русских как «народа-жертвы» и «разделённого народа», определение ущерба, понесённого русскими в XX-XXI веках. Необходимо признание войны 1941-1945 годов геноцидом русских и дружественных им народов СССР.

Необходимо выработать и предложить обществу конкретные меры по компенсации демографических и культурных потерь XX-XXI веков. Речь идёт о так называемых аффирмативных действиях (режим благоприятствования в отношении дискриминированных групп).

Критически важно преодоление информационной блокады в самой России. Лишь кардинально изменив информационную повестку в СМИ, а также содержание школьного и вузовского образования, можно защитить национальное достоинство и сохранить общество. В самое ближайшее время необходимо сформировать программу научных исследований проблем русской идентичности.

Интересы русского общества требуют разработки и концептуализации понятий «руссофобия», «русская нация», «русская идентичность», «русский мир», «русская земля». В рамках гуманитарных и общественных исследований необходимо изучение геноцида русских в истории, а также международного опыта и международной практики по защите национальных прав.

Необходимо признание русским национальным достоянием православных святынь Москвы, Херсонеса и других городов, каковые святыни имели прямое и непосредственное отношение к становлению национальной идентичности.

Важной инициативой может быть проект закона о национальном примирении. Пришло время прекратить исторические распри верующих и атеистов, староверов и православных, представителей бывших «белых» и «красных». Забыв историческую гордыню, поклонники советского и дореволюционного периода должны объединиться перед общими вызовами.

* * *

Процесс восстановления русской национальной субъектности критически важен. В условиях информационной и экономической войны он позволит эффективно защитить Российское государство. Нация либо вновь обретёт себя, либо начнётся её необратимый распад.

А. В. Щипков

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя	III
А. В. Щипков – Похищение русской идентичности	3
В. Т. Третьяков – Похищение советской идентичности	40
Д. О. Бабич – Красное и белое	76
С. Ф. Черняховский – Белое и красное	88
А. М. Малер – Дехристианизация	125
Е. А. Белжеларский – Распад либеральной идентичности	149
А. В. Щипков – Русофобия	180

П Л А Х А

1917 – 2017

СБОРНИК СТАТЕЙ О РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Д. О. БАБИЧ, Е. А. БЕЛЖЕЛАРСКИЙ, А. М. МАЛЕР,
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ, С. Ф. ЧЕРНЯХОВСКИЙ,
А. В. ЩИПКОВ

Редактор

Анастасия Климова

Подписано в печать 30.06.2015
Формат 60x84/₃₂. Объем 12,3 усл. печ.л.
Тираж 1000 экз. Отпечатано в России

ISBN 978-5-98604-506-1

9 785986 045061

Издательство «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru